

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (структурное подразделение)

СБОРНИК ТРУДОВ

**II Междисциплинарной научной конференции
«КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XXI:
ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА, КОММУНИКАЦИЯ»**

**СЕРИЯ «Гуманитарные науки»
(Электронное издание)**

Симферополь, 2017

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФГАОУ ВО «КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени В. И. ВЕРНАДСКОГО»
ТАВРИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ (структурное подразделение)

СБОРНИК ТРУДОВ

**II Междисциплинарной научной конференции
«КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XXI:
ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА, КОММУНИКАЦИЯ»**

Серия «Гуманитарные науки»

30.11.2017 – 04.12.2017

Научное электронное издание

Симферополь, 2017

Техническая редакция и верстка:

Институт иностранной филологии Таврической академии
(структурное подразделение) ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет
имени В. И. Вернадского»

II Междисциплинарная научная конференция «КОНВЕРГЕНТНЫЕ
ТЕХНОЛОГИИ XXI: ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА,
КОММУНИКАЦИЯ» (Симферополь, 2017), сборник научных трудов.
Симферополь, 2017. Серия «Гуманитарные науки». – 256 с.

В сборник включены публикации докладов участников II Междисциплинарной
научной конференции «КОНВЕРГЕНТНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ XXI:
ВАРИАТИВНОСТЬ, КОМБИНАТОРИКА, КОММУНИКАЦИЯ», отражающие
результаты исследований аналитического и эмпирического типа в сфере
гуманитарных наук.

Работы публикуются в редакции авторов. Ответственность за достоверность
фактов, цитат, заимствований, собственных имен и других сведений несут
авторы.

СОДЕРЖАНИЕ

ЕВРИПИДОВСКИЙ МИФ О МЕДЕЕ В ДРАМАТУРГИИ БОСТА <i>Александрова О.Н.</i>	8
ИННОВАЦИИ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ <i>Арбузова Н. В.</i>	22
О СРЕДСТВАХ ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ <i>Асютина О. А.</i>	26
ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОНИМАНИИ НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА (НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭССЕ «АСКЕТИКА») <i>Банах Л. С., Лысова В. С.</i>	31
СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФАКУЛЬТЕТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ <i>Вершицкая Е. Р. Гольдберг Г. А.</i>	39
КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ <i>Вечканова Э. Ю.</i>	44
БРАДЖ КАЧРУ: ИЗУЧЕНИЕ МИРОВЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА <i>Вовк Н. А.</i>	52
АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О МНОГОЗНАЧНОСТИ ТЕРМИНА <i>Гладких О. И.</i>	58
НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ <i>Грива О. А.</i>	63
РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ, ЕЕ СВЯЗЬ С РОМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ МИРА <i>Доминенко Н. В.</i>	70

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЖИВОПИСИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ <i>Дункевич С. Г. Кураמיшина Ю. В.</i>	78
ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ» В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОРА ВИДАЛА <i>Ермоленко О. В.</i>	86
ТЕРМИНОЛОГИЗАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА) <i>Зеленцова М. Г.</i>	94
ДИАЛОГ КУЛЬТУР И СИМВОЛИСТЫ О СИМВОЛЕ И СИМВОЛИЗМЕ <i>Карпенко А. В.</i>	102
BUSINESS ROLE-PLAYING AS A METHOD OF THE ACTIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT IN MODERN CONDITIONS <i>Кистерская О. М.</i>	110
SLANG AND COCKNEY IN LITERATURE <i>Клюева В. Г.</i>	115
СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ <i>Коваленко С. П.</i>	121
ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДВИДЫ ПРИЗЫВА И ФОРМЫ ЕГО ЭКСПЛИКАЦИИ <i>Козлова А. Т.</i>	126
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИКТОРИАНСКОГО МЮЗИК-ХОЛЛА В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «TIPPING THE VELVET» <i>Кохан О. Н.</i>	132
ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА (НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ МАТЕРИАЛЕ) <i>Кривенко О. В., Клюева В. Г., Витковская Г. В.</i>	138
ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ <i>Кураמיшина Ю. В., Титяничко К. С.</i>	143
НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ БОЛГАРСКОГО ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА) <i>Курьянова И. А., Беякова С. В.</i>	148

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИИ <i>Логвина С. А., Сахно Е. М.</i>	155
ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ <i>Марцовенко С. И.</i>	159
МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА <i>Мацнева К. А.</i>	164
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ: МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМАТИКА <i>Мельниченко Т. В.</i>	171
СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ПРИРОДА БРИТАНСКОГО ТЕЛЕДИСКУРСА КАК СПОСОБА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ И МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НАЦИИ <i>Онищенко Ю. В.</i>	178
МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОЛЛОКАЦИИ С НАЗВАНИЯМИ ЭМОЦИЙ КАК СРЕДСТВО ВЫЯЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ <i>Осадчук Н. В.</i>	187
ПРИМЕНЕНИЕ КВАЛИТАТИВНЫХ И КВАНТИТАТИВНЫХ МЕТОДОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ <i>Рак А. Н.</i>	192
СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОХВАЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ <i>Рыжикова М. Д.</i>	199
ПРЕИМУЩЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ <i>Сахно Е. М., Вазиновская И. К.</i>	203
SCIENCE-ART – НОВЫЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА <i>Сефер К. Э.</i>	209
ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В РОМАНЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ» <i>Службина А. Г.</i>	214

ОБРЯДНОСТЬ КАК МАРКЕР РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РАННЕМУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ <i>Стивак И. А.</i>	218
К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ХАРАКТЕРЕ И «ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ» ПРИРОДЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ <i>Холодняк О. С.</i>	224
ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСЫ НА ОСНОВЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ WEB-САЙТОВ <i>Чернявская О. Г.</i>	230
ПОИСК «ИДЕАЛА» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА <i>Шапошник Н. А.</i>	236
ПОНЯТИЕ «РЕАЛИЯ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРОБЛЕМА ЛАКУНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ <i>Шевченко Н. В.</i>	245
О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ <i>Шереметьева Е. В.</i>	251

ЕВРИПИДОВСКИЙ МИФ О МЕДЕЕ В ДРАМАТУРГИИ БОСТА

Александрова Ольга Николаевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация: В статье Александровой О. Н. «Еврипидовский миф о Медее в драматургии Боста» пьеса «Медее» («Μήδεια», 1993) известного греческого драматурга XX века Боста (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995) рассматривается в контексте развития европейской и греческой литературы Нового времени, в частности, обнаруживаются параллели с трагедией Еврипида.

Ключевые слова: греческая драматургия XX века, трагикомедия, Еврипид, Бост (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918 –1995), «Медее» («Μήδεια», 1993).

Темой данного исследования были избраны особенности использования в современной драматургии мифологических сюжетов.

Целью статьи является исследование использования и переосмысления известным в Греции драматургом и художником Бостом (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995) еврипидоского материала на примере его пьесы «Медее» («Μήδεια», 1993).

Новизна и актуальность творческого наследия Боста объясняется значимостью драматурга в современном греческом литературном процессе и фактической неизвестностью его творчества в других странах.

Ментис Бостанцоглу или, как его называют в Греции – Бост, один из наиболее известных на Родине иллюстраторов книг, автор многочисленных политических комиксов и карикатур, язвительный фельетонист всегда увлекался театром. И хотя его перу принадлежат несколько пьес, таких как «Дон Кихот» (Δον Κιχώτης, 1963), «Прелестный город» («Όμορφη Πόλη», 1963), «Выбор Боста» («Οι εκλογές του Μποστ», 1973), «Фауста» («Φαύστα», 1982), нередко его воспринимают как драматурга одной пьесы – «Медее».

Как и многие греческие интеллигенты, Бост всегда был увлечен идеей дионисийства, которую воспринимал, прежде всего, как возможность возродить

славу греческого театра, поднять его на уровень театра древнегреческого. Недаром критики, восхищаясь сатирической злободневностью его пьес, нередко сравнивают драматурга с Аристофаном, считая, что именно у древнего комедиографа Бост заимствовал фантасмогоричность своих представлений.

Боста эти рассуждения, вероятно, изрядно веселили, потому что когда журналисты писали, что он – новый Аристофан, драматург, смеясь, отвечал, что «Аристофан не рисовал» («ο Αριστοφάνης δεν ζωγράφισε»), а когда они называли его новым Теофилом, заметил, что «Теофил не писал пьес» («ο Θεόφιλος δεν έγραφε θεατρικά έργα»), а затем язвительно прокомментировал, что журналисты пишут, что хотят: «οι δημοσιογράφοι γράφουν ό,τι θέλουν» [7].

Пьеса «Медея» была поставлена к двухлетию создания театра «Галерея» («Sto0a») в г. Патры в 1993 г. и сразу стала невероятно популярной во всей Греции. Сейчас насчитывают более 150 ее постановок в самых разных уголках страны, как на профессиональных, так и на любительских сценах.

Греческие театралы и критики высоко оценили то, как мастерски Бост сумел, следуя канве еврипидоского сюжета, сохранить аристофановские злословие и сарказм. Они писали, что «на материале трагедии Еврипида с остротой аристофановского сарказма и остроумия, написать политическую пародийную пьесу, сатиру на современную греческую реальность» «με αφορμή την τραγωδία του Ευριπίδη, με οξύτατο σαρκασμό και Αριστοφανικό πνεύμα γράφει ένα ανατρεπτικό πολιτικοκοινωνικό θεατρικό έργο παρωδία, σάτιρα της σύγχρονης νεοελληνικής πραγματικότητας» [4].

Переноса события «Медеи» в современную Грецию Бост переносит их из Коринфа в Волос, город, из которого отправились в путешествие Ясон и его соратники: «так как «Арго» отправился в плавание из Волоса, то и по возвращении должен был стать на якорь именно в Волосе» [11, с. 75].

Как и у Еврипида, в его пьесе Медея одинока, ее мужа постоянно нет дома. Но у бостовского Ясона нет намерения бросить жену ради иного, выгодного брака. Он живет в свое удовольствие, постоянно пропадает в разных

дальних краях и странах в поисках развлечений. Дети и жена его мало интересуют. В пьесе упоминается, что у него есть любовница. Однако терять Медею герой Боста не хочет. Супруга устраивает его в качестве хранительницы очага и воспитательницы детей.

Это вечная проблема человеческого общества. Еще Демосфен отмечал: «Гетер мы имеем ради удовольствия, наложниц – для повседневного плотского удовлетворения, а жен – для рождения законных детей и для надежной охраны домашнего имущества» [Цит. по: 4, с. 62].

Как и в предыдущие века, в пьесе Боста современный брак сталкивается с массой проблем и сложностей. «Да, брак есть риск» («Ο γάμος είναι ρίσκο») [10, с. 26], – говорит одна из героинь – Монахиня. И ее слова перекликаются с известными словами еврипидовской Медеи:

«За мужей мы платим – и недешево...

А главное – берешь ведь наобум.

Порочен он иль честен, как узнаешь?» [1, с. 72].

С ее точки зрения, мужья, как и во все времена во всем мире, изменяют женам:

«Ведь муж, когда очаг ему постыл

на стороне любовью сердце тешит» [1, с. 72].

И мысли главной героини трагедии Еврипида подтверждает ее Кормилица – согласие между мужем и женой – вот залог семейного счастья:

«Разве есть на свете что милей семьи,

где с мужем живет жена согласно?» [1, с. 72].

Однако, как отмечает Бост, для многих в наше время основным залогом семейного счастья оказывается обеспеченность мужа. И эту сторону семейных отношений в пьесе Боста освещает Монахиня. Она «простодушно» рассказывает, как ее собственная мать давала наставления, узнав, что дочь собирается выйти замуж за парня, профессией которого была литературная критика:

«А за дружка ты замуж не спеши.

Гляди, погода ведь изменчива.

Лишась доходов, сдохнет он от голода»

(«Μη βιάζεσαι να παντρευτείς αυτό το παλικάρι.

Είναι άστατος ο καιρός. Φυσάει αυτούς τους μήνες.

Θα έχει λίγα έσοδα και θα λιμοκτονείτε») [10, с. 26].

Бост показывает, насколько современные цивилизованные люди в семейных отношениях действуют не по велению сердца, а по расчету.

Эту проблему на примере трагедии «Медее», написанную в 1883 г., рассматривали еще А. С. Суворин и В. П. Буренин: «Несмотря на давность свою, он (сюжет – О.А.) все–таки нов. Что делалось в области чувства несколько тысячелетий тому назад, то делается и теперь и иногда делается нисколько не мягче. Разве мужья не оставляют своих жен, разве жены не мстят, разве матери не убивают своих детей, а присяжные их не оправдывают? Нам кажется, в легенде о Медее сказался народный разум, выразились желания резко поставить вопрос о детях и положении женщины» [цит. по: 2, с. 46–47].

Тема семьи и брака в пьесе Боста оказывается тесно переплетенной с проблемой семейного воспитания детей.

Если в трагедии Еврипида сыновья Ясона и Медеи фактически не участвуют в событиях, то в пьесе Боста они достаточно самостоятельны и активны. Правда, драматург нигде не говорит об их личностных качествах, достоинствах, больших талантах и т.п. Это обычные мальчишки, попавшие в руки недостойных воспитателей – Монахини и Монаха, чье дурное поведение во многом объясняется преступным равнодушием матери, занятой только своими проблемами. Возможно, этим и объясняется то, что дети, лишенные родительского внимания, фактически предоставленные самим себе, бросают учебу, любыми способами добывают деньги и транжирят их на порнографические журналы и подарки сластолюбивой Монахине.

Холодность и безразличие Медеи к детям приводит к тому, что и они совершенно равнодушны к судьбе матери. С другой стороны, именно в детях Медея ищет поддержку, все ее надежды на будущее, в конце концов, сосредотачиваются на них.

Но бостовская героиня вынуждена признать: «Да, страдания детей не занимают» [3, с. 63]. Подобное взаимное равнодушие и приводит к тому, что после того, как сыновья узнали о том, что мать совершила убийство, их беспокоит только собственное будущее, ведь это может привести к угрозе их собственному благополучию. Мальчики, забыв поинтересоваться не только ее судьбой, но и сутью ее преступления, бегут куда глаза глядят на первом подвернувшемся корабле.

На примере поведения Медеи видно, что в наши дни детям уделяется совсем немного материнского внимания и времени. Она весьма поверхностно интересуется их успехами и бедами, ее больше занимают собственные проблемы. Может быть поэтому она убивает соседских детей вместо своих, т.к. оказалась неспособна определить в темноте, ее ли сыновья находятся перед ней в момент убийства.

Героиня Боста, подобно многим современным родителям (не только в Греции), доверяет воспитание своих детей чужим людям (в данном случае – весьма сомнительным личностям – Монахине и Монаху).

Подобное отношение к родительским обязанностям приводит к катастрофическим последствиям: все интересы мальчиков сосредотачиваются на сексуальных отношениях. Занятые собственными проблемами родители не замечают, что Монах знакомит подростков с эротической литературой, а Монахиня откровенно с ними заигрывает.

Бост по праву считается одним из лучших комедиографов современной Греции. Наряду с «тиранической», «уничтожающей сатирой» в его творчестве присутствует и мягкий тонкий юмор. «Иногда трудно понять, серьезно он говорит или шутит» [6, с. 87].

Но «Медея» современного греческого драматурга обнажает, прежде всего, проблемы не античного, а современного общества. И если это сатира, то, прежде всего, сатира политическая, причем многие политические намеки в ней несут узко локальный характер и понятны только современным грекам, что роднит эту пьесу с итальянским политическим театром импровизации *commedia dell'arte*.

«Медея» Боста – это прежде всего сатира не только на современное греческое общество, но и на все современное цивилизованное человечество, которое разъедают общественные, социальные, экологические язвы.

В этом жестоком мире действуют суровые законы выживания. Банки лопаются, торговцы объявляют о банкротстве. Это мир чистогана, в котором правят деньги. Даже маленькие сыновья Медеи и Ясона поглощены погоней за золотом.

В трактовке многих сюжетных моментов Бост старается придерживаться как мифологической канвы, так и еврипидовского сюжета и традиций древнегреческого театра.

Очевидно, что «Медея» Боста – не трагедия в строгом понимании этого слова, ее содержание несет скорее сатирический, чем трагический характер, что подчеркивается поведением, речью героев, а также стилем изложения самого автора.

С другой стороны, назвать это произведение комедией можно только условно (если понимать его так, как понимали комедию драматурги античности, средневековья и Возрождения – как произведение со счастливым концом). Тем не менее, в греческих театральных рецензиях пьесы Боста чаще всего называют комедиями.

Видимо, приняв во внимание комедийную трактовку традиционно трагического мифологического сюжета о Медее, Иоанна Саввиниди называет пьесу Боста трагикомедией («μια ἰλαροτραγῳδία») [5].

Можно было бы классифицировать «Медю» в качестве драмы, тем более что в ней речь идет о делах семейных, но в драме никогда не участвуют мифологические персонажи.

Трудность определения жанра большинства бостовских пьес приводит к тому, что слишком часто театральные критики в Греции используют красивые, но трудносоотносимые с современной теорией театра термины, такие как «цирк абсурда» («τσίρκο του παραλόγου») [9], подчеркивают «сюрреалистическую драму героев» («Το σουρεαλιστικό δράμα των ηρώων») [12].

Следуя еврипидовскому сюжету, Бост, безусловно, сохраняет главных героев – Медю и Ясона.

Гораздо бóльшие изменения претерпевает система персонажей пьесы: из второстепенных персонажей оставлен только вестник. Вместо отсутствующих еврипидовских персонажей появляются новые действующие лица. Кормилицу Бост заменил мужчиной (ο Τροφός), несущим в себе функцию резонера. От начала и до конца пьесы Кормилец выступает то в роли наставника и воспитателя мальчиков, то тайного советника и наперсника Медеи. Более того, он вправе высказывать свое мнение о происходящих событиях, не только обсуждать, но и судить поступки всех персонажей без исключения. Этот герой произносит речи, выражающие, скорее, мнение автора, и активного участия в развитии действия не принимает. Сразу вспоминается, что и в драмах Еврипида носителями авторских сентенций обычно оказываются слуги, вестники, педагоги, кормилицы, т.е. не главные герои, позиция которых нередко противоположна авторской.

Также в свою пьесу Бост включает персонажи мифов, не пересекающихся с мифом об Аргонавтах, но нередко охотно используемых как драматургами Древней Греции, так и современными литераторами. Это царь Эдип и его дочь Антигона, которые оказались в чужой стране в поисках способа заработать себе на жизнь. На эти персонажи современный драматург возлагает актуальную для современного общества проблему репатриантов и гостарбайтеров: в условиях

современного неустойчивого мира бывшие правители вполне могут оказаться в роли нищих попрошаек и безработных. То, что некогда всемогущий и гордый царь, а теперь бедный слепой Эдип, вынужден искать работу ради пропитания, символизирует тот факт, что современное общество поражено безнадежными социальными болезнями. Одной из самых болезненных из них оказывается безработица, неизвестная современникам Еврипида.

Более того, Бост даже вводит фигуру самого Еврипида, расспрашивающего горожан о подробностях семейной жизни Медеи, чтобы собрать материал для готовящейся им одноименной пьесы:

«Победить я в агоне хочу,
Описав вашей жизни детали,
Сплетни все рассказали бы мне —
И героями пьесы бы стали»
(«Αν βάλω λεπτομέρειες απ' τον δικό σας βίο
τότε θα πάρω ασφαλώς το πρώτο το βραβείο.
Εσάς έχω για πρότυπο και σας ζητώ στοιχεία
απ' την δική σας την ζωή, για να 'χω επιτυχία») [10, с. 42].

Присутствует у него и характерный для древнегреческого театра хор с корифеем, которым отводится то же место, что и в классической античной трагедии. Хор исполняет песни-зонги, подобные зонгам в пьесах Бертольда Брехта, комментирует происходящие события, но в разрешении конфликта не участвует. Партии хора коротки и эпизодичны.

В отличие от античных пьес, в трагедии Боста актеры с хором почти не ведут диалога. Более того, комментарии хора вызывают раздражение главной героини, считающей их не более чем постоянным «бурчанием»:

«Как раздражает хор меня из этих девок.
Приходят — и всем якобы сочувствуют»
(«Πως μ' εκνευρίζει ο χορός κι αυτές οι κορασίδες
που βγαίνουν δήθεν συμπονούν όλες της ηρωίδες») [10, с. 35].

Но следует заметить, что если в трагедии античный хор сопереживает героям, поет лирические песни, то в пьесе Боста хор или открыто высмеивает происходящее (что более соответствует духу аристофановской комедии), или говорит со скрытой иронией, сатирически подчеркивая не только фрейдистские концепции, популярные в XX веке, но и феминистское убеждение в интеллектуальной несостоятельности современных мужчин, ведь ими руководит лишь физиология:

«Царевну прежде, бедную Медею

Он за рабыню держит, ей изменяя постоянно.

Но все мужчины таковы, любить одну не могут,

Гормоны в этом виноваты»

(«Τὴν δυστυχὴ τὴν Μήδεια, πρῶτὴν βασιλοπούλα

Τὴν ἀπατάει συνεχῶς, τῆς φέρεται σα δούλα.

Εἶναι ἡ φύση τῶν ἀνδρῶν, φταίει καὶ ἡ ορμόνη

που δὲν ἀρκοῦνται δυστυχῶς σὲ μιὰ γυναῖκα μόνη») [10, с. 29].

Здесь, как и у Еврипида, хор сохраняется лишь в качестве театральной условности. Во многих случаях за хором сохраняется единственная роль – простого зрителя. Лишь в некоторых случаях он становится рупором самого автора.

И все же, структура «новой» «Медеи» очень близка к трагедии Еврипида: так же как и у великого трагика, она начинается с пролога, где излагается исходная ситуация, описывается душевное состояние героини еще до появления ее на сцене. Заканчивается же пьеса эпилогом, в котором в какой-то степени проявляется распространенный прием античного греческого театра «ο Θεός από το μὴχάνημα» (более известен латинский перевод этой фразы – «*deus ex machina*» «бог из машины»), когда в самом конце действия на сцене разбрасываются листовки, в которых говорится о «счастливом» исходе для детей Медеи и Ясона, оставшихся живыми за счет жизней других детей.

Анализ функции древнегреческого мифа о Медее в одноименных пьесах Еврипида и Боста позволяет сделать вывод о том, что структура пьесы Боста не всегда соответствует структуре мифа, использованного Еврипидом. Подобное «вольное» обращение с мифом в произведении современного греческого драматурга говорит о том, что и Еврипид, и Бост избрали лишь те варианты мифа о Медее, которые больше отвечают их творческому замыслу.

Бост кардинально изменяет древнегреческий миф об убийстве колхидской царевны собственных детей. В его пьесе Медея, удрученная изменами мужа и нравственным падением детей, закалывает в порыве гнева сыновей и ненавистную Монахию. В финале пьесы героиня появляется на сцене, держа в руках урну с прахом убитых сыновей.

Но современный драматург сознательно снижает трагический пафос этой сцены, подчеркивая этим мелочность и мещанство современного греческого общества, так в его пьесе появляется некий мелодраматический «happy end»: оказывается Медея заколола чужих детей, заигравшихся в ее доме, перепутав их в темноте со своими мальчиками.

Как отмечает сам автор, ему «не хотелось усугублять долю детей наказанием за ошибки отрочества» [11, с. 76]. Поэтому в его пьесе и не происходит жестокого убийства матерью собственных сыновей, появляется мотив их спасения, замены другой жертвой.

С одной стороны, происходит постмодернистское пародирование известной легенды о сознательном изменении мифа о Медее Еврипидом: в первоначальном древнем варианте мифа детей растерзали жители города Коринфа, возмущенные убийством своего царя и его дочери. Современники древнего драматурга были убеждены в том, что коринфяне заплатили Еврипиду за то, что тот избавил их от клейма детоубийц. И Еврипид делает свою героиню убийцей детей, усиливая, таким образом, трагизм ситуации.

С другой, видимо, мотив убийства драматургу был нужен только для того, чтобы сохранить классическую мифологическую канву, неотделимую от факта убийства их Медеей.

Таким образом, помимо общечеловеческих социальных проблем, Бост заставляет зрителей задуматься над проблемой вседозволенности для одной, отдельно взятой личности в современном обществе. Если говорить о Медее, то, скорее всего, речь идет о праве человека на убийство. Правомерно ли было ее поспешное решение, результатом которого стала смерть двух ни в чем не повинных детей?

В середине XX века было опубликовано философское эссе Альбера Камю «Размышление о гильотине», в котором утверждалось, что любое убийство совершенное даже ради высоких целей, преступно само по себе. Философская доктрина абсурда французского писателя в отношении убийства полностью совпадает с позицией Боста, сближающегося с экзистенциалистами и в понимании проблемы выбора, который каждый из нас обязан совершать вновь и вновь, чтобы остаться человеком.

Кроме того, ситуация, складывающаяся в «Медее» Боста несколько напоминает ситуацию в пьесе У. Фолкнера и А. Камю «Реквием по монахине», что лишний раз говорит о близости эстетических и моральных позиций драматургов. Нэнси Синниго тоже убивает ребенка своих хозяев, чтобы предотвратить развал семьи и не допустить страданий хотя бы второго ребенка. В пьесе Фолкнера и Камю ответа на этот вопрос нет. Писатели пытаются заставить задуматься над вопросом: «Была ли вправе Нэнси совершить убийство?», – и дать ответ самим себе после зрелого размышления.

Подобного технического решения добивается и Бост. Его зритель тоже должен сам ответить на этот вопрос. Надо заметить, что большинство серьезных проблем Бост никогда не ставит прямо. Они постепенно проступают сквозь веселые, казалось бы, легкомысленные строки пьесы.

Безусловно, «Бост – уникальный случай в греческом театре», – пишет Йоргос Смирнис, замечая, что постмодернизм проявляется в творчестве Боста еще до того, как возникает (в качестве литературного явления – О.А.). («Μια μοναδική περίπτωση στο ελληνικό θέατρο είναι ο Μποστ. Τόσο μοναδική που μοιάζει μεταμοντέρνος ίσως και πριν το μεταμοντερνισμό») [12].

Действительно, в пьесе Боста можно обнаружить некоторые постмодернистские техники. Греческие исследователи обычно отмечают в его творческом методе использование такого приема как коллаж. Видимо, большая часть греческих критиков под этим приемом подразумевают использование в пьесах Боста танцев, музыки, сольных музыкальных арий, называя представления «шоу», невольно подчеркивая схожесть «Медеи» со столь популярными в XX веке мюзиклами.

В постмодернистской практике обычно коллаж используют в качестве мозаики разнородных фрагментов, как стихотворных, так и жанровых. И некоторые элементы этой техники можно обнаружить в пьесе. Так, в конце «Медеи» Бост помещает поучительное стихотворение, сонет, как он сам его называет (хотя из всех признаков сонета в стихотворении присутствуют только обязательные 14 строк: нет, например, разбивки на строфы, не соблюдаются правила рифмовки, в конце отсутствует сонетный ключ). Возможно, в этом проявляется постмодернистское пренебрежение автором всеми законами классической, образцовой литературы, литературная игра со зрителем.

В этом постмодернистском псевдосонете, написанном в духе «черного юмора», Бост обращается к детям и советует им учиться хорошо и вести себя достойно:

«Учитесь в школе, дети, хорошо,

Чтобы жестоко мама вас не заколола

Одним прекрасным, светлым, ясным днем,

А сексом развлечетесь вы потом».

(«Γι' αυτό φροντίστε σεις παιδιά να 'στε καλοί στην τάξη

Μην έρθει η μητέρα σας μια μέρα και σας σφάζει
Φροντίστε όσο είναι καιρός τώρα να μελετάτε
κι έχετε όλο τον καιρό ύστερα να πηδάτε») [!0, s. ^&].

Таким образом, герои пьесы современного греческого драматурга в сопоставлении с героями древнего трагика лишены героического мифологического ореола, присущего трагедии Еврипида, их поступки часто аморальны. С точки зрения одной из главных задач литературы – воспитательной, оба произведения, безусловно, были созданы с дидактической целью. Таким образом становится очевидной еще одна функция этого произведения – дидактическая, присущая всей европейской литературе.

Список использованных источников:

1. *Ευριπίδ. Τραγедίες*: в 2 т. / Еврипид. – М.: Искусство, 1980. 3 Т. 1., 1980. – 550 с.
2. *Νямцу Α. Ε.* Μиф и легенда в мировой литературе / Анатолий Евгеньевич Нямцу // Теоретические и историко–литературные аспекты традиционализации. – Черновцы: ЧГУ. – Ч. 1., 1991. – С. 3–59.
3. *Ραδциг С. Ι.* Опыт историко–литературного анализа «Μεδείς» Еврипида / Сергей Иванович Радциг // Вопросы классической филологии. – М.: Издательство Московского университета. – № 2., 1969. – 226 с.
4. *Σκρζинская Μ. Β.* Культурные традиции Эллады / Марина Владимировна Скржинская. – Киев: Институт истории Украины НАН Украины, 2010. – 324 с.
5. *Savvinidou Ι.* Vivre ensemble à travers la culture / Ioanna Savvinidou [Электронный ресурс]: – Режим доступа: <http://lfh.edu.gr/viepedagogique/faysta-toy-mpost> (дата обращения 15.10.2016).
6. *Γεωργουσοπουλος Κ.* Κλειδιά και κώδικες θεάτρου / Κostas Γεωργουσοπουλος // II Ελληνικό θέατρο. – Αθήνα: Εστία, 1984. – Σ. 63.
7. *Εθν. Μακαρίο Α. Ε.* Αρχείο Πολιτισμού / Εθν. Μακαρίου Α. Ε. // Η Καθημερινές Εκδόσεις&Φαληρέως 2, 31 Μαρτίου 2014 [Электронный ресурс]: – Режим доступа: (<http://www.kathimerini.gr/35427/article/politismos/arxeio-politismoy/mpost-enas-laikos-kai-logios-geloioγραφos>) (дата обращения 25.11.2014).
8. *Η Θεατρική Σκηνή Ελευσίνας* [рецензия на постановку «Μεδείς» на сцене Элевсинского театра] // [Электронный ресурс]: – Режим доступа: http://aisxylia.gr/index.php?option=com_content&task=view&id=636&Itemid=96 (дата обращения 26.10.2016).
9. *Μήδεια του Μποστ στο Θέατρο του Νέου Κόσμου* [рецензия на постановку «Μεδείς» на сцене театра Νέου Κόσμου] [Электронный ресурс]: – Режим доступа: (<http://www.culturenow.gr/25760/mhdeia-toy-mpost-sto-theatro-toy-neoy-kosmoy>) (дата обращения 7.10.2015).
10. Μποστ. Μήδεια / Μποστ, Μέντης Μποσταντζόγλου, Mentis Bostantzoglou. – Αθήνα: Θεατρική Εταιρεία Στοά, 1993–94. – 78 σ.
11. Μποστ. Τύπω από τη Μήδεια / Μποστ, Μέντης Μποσταντζόγλου, Mentis Bostantzoglou // Περιοδικό Θέατρο γραφείας. – Μαρτίος 1998. – Τεύχος 1. – Σ. 76.

12. Σμυρνής Γ. Φαύστα του Μποστ στο θέατρο Στοά / Γιώργος Σμυρνής [Электронный ресурс]:
– Режим доступа: <http://www.monopoli.gr/our-views/item/110908>) (дата обращения 6.11.2016).

EURIPIDE'S MYTH ABOUT MEDEA IN BOST'S DRAMA

Summary: The Article by Alexandrova O. N. under the title «Euripides's myth about Medea in Bost's drama» examines the main characteristics and traditions myth about Medea of Bost (Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995), the famous Greek writer of the twentieth century: in the context of European and Greek literature of modern times, in particular, found parallels with the tragedy by Euripides.

Keywords: Greek drama of the twentieth century, tragicomedy, Euripides, Bost(Μέντης Μποσταντζόγλου ή Μποστ, Mentis Bostantzoglou, 1918–1995), «Medea» («Μήδεια», 1993).

ИННОВАЦИИ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Арбузова Наталья Васильевна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье в рамках анализа развития современного общества в условиях инновационных процессов рассматриваются тенденции развития современной системы образования. Выделяются такие основные направления, как стандартизация, демократизация, гуманизация, гуманитаризация, компьютеризация, информатизация, интеграция и интернационализация. Предлагаются способы повышения качества и эффективности образования.

Ключевые слова: инновация, стандартизация, демократизация, гуманизация, гуманитаризация, компьютеризация, информатизация, интеграция, интернационализация.

Во все времена образование считалось и считается одним из ключевых элементов развития общества, который способен стимулировать экономические, политические, социальные изменения, а также мотивировать прогресс.

Изучение специфики социальных отношений и социальных институтов тесно связано с анализом социальной модели образования, формирующейся под воздействием инновационных процессов, происходящих в области технологий, науки и техники и других сфер жизни.

Любое современное государство ставит перед собой цель достигнуть эффективного, качественного и прогрессивного образования, что является основой роста производительности труда. Образование повышает не только экономические показатели страны, но и оказывает существенное влияние на формирование личности, социума, социальных отношений и социальных ценностей.

Стратегия современного образования базируется на необходимости полноценного развития личности для обеспечения возможности индивидов реализоваться в той или иной сфере. В связи с тем, что общественные

отношения, политические и экономические факторы, культурная среда претерпевают свои изменения, возникает потребность дистанцироваться от устаревших стереотипов и разрабатывать инновационные процессы в образовании.

На современном этапе развития системы образования следует выделить основные направления, такие как стандартизация, демократизация, гуманизация, гуманитаризация, компьютеризация, информатизация, интеграция и интернационализация.

Стандартизация образования – это установление единых требований к результатам образовательной деятельности в однотипных образовательных учреждениях, не исключающее многообразия способов их достижения [1]. Таким образом, стандартизированная подготовка обучающихся будет гарантировать равноправие, то есть равные возможности будут предоставлены всем членам общества, вне зависимости от выбранной сферы деятельности.

Демократизация образования связана с ликвидацией монополии государства на образование и переходом к общественно-государственной системе [2]. Это подразумевает муниципализацию, автономию и самостоятельность образовательных учреждений.

Гуманизация образования ориентирует процесс обучения на развитие и саморазвитие личности, на приоритеты общечеловеческих ценностей, на оптимизацию взаимодействия личности и социума [3]. Так, обучающиеся смогут проявить заинтересованность, личностные качества и стремления, эффективно раскрыть свой потенциал в комфортной атмосфере обучения.

Гуманитаризация образования предусматривает систему мер, направленных на приоритетное развитие общекультурных компонентов в содержании образования и, таким образом, на формирование личностной зрелости обучаемых [4]. Научное развитие невозможно без культурной составляющей, именно «культура» занимает важную позицию в долговечном противоречии между «человеком» и «техникой». Обучающиеся должны

научиться рассматривать свою будущую профессиональную деятельность в рамках общественных и культурных ценностей.

Компьютеризация и информатизация тесно и неразрывно связаны между собой. Данные тенденции предполагают появление сверхмощных компьютеров, новейших информационных технологий и средств массовой коммуникации. Именно за счет компьютеризации и информатизации можно, во многом, повысить эффективность образования. Компьютеризация – это ключ к инновациям в образовании, создании множества локальных и дистанционных программ для самообразования и самореализации, открывающих неограниченные возможности для образования и обучения. Таким образом, в век цифровых технологий в технологическом обществе должен наблюдаться, по мнению И. А. Ракитова, «экспоненциальный рост информации и знаний» [5].

Интегрированный подход к образованию с применением совместимости всех перечисленных выше факторов, форм, структур и систем обучения позволит обеспечить комплексное решение поставленных задач.

Наконец, интернационализация образования – это процесс установления таких образовательных и научных связей между представителями различных стран далеко за пределами своей родной страны, при которых образование и наука одного государства становятся частью мировой глобальной системы.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день система образования претерпевает поистине революционные изменения. Эти изменения являются не только результатом, но и основополагающим критерием дальнейшего развития. Именно прогресс, движение вперед, глобализация обуславливают новые требования, выдвигаемые к системе современного образования. Инновации как основная тенденция являются самым эффективным средством повышения качества и эффективности образования, однако без комплексного совмещения многих факторов этот процесс затруднителен. Поэтому, так важно укреплять финансовую базу образования, обеспечивать прогнозирование и анализ функционирования образовательной системы,

модернизировать подготовку и квалификацию преподавателей, использовать новейшие методы и технологии обучения.

Список использованных источников:

1. *Профессиональное образование* (словарь) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://professional_education.academic.ru/2486/СТАНДАРТИЗАЦИЯ_ОБРАЗОВАНИЯ (дата обращения: 12.12.2017).
2. *Профессиональное образование* (словарь) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://pedagogical.academic.ru/174/Демократизация_образования (дата обращения: 12.12.2017).
3. *Профессиональное образование* (словарь) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://professional_education.academic.ru/2486/ГУМАНИЗАЦИЯ_ОБРАЗОВАНИЯ (дата обращения: 12.12.2017).
4. *Профессиональное образование* (словарь) [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://professional_education.academic.ru/2486/ГУМАНИТАРИЗАЦИЯ_ОБРАЗОВАНИЯ (дата обращения: 12.12.2017).
5. *Ракитов А. И.* Прологомены к идее технологии / А. И. Ракитов [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://vphil.ru/index.php?id=256&option=com_content&task=view (дата обращения: 12.12.2017).

INNOVATION AS THE DEVELOPMENT TREND OF MODERN EDUCATION

Summary. In terms of analyzing the development of modern society taking into account innovative processes, the given article touches upon developmental tendencies of modern system of education. The research underlines such guidelines as standardization, democratization, humanization, humanitarization, computerization, informatization, integration and internationalization. Ways as to how to enhance education quality and efficiency are provided.

Key words: innovation, standardization, democratization, humanization, humanitarization, computerization, informatization, integration, internationalization.

О СРЕДСТВАХ ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЯ КАЧЕСТВА УЧЕБНОГО ПРОЦЕССА В ВУЗЕ

Асютина Ольга Александровна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Цель данного исследования – определение преимуществ использования тестирования как средства оптимизации контроля качества в обучении иностранному языку. Тестирование является важной составляющей учебного процесса, одной из популярных форм проверки знаний, умений и навыков обучающихся на занятиях по иностранному языку. Используя метод применения тестирования в качестве обязательного средства контроля текущей успеваемости студентов экономических специальностей, в ходе исследования были апробированы различные виды тестовых заданий, рассмотрены преимущества и недостатки тестирования в практике преподавания. Результат исследования показал, что использование тестов в рамках текущей проверки знаний студентов значительно влияет как на улучшение уровня подготовки обучающихся, так и на повышение качества контроля образовательного процесса.

Ключевые слова: тест, тестирование, оптимизация, контроль качества, тестовое задание.

Интеграция системы высшего образования России в Болонский процесс потребовала комплексного решения ряда задач, среди которых большое значение имеют вопросы повышения качества учебного процесса, модернизации педагогических технологий и методик, а также различных способов оценки эффективности образовательной деятельности.

Тестирование как важная составляющая учебного процесса является наиболее продуктивным способом контроля результатов обучения в мировой практике и одной из самых популярных форм проверки знаний и навыков обучающихся.

Разнообразные по форме и содержанию тесты делают возможным не только осуществление контроля учебной деятельности, но и способствуют определению уровня усвоения учебного материала на разных этапах обучения.

Для понятия «тест» существует несколько дефиниций.

Ж. В. Жираткова полагает, что тест – это комплекс заданий, выполнение которых делает возможным определение уровня владения материалом с помощью шкалы результатов [2, с. 147].

По мнению Н. Н. Нохриной, тест можно рассматривать как краткое испытание, в основе которого лежит специально составленный набор заданий, позволяющих объективно оценить исследуемые качества на основе использования статистических методов [3, с. 119].

Хотелось бы подробнее остановиться на термине «лингводидактический тест», автор которого – Т. М. Балыхина – дает ему следующие определения:

- использование теста для определения уровня знаний, формирования речевой компетенции на изучаемом языке;
- комплекс процедур планирования, составления и использования тестов и обработки их результатов [1, с.41].

Лингводидактический тест, по мнению С. К. Фоломкиной, выполняет несколько функций. Среди основных следует выделить:

- контролирующую функцию, целью которой является установление факта знания или незнания материала студентами;
- обучающую функцию, которая обеспечивает как усвоение учебного материала, так и овладение студентами теми или иными навыками [5, с.16].

Наиболее оптимальным условием проведения проверки знаний испытуемых является использование комплексного подхода к тестированию. Ж. В. Жираткова считает, что итоги проверки знаний по нижеследующим пяти блокам помогут составить полную картину подготовки студентов, определить уровень владения учебным материалом:

- понимание аудиоматериала;
- владение диалогической и монологической речью;
- лексико-грамматический тест;
- страноведческий тест;
- проверка орфографии [2, с.148].

Однако тестирование, наряду с другими формами контроля знаний, не является безукоризненно идеальным и единственным инструментом объективной проверки подготовки обучающихся. К основным недостаткам этого метода можно отнести:

- жесткие временные рамки (некоторым учащимся в силу психофизиологических особенностей требуется больше времени на подготовку);
- невозможность контролировать произношение в процессе письменного тестирования;
- вероятность выбора ответов наугад или методом исключения [4, с. 26];
- отсутствие элементов толерантности (учет качеств и свойств, присущих человеку – пол, возраст, усталость, настроение, темперамент);
- возможность вычисления правильных ответов с помощью алгоритмов;
- единообразие вопросов и ответов (отрицательное воздействие посредством эффекта рассеивания, отвлечения внимания).

Формы и виды контроля в практике преподавания иностранных языков довольно разнообразны. В последнее время в системе проверки доминируют позиции письменного контроля. Это обусловлено следующими факторами:

- 1) почти все испытуемые вовлечены в процесс тестирования,
- 2) результаты проверки доступны для обработки,
- 3) более точная квалификация ошибок,
- 4) развивающее воздействие на логическое мышление.

В процессе исследования, представленном в этой статье, студенты менеджмента и экономических специальностей работали над профессионально-ориентированными текстами, после которых традиционно предлагались упражнения для проверки усвоения новой специальной лексики, использования грамматических конструкций, понимания текста и др. Предлагаемые упражнения по своей форме и содержанию напоминали тестовые задания [6, с. 6-46]. Среди разнообразия видов тестовых заданий, применяемых в ходе исследования, следует выделить следующие:

- завершение (закончить предложение по смыслу);
- альтернативный выбор;
- упорядочение (составление из отдельных предложений связного текста);
- перекрестный выбор (подбор пар по каким-либо признакам);
- множественный выбор (выбор правильных ответов);
- трансформация (изменение предложения по образцу);
- перефразирование (передача текста своими словами);
- подстановка (изменение формы слова).

Одной из академических групп студентов предлагались тестовые задания после изучения каждой темы. Результаты итогового тестирования показали, что студенты, принимавшие участие в систематическом тестировании, имели лучшие показатели, чем у их сокурсников.

Итак, анализ результатов исследования позволил сделать вывод о том, что систематический тестовый контроль на завершающей стадии изучения каждой темы существенно влияет на итоги резюмирующего контроля. Проведение такого тестирования в письменной форме имеет следующие преимущества: 1) процесс не занимает много времени; 2) дисциплинирует студентов ввиду его систематичности; 3) охватывает всех присутствующих на занятии.

Результат исследования показывает, что тестирование как часть текущего контроля может существенно влиять на повышение качества знаний, умений и навыков студентов при обучении иностранному языку.

Список использованных источников:

1. Балыхина Т. М. Словарь терминов и понятий тестологии. М. 2000. 162 с.
2. Жираткова Ж. В. Тестирование как средство контроля уровня языковой подготовки студентов неязыковых вузов // Вестник МРАТ. 2011. №3. С. 148.
3. Нохрина Н. Н. Тест как общенаучный диагностический метод / Методы социологических исследований. 2005. С. 118-126.
4. Тамалевич А. М. Достоинства и недостатки лингводидактического тестирования / А. М. Тамалевич, О. С. Вяткина // Вестник Омского университета. 2005. №2. С. 125-128.
5. Фоломкина С. К. Тестирование в обучении иностранному языку. Иностр. языки в школе. М.: 2006. № 2. – с. 56.

6. *Deutsche Welle*; Carl Duisberg Centren; Deutscher Industrie- und Handelstag (Hrsg.): Marktplatz – Deutsche Sprache in der Wirtschaft. Begleitbuch zur Hörfunkserie der Deutschen Welle. Mit Texten und Übungen zum Selbststudium und Unterricht. Köln. 1998. 575 z.

THE MEANS OF OPTIMIZATION OF QUALITY CONTROL OF THE EDUCATIONAL PROCESS AT THE UNIVERSITY

Summary. The purpose of this study is to determine the advantages of using testing as a means of optimizing quality control in teaching a foreign language. Testing is an important component of the learning process, one of the popular forms of testing knowledge and skills of students in foreign language classes. Using the method of applying testing as an obligatory technique of monitoring current performance of Economics students, during the research various types of test tasks were proposed, their advantages and disadvantages in teaching practice were considered. The result of the study proved that the use of tests within the current testing of students' knowledge significantly affects improving both the level of training and the quality of control in the educational process.

Key words: test, testing, optimization, control of quality, test task, verification of knowledge.

**ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА В ПОНИМАНИИ
НИКОСА КАЗАНДЗАКИСА
(НА МАТЕРИАЛЕ ФИЛОСОФСКОГО ЭССЕ «АСКЕТИКА»)**

Банах Лилия Сергеевна

кандидат филологических наук, доцент

Лысова Валерия Станиславовна

обучающаяся

ФГАОУ ВО «КФУ имени В.И. Вернадского»

Аннотация. Данная статья посвящена раскрытию идейно-тематического комплекса эссе «Аскетика», ставшего философской платформой для многих последующих произведений Никоса Казандзакиса. В результате проведённого исследования установлено, что основное значение в «Аскетике» придаётся духовному становлению человека. Казандзакис формулирует собственную систему морально-этических ценностей, среди которых основными являются Бог, природа, свобода, разум. По мнению писателя, предназначение человека заключается в постоянной борьбе и движении ради обретения свободы. Исследование проводилось при помощи герменевтического и экзистенциально-феноменологического подходов.

Ключевые слова: философское эссе, Казандзакис, «Аскетика».

Никос Казандзакис известен как новеллист, драматург, переводчик, историк литературы, автор многочисленных путевых заметок, романист, мыслитель, сделавший философию основой всех своих художественных произведений. Уникальным феноменом в творчестве Казандзакиса стало философское эссе «Аскетика», в котором писатель излагает в компрессии свои идеи относительно предназначения человека, путей познания им окружающей действительности, а затем воплощает эти идеи в последующих произведениях. Исследование идейно-тематического уровня философского эссе «Аскетика» позволит лучше понять творческое кредо Никоса Казандзакиса.

Теоретики литературы неоднократно обращались к философскому наследию Казандзакиса, анализируя основные писательские замыслы, жанровые формы, философские мотивы в творчестве Казандзакиса (А. А. Савенко «Нікос

Καζαντζακίς: *голови віхи творчого шляху*» [4]), детально описывали духовных наставников и известных личностей, оказавших влияние на Н. Казандзакиса (Παντέλης Πρεβελάκης «Τετρακόσια γράμματα του Καζαντζάκη στον Πρεβελάκη», Ελένη Καζαντζάκη «Νίκος Καζαντζάκης, ο ασυμβίβαστος», Νικηφόρος Βρεττάκος «Νίκος Καζαντζάκης. Η αγωνία του και το Έργο του», Δημήτρης Ραυτόπουλος «Τα πρόσωπα της Ασκητικής» [7; 6; 11]), не останавливались на подробном раскрытии содержания и проблематики «Аскетики».

Целью данного исследования является раскрытие идейно-проблемного уровня в философском эссе Н. Казандзакиса «Аскетика» («Ασκητική»). Данная цель реализуется посредством решения следующих **задач**: 1) рассмотреть композиционное своеобразие эссе; 2) раскрыть философское содержание каждой из глав; 3) определить значение эссе «Аскетика» для дальнейшего творчества Казандзакиса. Научная *новизна* работы заключается в том, что в ней впервые в отечественном литературоведении проведён расширенный анализ проблематики эссе «Аскетика».

Не случайным является выбор Казандзакисом жанра эссе в качестве композиционной формы произведения. Родоначальником жанра эссе является французский писатель, философ-гуманист Мишель де Монтень, написавший в 1850 году своё произведение «Эссе» («Опыты»). Стилистический энциклопедический словарь даёт следующую трактовку: «Эссе – литературный жанр, прозаическое сочинение небольшого объёма и свободной композиции» [2, с. 513]. Главный композиционный прием эссе – постоянная смена ракурса изображения. Образ явления дается в разных аспектах, которые подчинены авторскому эмпирическому представлению. Для эссеистской композиции характерна резкая смена темы и манеры повествования. Главная особенность эссе заключается в соединении подробности и наглядности, философской медитации, научных и статистических данных и публицистического анализа. Стоит заметить, что эссе первоначально являлось не литературным, а философским жанром. То есть эссе – это способ философской рефлексии, одна

из форм философской мысли, собрание переживаний и чувств человека [1]. Поскольку Казандзакис сначала состоялся как философ, а уже позже как романист, его «Аскетика» содержит в себе основные философские взгляды писателя.

«Аскетика» издавалась несколько раз с новыми доработками писателя (1927, 1945, 1985 гг.). Первое издание вызвало бурную реакцию читателей. Казандзакис почувствовал, что немногие поняли эту книгу. Современники писателя посчитали «Аскетическую» перегруженной непонятными образами, однако в 21 веке исследователи дают положительную характеристику «Аскетике». Так, Димитрис Равтопулос в своей работе «Τα πρόσωπα της Ασκητικής» («Личности Аскетической») пишет: «Λίγοι είναι οι σύγχρονοι δημιουργοί που τυρανίστηκαν τόσο από τις ιδέες, όσο ο Νίκος Καζαντζάκης. Και πολύ λιγότεροι εκείνοι που χάραξαν στο έργο τους τόσο ενσυνείδητα τις ιδέες τους, όσο ο εκστατικός της Ασκητικής» («Немногие из современных писателей так страдали от своих идей, как Никос Казандзакис. И очень немногие смогли так осознанно передать свои идеи, как передано исповедание в Аскетике») [11, с. 313].

В декабре 1945 года состоялось новое издание книги: «Ασκητική: Salvatores Dei». Книга была переведена на многие иностранные языки и опубликована в разных странах. Латинское название Salvatores Dei означает «Спасители Божьи». Казандзакис писал в своем письме жене Галатее: «Вчера я закончил «Аскетическую». Я предпринял попытку простыми словами, в виде признания описать духовные упражнения своей жизни, откуда я начал, как прошел все препятствия, как началось тревожное ожидание Бога, как я нашел главное решение, которое упорядочивает мой разум, мое слово, мое действие... Бог есть везде: в человеке, в политике, в повседневной жизни и ему угрожает опасность. Он не всемогущий... Его спасение зависит от нас. И как только будет спасен он, спасемся и мы. Теория имеет значение только как подготовка, решающее значение – это действие» [5, с. 170-171].

«Аскетика» делится на шесть глав: а) Предисловие («Πρόλογος»), б) Подготовка («Н Προετοιμασία»), в) Движение («Н πορεία»), г) Образ («Το όραμα»), д) Действие («Н πράξη»), е) Молчание («Н Σιγή»). Названия этих глав отмечают духовный путь аскета, который готовится, движется, строит иллюзии, действует, а затем молчит. «Аскетика» – это книга о пути человека, постоянно преодолевающим препятствия, но стремящимся к восходящему движению. В течение этого пути человек состязается сам с собой, выполняет свой долг, сражается во всеобщей борьбе, чтобы достичь «λύτρωση τη δική του, απόλυτα ελεύτερος» («спасения самого себя, полной свободы») [8, с. 106]. В предисловии Н. Казандзакис пишет: «Ερχόμαστε από μια σκοτεινή άβυσσο. Καταλήγουμε σε μια σκοτεινή άβυσσο. Το μεταξύ φωτεινό διάστημα το λέμε Ζωή» [8, с. 29] («Мы приходим из темной пропасти. Завершаем путь мы в тёмной пропасти. Светлое пространство между ними мы называем Жизнью»). Пропасть для Н. Казандзакиса – это первоначальная материя, из которой исходит жизнь. Жизнь представляет собой поток, который призывает нас создавать, и в этом заключается путь к восхождению. А другой поток, наоборот – нисхождение, символ смерти и материи. То есть, философская концепция «Аскетики» как восхождения, постоянных попыток человека, опирается на основные научные исследования Бергсона о материи, жизни и жизненной силе [9, с. 87-88]. Андрей Савенко в статье «Нікос Казандзакіс: головні віхи творчого шляху» пишет: «На гносеологических взглядах Бергсона Н. Казандзакис образует собственный художественный метод познания действительности, выраженный на страницах философского эссе «Аскетика», в котором изображен круг идей и вопросов, которые в дальнейшем будут волновать автора и подталкивать его к поискам форм их выражения и ответам...» [4, с. 8-9].

Во второй главе «Подготовка» говорится о трёх обязанностях, которые человек должен выполнить, чтобы попытаться преобразовать теорию в практику. Первый долг у человека перед разумом, который приводит в порядок хаос, составляет законы, устанавливает границы, за пределы которых человек не

имеет смелости выйти. Человеку необходимо знать границы разума, ведь только тогда он может понять, определить границы необходимого или, скорее, почувствовать тревогу и преодолеть ее. И таким образом освободиться от надежды и страха и обрести свободу. Разум подчиняется всем практическим потребностям жизни, он не может воспринимать ничего, кроме явлений материи. Второй долг перед сердцем, которое не желает находиться в рамках, а стремится вырваться наружу и слиться с тем, что находится за пределами границ. Сердце «не подчиняется», пытается разорвать сети, преодолеть ограничения тела, следовать голосу, который сопротивляется единству чувств. Третий долг состоит в освобождении от надежд, которые дают разум и сердце. Находясь перед бездной, человек должен сказать себе, что не существует ни жизни, ни смерти, и эту правду он должен принять мужественно. «Я представляю все. Любовь, боль, борьбу. Мой мир мне кажется шире, нежели разум, мое сердце – темная и всемогущая загадка», пишет Н. Казандзакис [8, с. 43]. Разум и сердце, чувство и восприятие, материя и жизнь, необходимость и свобода являются дуалистическими составляющими жизни человека.

В третьей главе «Движение» говорится о четырёх духовных «ступенях», которые человек должен пройти, чтобы подняться выше. В начале путешествия человек слышит внутри себя крик о помощи. Первый этап состоит в погружении в свое собственное «я» до тех пор, пока сам человек не поймет, что это кричит дух или Бог, который находится взаперти внутри каждого из нас и жаждет освобождения. Но, чтобы освободиться, он должен понести ответственность за спасение мира. На втором этапе человек выходит за границы собственного «я» и погружается в свои национальные истоки. Среди них следует найти предка, того, кто поможет ему в духовном восхождении и далее эту задачу передать своему сыну, который должен превзойти его самого. На третьем этапе человеку требуется выйти за пределы своей нации и погрузиться в нации всех народов, чтобы почувствовать их боль. На четвертом этапе человек должен выйти за границы человечества и сравнить себя со всей Вселенной, природой, камнями,

морем, растениями. Четвертая глава «Образ» повествует о том, что человек готов выйти за пределы разума, надежды, сердца, своего собственного «я», своей нации, человечества, за пределы всех явлений и совершать вечное восхождение. Его сущностью является тягостный подъем к свету, к чистоте духа. Это восхождение бесконечно, поэтому его целью является борьба. В пятой главе «Действие» говорится о трех связях: «Бога и человека», «человека с человеком» и «человека с природой». Бог представляет собой совершенное существо, к которому движется человек, и духовное понятие, которое изменяется, когда эволюционирует человек. Сущность Бога – это стремление обрести свободу и, таким образом, спастись. Елена Казандзакис в работе «Νίκος Καζαντζάκης, ο ασυμβίβαστος» («Никос Казандзакис, непримиримый») пишет: «Οι θεολογικές του αναζητήσεις, η θεογονία του, όπως καταγράφονται στην Ασκητική περιέχουν ένταση και ανάταση προς την αόρατη θεότητα...» («Его теологические поиски, его теогония, отраженные в Аскетике, содержат напряжение и возвышение до невидимого божества...») [7, с. 549-550]. Виктор Мищук в статье «Філософський аспект творчості Нікоса Казандзакіса» пишет: «Уже в «Аскетике», которая напоминает в некоторой степени сборник разнообразных философских идей, писатель-философ Казандзакис пытается найти собственный философский центр, бытие. Понятие «Бог» для греческого творца – понятие многозначное, но, несомненно, связанное с состоянием души каждого отдельного человека. Таким образом, «Аскетика» является своеобразным морально-этическим кодексом писателя» [3, с. 46].

Шестая глава называется «Молчание». Молчание является крайней точкой в попытках восхождения, где душа чувствует себя свободной, а человек «выходит из небольшого, полного сомнений разума» [8, с. 106]. Казандзакис освобождает человека-воина, который борется за единство и продолжение мира, за преодоление материи силой сердца, имея целью освобождение Бога и соединение с ним.

Таким образом, произведение Н. Казандзакиса «Аскетика» является философским эссе, представившим жизненную и творческую философию писателя относительно предназначения человека и развития его внутреннего мира. Для Н. Казандзакиса смысл человеческой жизни заключается в постоянной борьбе и движении ради спасения и обретения свободы. В «Аскетике» писатель сформулировал свои мировоззренческие позиции, которые стали основой его дальнейшего творчества. Так, в сюжете романа «Капитан Михалис» («Ο Καπετάν Μιχάλης») герой произведения представлен борцом за свободу, человеком с редкой силой духа. В романе «Последнее искушение» («Ο τελευταίος πειρασμός») Н. Казандзакис изобразил Христа как сильную личность, как борющегося с искушениями человека, который, несмотря на страхи и сомнения, остался верен своему предназначению. Изучая жизнь католического святого Франциска Ассизского, Н. Казандзакис написал роман «Бедняжка Божий» («Ο φτωχούλης του Θεού»), в котором святой Франциск стал примером человека, который в тяжелейшей борьбе исполняет свой долг. Рассмотрение преломления идей «Аскетики» в перечисленных романах могло бы стать перспективой данного исследования.

Список использованных источников:

1. Груздева Н. А. Жанровые формы сочинений (очерк и эссе как жанры литературных произведений и виды творческих работ). Методическое пособие к элективному курсу для учащихся гимназии. Екатеринбург: 2006. – 43 с.
2. Кожина М. Н. Стилистический энциклопедический словарь. М.: 2003. – 690 с.
3. Мишук В. В. Філософський аспект творчості Нікоса Казандзакіса // Нікос Казандзакіс: Пристрасть до свободи. – К. : Логос, 2009. – С. 43-47.
4. Савенко А. А. Нікос Казандзакіс: головні віхи творчого шляху // Нікос Казандзакіс: Пристрасть до свободи. – К. : Логос, 2009. – С. 7-17.
5. Αλεξίου, Ε. Νίκου Καζαντζάκη. Επιστολές προς Γαλάτεια. – Αθήνα: Δίφρος, 1984. – Σ. 170-171.
6. Βρεττάκος, Ν. Νίκος Καζαντζάκης. Η αγωνία του και το Έργο του. – Αθήνα, 1959.
7. Καζαντζάκη, Ε. Νίκος Καζαντζάκης, ο ασυμβίβαστος: Βιογραφία βασισμένη σε ανέκδοτα γράμματα και κείμενα του. Επιμέλεια: Πάτροκλος Σταύρου. – Αθήνα, 1998. – 699 σ.
8. Καζαντζάκης, Ν. Ασκητική. – Αθήνα, 2015. – 184 σ.
9. Κώστας, Μ. Ανάβαση, το ερμηνευτικό σχήμα του όντος στην Αναφορά του Καζαντζάκη. – Αθήνα: Τετράδια Ευθύνης, 1977. – Σ. 87-99.
10. Πρεβελάκης, Π. Τετρακόσια Γράμματα του Καζαντζάκη στον Πρεβελάκη. – Αθήνα, 1984. – 888 σ.

11. Ραυτόπουλος, Δ. Τα πρόσωπα της Ασκητικής (Ιδεολογικές ρίζες του καζαντζακικού μυθιστορήματος) // Εισαγωγή στο έργο του Καζαντζάκη. Επιλογή κριτικών κειμένων. – Ηράκλειο: Πανεπιστημιακές Εκδόσεις Κρήτης, 2011. – 768 σ.

**THE MAN’S DESTINATION IN THE COMPREHENSION OF N. KAZANTZAKIS
(BASED ON THE PHILOSOPHICAL ESSEY “ASKITIKI”).**

Summary. This article is devoted to the disclosure of the ideological and thematic complex of the philosophical essay «Askitiki», which became a philosophical platform for many subsequent works of Nikos Kazantzakis. As a result it was established that the main importance in «Askitiki» is attached to the spiritual formation of a person. Kazantzakis formulates his own system of moral and ethical values, among them God, nature, freedom and mind are the most valuable. According to the writer, the man’s destination consists in constant struggle and movement for the sake of gaining freedom. The study was conducted using hermeneutic and existential-phenomenological approaches.

Key words: philosophical essay, Kazantzakis, «Askitiki».

**СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ
ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА СТУДЕНТАМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ
ФАКУЛЬТЕТОВ В ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ**

Вершицкая Елена Рустемовна

кандидат филологических наук, доцент;

Гольдберг Галина Александровна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В статье рассматриваются методы обучения иностранному языку в высших учебных заведениях. Более подробно рассмотрены такие приемы, как: прямой метод, грамматико-переводной, аудиовизуальный, аудиолингвальный и коммуникативный. Сделан вывод о том, что лидирующие позиции среди всех техник занимает коммуникативный метод.

Ключевые слова: методика, методы, иностранный язык, высшие учебные заведения.

Современное развитие науки и инновационных технологий, глобализация мировой экономики обуславливают новый подход к развитию профессиональных навыков и компетенций выпускников ВУЗов. Для успешной реализации академических знаний на практике, выпускнику необходимы практические навыки деловой и межкультурной коммуникации на иностранных языках. Знание одного, а иногда и нескольких иностранных языков становится необходимым инструментом для успешного старта карьеры.

На сегодняшний день существуют различные методики, которые применяются для изучения иностранного языка в вузах. Каждый метод имеет характерные ему особенности. Одни более популярны и востребованы, другие – менее. В данной статье рассмотрим основные приемы, используемые для преподавания иностранного языка студентам на экономических факультетах в высших учебных заведениях.

В настоящее время английский и немецкий языки являются наиболее популярными языками в мире. Несмотря на то, что сегодня существует большое

количество методик преподавания иностранного языка, продолжается регулярная разработка новых способов. Благодаря этому, для каждого преподавателя есть возможность выбора оптимально подходящей для него методики работы.

Сегодня на экономических факультетах высших учебных заведений наиболее часто применяются классические методы преподавания иностранного языка (рис.1).

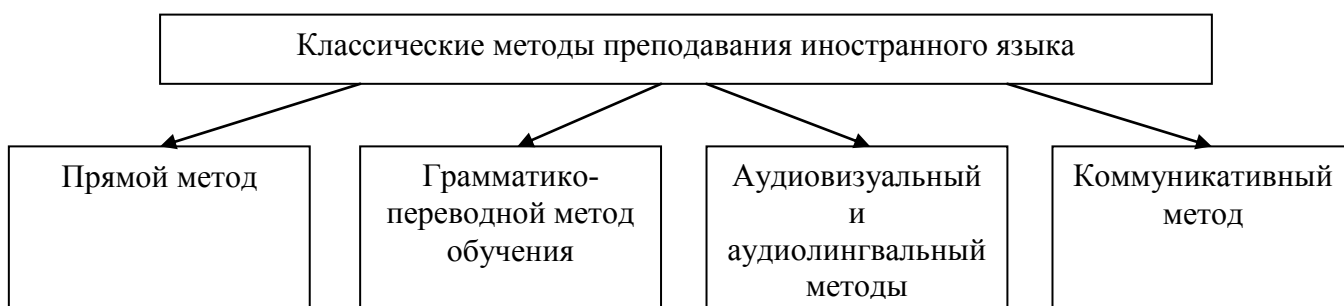

Рисунок 1. Классические методы преподавания иностранного языка

Суть прямого метода обучения иностранному языку состоит в том, что преподавателем большее внимание уделяется изучению именно разговорного языка, которым пользуются в повседневной жизни.

Все занятия полностью проводятся на иностранном языке: преподаватель объясняет и дает новые темы исключительно на иностранном языке, используя только иноязычную литературу. Идеальный вариант для применения прямого метода обучения – это преподаватель, который является носителем данного языка [1, с. 47].

Основной метод современной системы образования – грамматико-переводной. Он является классическим приемом, используемым уже несколько десятилетий. Такая техника является достаточно распространенной, поскольку обучение большей части преподавателей происходило именно таким образом.

Цель грамматико-переводного метода заключается в приобретении умения читать и переводить, применяя грамматические правила.

Суть аудиовизуального и аудиолингвального методов состоит в передаче языка с помощью четких структур, заучивание с использованием аудио и видеозаписей. Цель методов составляет овладение живым, разговорным языком [5, с. 12].

Также отмечается существование методов, основанных на индукции, когда обучение проходит «от правила к примеру». Для студентов экономических факультетов, в частности, эти приемы подходят лишь в том случае, если они используются вместе с другими программами обучения [3, с. 21].

В нынешнее время большинство преподавателей используют коммуникативный метод изучения иностранного языка. Определение термина межкультурная коммуникация дается в книге Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова «Язык и культура»: «этим термином называется адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [2, с. 17]. Автор статьи «Межкультурная коммуникация в современном высшем образовании при изучении иностранного языка» С. А. Химичева отмечает, что помимо овладения иностранными языками, важно не только знать принципы межкультурной коммуникации, но и применять и совершенствовать их на практике [6, с. 13].

Объект метода – это сама речь, поэтому данная методика первоначально учит общаться.

Этот прием предполагает большую активность студентов. В этом случае задача преподавателя заключается в вовлечении в беседу всех, кто находится в аудитории. Чтобы лучше запоминался и использовался язык, нужна загруженность всех каналов восприятия.

Сутью метода является создание реальных ситуаций общения. Воссоздавая диалог, студент получает возможность применения на практике всех полученных знаний. Очень важное преимущество коммуникативного метода заключается в его обладании большим разнообразием таких упражнений как ролевая игра, диалог, симуляция реальной коммуникации [4, с.197].

Будущие экономисты обучаются по вышеописанной методике основам беседы и переговорам на иностранном языке, деловой переписке, приобретают навыки профессионального устного и письменного перевода, а также правильно анализировать речевое поведение собеседника, находить приемлемые решения и урегулировать конфликты, учитывая, в том числе, особенности местной культуры.

Изначально от коммуникативного метода отказывались, однако сейчас он начинает занимать доминирующее положение наряду с традиционным грамматико-переводным методом. В современных вузах большее число преподавателей предпочитают именно эти два метода, и часто используют их в комплексе. Применение прямого метода в высших учебных заведениях является достаточно редким. Частично это связано с очень низким уровнем подготовки студентов после обучения в среднеобразовательной школе. Использование аудиовизуального метода обусловлено тем, что среди преподавателей отсутствуют настоящие носители. Применение аудиолингвального метода в чистом виде не происходит, но, несмотря на это, большое количество преподавателей в университетах и институтах периодически проводят занятия, используя данный прием. Благодаря этому, общеобразовательная программа становится более разнообразной и эффективной, что, в свою очередь, влияет на степень заинтересованности и вовлеченности студентов в учебный процесс.

Список использованных источников

1. Гузиекова С. М. Инновационные подходы в методике преподавания иностранных языков / С. М. Гузиекова, С.К. Хачак // [Народное образование. Педагогика](#). 2013. № 3. С. 44-48.
2. Верещагин Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
3. Иванова И. А. Методика обучения деловой английской речи студентов экономических факультетов: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург, 2009. 43 с.
4. Контримович А. А. Преподавание английского для профессиональных целей в экономическом вузе: проблемы и перспективы / А. А. Контримович, М. В. Паюнена // [Народное образование. Педагогика](#). 2012. № 7. С. 195-200.
5. Кузнецова Н. Э. Современные методики преподавания английского языка в высших учебных заведениях // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и

культурологии: сб. ст. по матер. XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 33. Часть I. Новосибирск: СибАК, 2014. 35 с.

6. *Химичева С. А.* Межкультурная коммуникация в современном высшем образовании при изучении иностранного языка // Педагогическое образование в России. 2012. №4. С.137.

MODERN METHODS OF THE TEACHING OF FOREIGN LANGUAGE TO STUDENTS OF ECONOMIC FACULTIES IN HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS

Summary. Methods of teaching a foreign language in higher educational institutions are considered in the article. The following techniques are distinguished: direct method, grammatical translation, audiovisual, audio-lingual and communicative ones. The research proves that the communicative method occupies leading positions in efficiency.

Key words: methodology, methods, foreign language, higher educational institutions.

КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОБУЧЕНИЮ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Вечканова Эллина Юрьевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В статье рассматриваются принципы, особенности коммуникативного подхода к обучению иностранному языку в контексте современной образовательной парадигмы.

Ключевые слова: коммуникативный подход, образовательная парадигма, иностранный язык.

Реалии современной жизни выдвигают новые требования к личностным и профессиональным качествам человека – уровню его общей культуры, общей и социальной подготовки, творческих способностей. В этих условиях роль изучения иностранных языков в формировании жизненно важных компетентностей личности – умений общечеловеческого плана, житнетворчества – существенно повышается. Несмотря на то, что мировоззренческие знания остаются основным компонентом содержания образования, все больше внимания уделяется их рационализации и практическому применению.

Новые требования не могут не отражаться современной образовательной парадигмой, определяющей исходные подходы к современному образованию, поскольку парадигма, с одной стороны, являет собой систему научных знаний и образцов деятельности, принятых научным сообществом и определяющих целевую направленность научных исследований; признанные всеми научные достижения, которые в течение определенного времени дают научному сообществу модель постановки их проблем и их решений [4, с. 6], а с другой – отражает роль образования в социуме, формирует представление о роли и месте педагога и ребенка в процессе образования и воспитания.

Исходя из этого, в составе парадигмы можно выделить следующие компоненты:

- представления о системе знаний и умений, необходимых человеку конкретно-исторической эпохи;
- осознание типа культуры и способов развития человека в процессе ее усвоения;
- принципы кодирования и передачи информации;
- осмысление ценности образования в обществе;
- осознание культурного развития человека;
- роль образования в социуме;
- представление об образе и месте педагога как носителя культуры и знаний в образовательном процессе;
- образ и место ребенка в структурах воспитания, обучения, образования [цитируется по 5, с. 28].

Достижения педагогической науки и образовательной практики, в свою очередь, находят отражение в методической науке представляющей собой непрерывно инновационную систему, порождающую новые идеи и их решения [4, с. 11].

Современная теория обучения иностранным языкам отличается полипарадигмальным характером. В то же время, в истории методической науки при всем многообразии методов обучения иностранным языкам можно вычленить четыре типа научных парадигм: сравнительно-сопоставительная или лингвистическая, системно-структурная, коммуникативно-прагматическая и антропоцентрическая [4, с. 7]. Принятие каждой из них определяет исторические вехи развития методической науки, динамику и особенности разных методических теорий/концепций, подходов к обучению и методы. При смене парадигм из-за несовершенства и несоответствия методов прошлого при решении новых задач, зачастую приходится идти по наименее экономному, тяжелому и долгому пути, который, не всегда приводит к конечной цели – практическому владению

обучающимися иностранным языком [7, с. 163], что делает проблему обучения коммуникации, формирования у обучающихся коммуникативной компетенции по-прежнему актуальной.

В истории методики преподавания иностранных языков постоянно наблюдается определенная эволюция разработки новых подходов, определяющих стратегию обучения и выбор метода обучения, реализующего эту стратегию.

В дидактике подход трактуется как аспект, позиция, «русло» рассмотрения и конструирования дидактических объектов, т. е. процесса обучения и его элементов, а именно: цели, содержания, методов и форм обучения и др. В методике обучения иностранным языкам подход рассматривается как самая общая частнометодологическая основа исследования в конкретной области знания, исходная идея, своеобразный угол зрения на направление, в котором должно вестись исследование и под которым рассматривается и интерпретируется процесс обучения иностранным языкам, стратегия обучения языку и выбор метода обучения, реализующего такую стратегию [цитируется по 3, с. 17].

В соответствие с требованиями Федеральных государственных стандартов школьного образования по иностранному языку реализация личностно-ориентированного, деятельностного, коммуникативно-когнитивного и социокультурного подходов к обучению иностранным языкам является одним из базовых требований. Эти подходы вносят существенные изменения и определяют все компоненты системы обучения: цели, содержание, принципы, методы и технологии обучения. Каждый подход имеет свою специфику и историю становления. Хотелось бы детальнее обратиться к коммуникативному подходу к обучению иностранным языкам.

Начиная со второй половины XX столетия, общей стратегией обучения иностранным языкам становится коммуникативный подход, который обусловил основную практическую цель обучения иностранным языкам: овладение иноязычным межкультурным общением путем формирования межкультурной коммуникативной компетенции и ее составляющих.

Коммуникативный подход в обучении иностранным языкам возник и сформировался в Европе в 70-80-е годы XX столетия. Предположительно, он берет свое начало в недрах системно-структурной парадигмы, и является продуктом деятельности лингвистов и педагогов, недовольных господствовавшими в то время грамматико-переводным и аудио-лингвальным методами обучения иностранным языкам. Причина недовольства крылась в том, что использование в обучении данных методов не обеспечивало изучения реального, живого языка и почти не способствовало расширению знаний о культуре, традициях, истории страны изучаемого языка. Быстрому внедрению в практику и популяризации коммуникативного подхода способствовал также увеличивавшийся наплыв переселенцев из других стран в развитые страны Европы. Это потребовало такой организации и подхода к обучению, который позволил бы не только интегрировать иностранцев в чуждую им языковую среду, но и мог бы обеспечить успешное преподавание на данном иностранном языке в классах, где ученики разговаривали на разных языках и не понимали даже друг друга. Таким образом, язык должен был стать одновременно и целью и средством обучения.

С этой целью в 1971 году Совет Европы поручил группе специалистов разработать новый подход к обучению языкам и на его основе методы обучения, которые могли бы стать основой преподавания языка в любой стране – участнице Совета Европы. Данный шаг был призван разрешить сложившуюся «предреволюционную» ситуацию, при которой старая образовательная парадигма показала свою несостоятельность в решении актуальных проблем обучения иностранным языкам, что повлекло за собой изменение социального заказа общества и в конечном итоге – замену господствующей парадигмы новой, определившей новые стратегии научного поиска.

Таким образом, накопление противоречий внутри системно-структурной парадигмы привело к зарождению новых знаний, к формированию разных научных направлений, которые разрушили ее фундамент и заложили основы новой, коммуникативно-когнитивной парадигмы, изменившей перспективу научных

исследований и определившую новые тенденции в развитии подходов к обучению иностранным языкам. В течение полувека старая парадигма полностью заместила собой.

В нашей стране коммуникативный подход распространился в 80-е годы XX столетия, став альтернативой господствовавшему тогда классическому грамматико-переводному методу, ограничивавшему возможности обучавшихся говорить и взаимодействовать на иностранном языке в реальных жизненных условиях.

Разработкой коммуникативного направления в методике преподавания иностранных языков занимались как зарубежные ученые-методисты и психологи (М.С. Бернс, У. Литлвуд, Г. Лозанов, Р. Олрайт, Г.Э. Пифо, Г. Уидоусон и др.), так и отечественные (И.Л. Бим, Л.С. Выготский, И.А. Зимняя, Г.А. Китайгородская, А.А. Леонтьев, Е.И. Пассов, Г.В. Рогова, В.Л. Скалкин, Э.П. Шубин и др.).

На данном этапе коммуникативный подход к обучению иностранному языку является одним из приоритетных. Соответственно, коммуникативные цели обучения выступают в качестве системообразующих. Это означает развитие:

- умений устно и письменно объясниться с носителями языка в ограниченном числе стандартных ситуаций общения;
- умений воспринимать на слух (аудирование) и зрительно (чтение) несложные аутентичные тексты разных жанров и видов, понимая с разной степенью глубины заложенную в них информацию;
- социокультурной компетенции на основе приобщения к культуре стран изучаемого языка, лучшего осознания своей собственной культуры и умения представлять ее в процессе общения;
- компенсаторных стратегий, позволяющих обходить трудности, используя, например, при говорении перифраз, при аудировании – запрос дополнительной информации, пояснений и т. п.;
- учебных умений (умений учиться) [1, с. 4].

Все это должно способствовать реализации педагогических целей – общему образованию и развитию школьников и готовить их к жизни и деятельности в

демократическом мультинациональном, мультикультурном сообществе. Как правило, педагогические цели выносятся за рамки предметной области и считаются общими для всех учебных предметов. Но, исходя из специфики учебного предмета «Иностранный язык», представляется целесообразным интегрировать их с коммуникативными целями обучения, так как коммуникативная компетенция рассматривается нами не столько как лингвистическая категория, сколько как лингводидактическая и соответственно методическая категория, ибо цели должны в своей совокупности определять и содержание, и методы, и принципы, и средства обучения. Коммуникативная компетенция как цель и планируемый результат обучения должна трактоваться достаточно широко, поскольку она включает и социокультурную, и учебную, и компенсаторную компетенции. Да и конкретная реализация педагогических целей в процессе формирования иноязычной коммуникативной компетенции определяется спецификой учебного предмета [1, с. 5].

Коммуникативный подход ориентирован на организацию процесса обучения, адекватного процессу реального общения благодаря моделированию основных закономерностей речевого общения, а именно:

- деятельностный характер речевого общения, который воплощается в коммуникативном поведении учителя как участника процесса общения и обучения, и в коммуникативно мотивированном активном поведении ученика как *субъекта* общения и обучения;
- предметность процесса коммуникации, которая должна быть смоделирована ограниченным, но точно обозначенным набором предметов обсуждения (тем, проблем, событий и т.д.);
- ситуации общения, которые моделируются, как самые типовые варианты отношений учащихся между собой;
- речевые средства, которые обеспечивают процесс общения и обучения в данных ситуациях [6].

Исходя из этого, были выдвинуты принципы коммуникативного метода:

- речевая направленность учебного процесса, которая состоит не столько в том, что ставится речевая практическая цель (это характерно для многих других методов), сколько в том, что средством достижения этой цели является именно практическое использование иностранного языка;

- индивидуализация при руководящей роли ее личностного аспекта как главного средства создания мотивации и активности учащихся с учетом их жизненного опыта, контекста деятельности, сферы интересов, эмоциональной сферы и статуса конкретной личности в коллективе;

- функциональность, которая обеспечивает отбор иноязычного материала, адекватного процессу коммуникации;

- ситуативность, которая рассматривается как средство речевой стимуляции и как условие развития речевых навыков; при этом под «ситуацией» понимают систему взаимоотношений собеседников, которая отражается в их сознании;

- новизна, которая проявляется в постоянном изменении предмета разговора, обстоятельств, задач [6].

Подобная организация процесса обучения способствует тому, что учащиеся приобретают коммуникативную компетенцию – способность пользоваться языком в зависимости от конкретной ситуации. Они учатся коммуникации в процессе самой коммуникации. Из этого следует, что все упражнения и задания должны быть коммуникативно оправданы дефицитом информации (information gap), выбором (choice) и реакцией (feedback).

Одним из наиболее значимых аспектов коммуникативного подхода является использование аутентичных материалов в процессе обучения. Языковое взаимодействие учеников целесообразно организовывать в разных формах: парах, небольших группах, со всей группой. С самого начала обучения ученики овладевают всеми четырьмя видами речевой деятельности (аудированием, чтением, говорением, письмом) на сверхфразовом и текстовом уровнях при ограниченном использовании родного языка. Объектом оценки является не только правильность и

скорость чтения и устной речи, но и умение пользоваться экстралингвистическими средствами выражения своих коммуникативных намерений.

Таким образом, можно отметить, что на современном этапе коммуникативный подход является одним из приоритетных в обучении иностранным языкам, внося изменения во все компоненты системы обучения: цели, содержание, принципы, методы и технологии. Именно коммуникативные цели являются системообразующими, а принципы, на которых он базируется, обеспечивают формирование коммуникативной компетенции учащихся в соответствие с современными реалиями и требованиями.

Список использованных источников

1. Бим И. Л. Концепция обучения второму иностранному языку (немецкому на базе английского): Учебное пособие / И. Л. Бим. – Обнинск: Титул, 2001. – 48 с.
2. Ветохов О. М. Психолого-педагогічна характеристика основних сучасних методичних підходів до навчання іноземних мов у школі / О.М. Ветохов // Педагогіка і психологія. – 2005. – № 2. – С. 89-97.
3. Гальскова Н. Д. Личностно-развивающий потенциал межкультурного подхода к обучению иностранным языкам / Н. Д. Гальскова // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2016. – 2 (95). – С. 17-21.
4. Гальскова Н. Д. Основные парадигмальные черты современной методической науки / Н. Д. Гальскова // Иностранные языки в школе. – 2011. – № 7. – С. 2-11.
5. Зеня Л. Я. Навчання іноземних мов у старшій профільній школі : Лекційно-практичний курс: Посібник для студентів вищих навчальних закладів / Зеня Л. Я. – Горлівка : Видавництво ГДПІМ, 2008. – 340 с.
6. Пассов Е. И. Коммуникативное иноязычное образование / Е.И. Пассов. – Липецк : Липецк. гос. педаг. ин-т, 1998. – 159 с.
7. Стрельникова Л. Г. Концептуальні питання імплементації сучасних методів навчання іноземних мов / Л.Г. Стрельникова, А.Л. Касьяненко //Нові технології навчання: Наук. метод. зб. / Кол.авт. – К.: Наук. метод. центр вищої освіти, 2005. – Вип. 40. – С. 162-173.

THE COMMUNICATIVE APPROACH TO THE FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN THE CONTEXT OF MODERN EDUCATIONAL PARADIGM

Summary. The main peculiarities and principles of the communicative approach to the foreign language teaching in the context of modern educational paradigm are considered in the article.

Key words: communicative approach, educational paradigm, foreign language.

БРАДЖ КАЧРУ: ИЗУЧЕНИЕ МИРОВЫХ ВАРИАНТОВ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Вовк Николай Александрович

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о статусе мировых вариантов английского языка. Этот термин напрямую связан с именем лингвиста Баджа Качру и его теорией о трех концентрических кругах. Различные местные языки оказывают влияние на эти варианты английского.

Ключевые слова: мировые варианты английского языка, теория о концентрических кругах, нативизация, аккультурация.

Вопрос изучения мировых вариантов английского языка напрямую связан с именем профессора Баджа Качру, который является директором Центра исследований в Университете Иллинойса, в городе Чэмпейн, США. Он – ведущим ученым с мировым именем в области «мировых английских языков». Под его руководством было дано начало, сформировано и определено лингвистическое, социокультурное и педагогическое измерения кросс-культурного распространения английского языка.

Хотя Качру является признанным во всем мире авторитетом в области английского языка, будучи рожденным в Индии, он говорил только на хинди и на своем родном языке, кашмири, пока ему не исполнилось 16 лет. Но у него были преимущества. Высокообразованная семья, в которой он родился, была частью кашмирского сообщества браминов (ученых мужей), которые были известны своими достижениями в языке, литературе, искусстве и, прежде всего, образовании. На самом деле, термин «брамин» означает на санскрите «уважаемый учитель». Брат и отец Качру тоже работали в сфере образования [3, с. 8].

В 1947 году он начал работать над получением степени бакалавра по английскому языку. Позже он получил диплом магистра по английскому языку в

Институте лингвистики в западном городе Пуна, который является частью Института последипломного образования и исследований Фонда Рокфеллера.

С Пуны Качру отправился в Британию и начал писать докторскую диссертацию по индийскому варианту английского языка в Университете Эдинбурга в Шотландии, где он встретил Роберта Лиза, который предложил ему должность в университете Иллинойса уже в 1963 году. Качру принял это предложение.

В начале 1980-х он создал термин и философию, благодаря которым он известен более всего – это «мировые варианты английского языка». Эта концепция описывает распространение английского языка по всему миру. По словам Маргерит Кортрайт, студентки и коллеги Качру на факультете английского языка как международного, «этот термин в начале вызывал споры. Были пуристы, которые считали, что должен быть только один стандартный английский язык – британский английский. Остальные, как они говорили, были отклонениями. Концепция мировых вариантов английского языка допускает вариативность в использовании английского. Также она допускает разные варианты английского языка».

Качру выдвинул постулат, что «существует множество вариантов английского языка, на которые оказали влияние различные местные языки. Мировые варианты английского языка следуют правилам, которые отличаются от стандартного британского английского». Также он говорит, что в Индии, как в большинстве пост-колониальных государств, говорящие «сплетают как английский, так и местный язык, во время бесед, сознательно не понимая, какой язык они используют» [3, с. 9].

Профиль этой плюрицентричности можно представить со ссылкой на три концентрических круга английского языка. Первый, внутренний, включает в себя такие страны как Соединенное Королевство, Соединенные Штаты Америки, Канаду, Австралию, Новую Зеландию. Во внешнем круге находятся Бангладеш, Гана, Индия, Ямайка, Кения, Малайзия, Нигерия, Пакистан,

Филиппины, Сингапур, Южная Африка, Шри-Ланка, Танзания, Замбия. Расширяющийся круг охватывает Китай, Египет, Индонезию, Израиль, Япония, Корею, Непал, Саудовскую Аравию, Тайвань, СССР, Зимбабве [2, с. 35].

Списки стран, которые включены в эти круги, особенно во внешний и расширяющийся (они идут с пометкой «например»), просто иллюстративны и не включают всех возможных кандидатов. Эти три круга дают посыл в отношении кодификации и диверсификации английского языка. Имеется три речевых содружества, которые используют английский: обеспечивающее норму, развивающее норму и зависящее от нормы [1, с. 138].

Во внешнем и развивающемся кругах у бурного восторга, который генерирует сила английского языка, есть несколько измерений: демографическое, идеологическое, социальное и оценочное. Английский является не только, главным образом, языком доступа. Это отправная точка для исследовательской и методологической парадигм. В исследовательской деятельности такие области, как изучение второго языка, первого языка, стилистики, двуязычной и одноязычной лексикографии, а также вся теория перевода, тесно соотносятся с изучением английского языка. В теории сочетание, обобщения в отношении естественных языков, их структурные характеристики и возможные категории языковых универсалий обычно начинаются с анализа и примеров из английского языка.

Что касается языков и литератур, влияние мировых вариантов английского языка подобно двуликому Янусу. Одно лицо – это лицо англицизации, процесс изменения, который английский запустил в других языках по всему миру. Второе лицо касается нативизации и аккультурации самого английского языка, процессов изменения, которым локализованные разновидности английского подверглись через приобретение новых лингвистических и культурных идентичностей. Это объясняет использование таких терминов, как африканизация и индианизация английского, или использование таких

терминов, как сингапурский английский, нигерийский английский, филиппинский английский и шриланкийский английский.

Какова бы не была реакция по отношению к распространению и использованию английского языка, надо, однако, принять, что сейчас есть кросс-культурный и кросс-лингвистический универсальный язык.

Демографическое распространение английского языка превосходит распространенность латинского в период средневековья. Он распространен больше, чем санскрит на территории, которая была известна как традиционная Южная Азия. Также он превосходит по этому параметру испанский, арабский и французский. И у него нет языков-конкурентов в этой сфере. Это и не французский, и не искусственные языки, такие как эсперанто. Другими словами, английский продолжает изменять языковое поведение людей по всему миру. Сейчас это основной инструмент начала широкомасштабного билингвизма по всему миру, ведь быть билингвом означает, главным образом, знание английского языка и его использование в качестве дополнительного, как языка для более широкого спектра коммуникации, с одним или более языками с какого-либо региона.

Сложно, однако, определить, сколько людей знают английский. Ответ зависит от того, кого вы спрашиваете. Консервативное число дает нам два говорящих, для которых он не родной, против одного, для которого он родной. Более либеральные данные дают нам соотношение четыре к одному. В Китае гораздо больше китайцев, использующих английский, чем все население Соединенного Королевства, если даже оценить только пять процентов китайцев, которые используют английский. Индия, если мы примем десять процентов ее населения, как знающее английский, является третьей самой большой страной, знающей английский, после Соединенных Штатов и Соединенного Королевства. Индийская конституция фактически признает английский в качестве второго официального языка. Что действительно впечатляет, что такая ситуация с английским сложилась за столетие, в особенности после 1930-х годов [1, с. 139].

В тех регионах, которые не почувствовали прямого влияния английского языка – например, страны, где ранее была франкофония, – косвенное влияние было не менее реальным, и его было сложно остановить. Это влияние распространяется через «невидимые» каналы, которые обходят стратегии, разработанные языковыми стратегами. Влияние английского косвенно проникает через модели творчества, международные средства массовой информации, процессы, используемые для перевода, а сейчас через электронные средства информации и компьютерные технологии.

Можно наблюдать гегемонию английского языка в разных культурах в сфере образования, администрирования, литературного творчества, а также в сфере внутригосударственного и международного взаимодействия. Но, что более важно, это наблюдается в отношении к английскому и его пользователям. Это пользователи, для которых он не родной, и именно они сейчас ответственны за его распространение и обучение, а также сферы применения. Взаимодействие с привлечением английского в незападных странах осуществляется, главным образом, неродными носителями с такими же людьми, а не людьми, как предположили бы, для которых он неродной, с теми, для кого является родным. Расширение и влияние английского на другие культуры, языки и литературы, в таком случае, является уникальным явлением в истории распространения языков. Поэтому, весьма уместен вопрос: «Есть ли у нас соответствующие теоретические и методологические средства, чтобы дать объяснение этому явлению?».

В ходе анализа можно сделать такие выводы:

1. По мнению Баджа Качру, существует множество вариантов английского языка.
2. Эти варианты подверглись влиянию различных местных языков.
3. Мировые варианты английского языка используют правила, отличные от стандартного британского английского.

4. Профиль плюрицентричности английского языка представляется в виде трех концентрических кругов: внутренний, внешний, расширяющийся.
5. Английский является отправной точкой для исследовательской и методологической парадигм.
6. В отношении языков и литератур влияние мировых вариантов английского языка двояко.
7. Представляется сложным определение того, какое количество людей знает английский.

Список использованной литературы

1. *Kachru Braj B.* World Englishes: Agony and Ecstasy / Braj B. Kachru // Journal of Aesthetic Education. – Vol. 30. – No. 2. – Special Issue: Distinguished Humanities Lectures II (Summer, 1996). - Pp. 135-155.
2. *Kilickaya Ferit.* World Englishes, English as an International Language and Applied Linguistics / Ferit Kilickaya // English Language Teaching. – 2009. – September. – Vol. 2. – No. 3. – P. 35-38.
3. *Selected Writings of Prof. Braj B. Kachru.* – Kashmir News Network, 2007. – 47 p.

BRAJ KACHRU: THE STUDY OF GLOBAL VARIETIES OF ENGLISH

Summary. In the article one analyzes the question about the status of the world Englishes. The term is directly connected with the name of the linguist Braj Kachru and his theory of concentric circles. Various local languages influence the variants of English.

Key words: world Englishes, theory of concentric circles, nativization, acculturation.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О МНОГОЗНАЧНОСТИ ТЕРМИНА

Гладких Ольга Игоревна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. в статье представлены различные значения термина «антропологическая лингвистика» («антрополилингвистика»). На основе анализа научной литературы последних лет делается вывод о содержании данного термина в Западной и отечественной лингвистических традициях.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, лингвистическая антропология, антрополилингвистика, социоллингвистика, когнитивное терминоведение.

В последнее десятилетие в лингвистической литературе все чаще используется термин «антропологическая лингвистика» («антрополилингвистика»), что обусловлено сменой научной парадигмы на антропоцентрическую – кардинальным преобразованием, которое вызвало необходимость рассмотрения едва ли не любого языкового явления в его неразрывной связи с языковой личностью, ее потребностями, мотивами, интересами и т.п.

Сегодня антрополилингвистика представляет собой всеобъемлющую научную дисциплину, которая изучает язык в его тесном взаимодействии с культурой. Однако анализ научной литературы позволяет утверждать, что понятие «антропологическая лингвистика» наделяется разным содержанием разными авторами. Таким образом, *цель* данной статьи – уточнить значение термина «антропологическая лингвистика».

Объектом исследования выступает сам вышеупомянутый термин, а *предметом* – его различные трактовки в лингвистической литературе последних лет.

В результате анализа было выявлено, что термин «антропологическая лингвистика» имеет как минимум два основных значения. В своем

первоначальном значении антропологическая лингвистика приравнивается к лингвистической антропологии, которая занимается изучением языков народов мира для постижения особенностей их культуры. Как правило, речь идет о редких языках, не имеющих письменности. Именно это содержание термина «антропологическая лингвистика» характерно для зарубежной лингвистики. Оно же заложено в названии одноименного научного журнала *Anthropological Linguistics*, основанного в 1959 г. в США и публикующего результаты исследования языков американских индейцев, аборигенов Австралии и т.п.

В отечественной науке вышеупомянутые задачи ставит перед собой этнография, хотя с ней и конкурирует зародившаяся на Западе этнология. Последняя, как может показаться, одержала верх после того, как в 1990 г. Институт этнографии АН СССР им. Н. Н. Миклухо-Маклая был переименован в Институт этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. На самом деле, серьезных причин для этого не было, а оба термина являются терминологическими дублетами [5].

Что касается терминов «антропологическая лингвистика» и «лингвистическая антропология», многие считают их взаимозаменяемыми. Однако есть и те, кто отдает предпочтение последнему термину, полагая, что такой области знания, как антропологическая лингвистика, не существует [6].

С другой стороны, антропологическая лингвистика понимается как дисциплина, охватывающая целый ряд научных направлений, фокусом внимания которых является диада «язык – человек»: лингвокультурология, когнитивная лингвистика, гендерная лингвистика, социолингвистика, этнолингвистика [4, с. 24].

Такое понимание антропологической лингвистики перекликается и с трактовкой В. И. Карасика. Ученый считает, что антропологическая лингвистика базируется на трех китах: личность – концепты – дискурс [3]. Данные измерения представляют собой объект исследования антропологической лингвистики, что, по сути, делает ее зонтичным термином для социолингвистики, гендерной

лингвистики, лингвокультурологии и когнитивной лингвистики, и даже для теории дискурса.

Еще одно значение термина «антропологическая лингвистика», которое можно считать узким пониманием только что упомянутого, предлагает профессор Университета Дуйсбург-Эссен Реймонд Хикки. В материалах для студентов, которые представлены на сайте Вуза, лингвист упоминает, что антропология имеет два основных направления, одно из которых – культурная или социальная антропология. Далее Р. Хикки пишет: «...социальная антропология имеет лингвистическое измерение, которое занимается изучением языка в различных культурах и пытается ответить на вопрос, как специфические черты культуры отражаются в языке или языках, которые ее обслуживают. Таким образом, лингвистическую антропологию можно рассматривать как расширенный вариант социолингвистики, учитывая, что первая имеет дело с особенностями более общего порядка» [7].

Тем не менее, многогранность термина «антропологическая лингвистика» и его неоднозначность на этом не исчерпываются. В 2004 г. на международной конференции в городе Белосток (Польша) был подписан «Белостокский манифест», который провозгласил появление новой науки – антрополингвистики. Эта научная дисциплина призвана по языковым данным реконструировать историю эволюции человеческого сознания и мышления, а также эволюцию человеческой цивилизации в целом. Среди подписавших Манифест – много видных российских и европейских ученых, в том числе С. В. Гринев (Гриневич), В. М. Лейчик, В. Ф. Новодранова, Ян Ф. Носович, Х. Пихт, Т. Г. Скопюк, П. Томас и др. [2, с. 13].

Данные ученые исходят из того, что все значимые этапы развития человеческого мышления отражены в лексической системе языка и, прежде всего, в его терминологии. Поэтому представляется возможным описать основные вехи развития человеческого разума на основе анализа эволюции

терминологических систем: от донаучного периода – к протонаучному, от протонаучного – к научному.

Эти три этапа выделены неслучайно. «В ходе развития познания происходит смена исторических типов мышления» [2, с. 14]. Первый этап (донаучный) соответствует наивному типу мышления, оперирует бытовыми представлениями и характеризуется использованием бытовой лексики. Второй этап – протонаучный – является промежуточным. Он соотносится с ремесленным типом мышления и оперирует уже специальными представлениями. И третий этап (научный) совпадает с современным состоянием развития научной мысли. Он соответствует научному типу мышления, оперирует научными теориями и системами специальных понятий и терминов. Каждый этап отличается качественным и количественным составом терминологических систем [2, с. 14–15].

Из вышесказанного следует, что такая трактовка антропологической лингвистики сближает ее с когнитивным (историческим) терминоведением. Однако уточнение целей и задач данного научного направления, усовершенствование методологии исследования, постановка и решение новых вопросов позволили выделить антропологическую лингвистику в отдельную научную дисциплину. Это повлекло за собой выход в свет первого учебного пособия «Основы антропологической лингвистики» [1] и фундаментальные исследования, реализованные в защите магистерских, кандидатских и докторских диссертаций.

Таково еще одно значение, ассоциируемое с термином «антропологическая лингвистика». В заключение, следует отметить, что многообразие смыслов, вкладываемое в понятие «антропологическая лингвистика», характерно в большей степени для отечественной лингвистической науки. В американской традиции под данным термином принято понимать ту совокупность исследований, которые первоначально проводились в рамках социальной (культурной) антропологии. Европейская лингвистика унаследовала американское понимание данного термина, но также трактует обозначаемую им

область знаний и в более широком смысле как направление, посвященное изучению человеческого фактора в языке, что присуще и современной российской науке.

Необходимо подчеркнуть, что многозначность термина «антропологическая лингвистика» весьма нежелательна. Однако также стоит признать, что данная неоднозначность естественным образом вытекает из многоаспектности современных исследований, так или иначе связанных с изучением проблемы «язык и человек».

Список использованных источников

1. *Гринев-Гриневиц С. В.* Основы антропологической лингвистики: (к лексическим основаниям эволюции мышления человека): учеб. пособие / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина, Т. Г. Скопюк; Рос. терминологическое общество. – М.: Спутник+, 2005. – 114 с.
2. *Гринев-Гриневиц С. В.* Язык как средство изучения познания и эволюции человека (к 10-летней годовщине появления антропологической лингвистики) / С. В. Гринев-Гриневиц, Э. А. Сорокина // Вестник МГОУ. – Серия «Лингвистика». – М.: МГОУ. – 2014. – № 5. – С. 12–25. – [Электронный ресурс]. URL: <http://vestnik-mgou.ru/Articles/Doc/7772>. – Дата обращения: 12.10.2015.
3. *Карасик В. И.* Антропологическая лингвистика: статус научного направления: видеолекция, 27 апреля 2009 г. / В. И. Карасик. – [Электронный ресурс]. URL: <http://tube.sfu-kras.ru/video/659>. – Дата обращения: 01.03.2015.
4. *Матвеева Т. В.* Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 562 с.
5. *Этнография.* – [Электронный ресурс] // Википедия. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Этнография>. – Дата обращения: 10.08.2015.
6. *Anthropological linguistics.* – [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Anthropological_linguistics. – Дата обращения: 10.07.2017.
7. *Hickey R.* Anthropological Linguistics/ R. Hickey. – [Электронный ресурс]. URL: <https://www.uni-due.de/ELE/AnthropologicalLinguistics.htm>. – Дата обращения: 15.09.2017.

НРАВСТВЕННО-РЕЛИГИОЗНЫЕ ОСНОВЫ ВОСПИТАНИЯ И ОБУЧЕНИЯ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ТРАДИЦИИ

Грива Ольга Анатольевна

доктор философских наук, профессор

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Обращение к традициям духовно-нравственного воспитания в отечественной традиции является закономерным для современных наук о человеке, таких, как философия образования, психология и педагогика, так как существуют вопросы, которые являются сегодня актуальными. Поэтому мы обращаемся к истории отечественного образования и воспитания как сокровищнице народной мудрости и опыта, прежде всего, опыта культуры воспитания молодежи, граждан, достойных своей семьи и своей Родины. Особое значение в вопросе истории развития духовно-нравственного воспитания и образования молодежи в контексте отечественного культурного кода имеют традиции христианского воспитания. Целью статьи является анализ нравственно-религиозных основ культуры воспитания в христианской традиции. Поставленная цель достигается путем решения следующих задач: определить роль и место христианской педагогики в истории отечественной школы, рассмотреть теоретические основы христианской педагогики.

Ключевые слова: христианство, нравственность, иерархия педагогических ценностей.

Исторически так сложилось, что для России решающую роль играет христианство. Христианские традиции определили для наших соотечественников большинство основных жизненных позиций: роль семьи, отношение к детям, к родителям, к труду, к другим людям, соотношение внутреннего и внешнего мира человека, иерархию ценностей человека.

С принятием христианства Древней Русью в 988 г. связывается бурное развитие практики образования и формирования основ для педагогической теории.

Строительство христианских храмов сопровождалось открытием школ при них, в которых собирались по повелению Великого князя Владимира Святославовича дети знатных лиц и дружинников «для учения книжного». О первых школах на Руси сообщает «Повесть временных лет» от 988 года. Первая такая школа была придворным учебным заведением и обучались в ней около трехсот мальчиков. Девочек грамоте и книжному делу не обучали, так как

назначением женщины считалось быть хозяйкой дома и матерью, для чего по традициям того времени обучение грамоте не требовалось. Мальчиков же обучали не только грамоте, но и основам других наук. В дальнейшем большая часть древнерусских школ развивалась при монастырях и храмах. Основой образования и воспитания было изучение священных текстов и церковных книг. Сам же термин «школа» пришел на Русь из латинского языка и по общеевропейской традиции стал обозначать учебное заведение, в котором обучали не только грамоте, но и ремеслам, и давали азы специализированных знаний.

Учителями в первых древнерусских школах после «ученых греков», которые были привезены князем Владимиром и учили только в Киеве, стали священники. Священство обучало детей грамоте и Закону Божьему в церковных школах. Обучение было всесловным – в школах учились не только боярские, но и дети простого люда. Со временем, по мере распространения нужды в учителях, учителями становились и миряне. Одной из основных задач обучения грамотности была помощь распространению чтения божественных книг. Мирян, сделавших это занятие своим ремеслом, стали называть «мастерами».

О школьной дисциплине было известно, что ее основой являлись евангельская кротость и любовь, строгие меры и особенно ярость находились под запретом. Дух, господствовавший в древнерусских школах, разительно отличался от монастырских европейских школ, существовавших в то время. Там строгие наказания были непременным условием обучения. Но главной характеристикой древнерусской школы все же, была ее церковность. Для ребенка школа фактически являлась преддверием храма. Но это не означало, что ее целью была подготовка лишь лиц духовных. Церковность выражала сущность учения и определяла основное, как можно было бы сказать сегодня, методологию и методику обучения.

Главными типами воспитания в древнерусском обществе оставались семейное и общинное. При этом роль семьи была велика. Это, прежде всего,

было связано с тем, какое место семья занимала в христианской традиции. Она является прообразом духовного союза Христа с Церковью, которому дается благодать через рождение и христианское воспитание детей (Святой Дмитрий Ростовский). Основа семейной жизни - любовь. По слову апостола Павла: «Каждый из вас да любит свою жену, как самого себя, а жена да убоится своего мужа» (Эфес. 5, 32); «Любящий свою жену любит самого себя» (Эфес. 5, 38).

В основу семейного воспитания было положено христианское учение, которое стало базисом для народной педагогики. Важнейшей чертой христианской семьи было абсолютное уважение семейных ценностей, одной из которых являлся бесспорный авторитет родителей. Детям завещано было «Почитать отца своего и мать» (Эфес. 6, 2). Следование этому правилу было обязательным, даже если понадобится употребление суровых наказаний: «сути лить чада, прикажи я, и преклони от юности выю их» (Сираха 7, 25). Детям, которые не подчиняются родительской власти, угрожает смерть: «Человек иже аще зло речет отцу своему или матери своей, смертью умрет» (Левит 20; 9).

Показательно, что высокие нравственные ценности были связаны с практическими соображениями. Моисеев Закон сообщал: «Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле» (Исход 20, 12). Священные христианские тексты содержат множество подтверждений этому.

Почетом и уважением пользовались патриархи Авраам, Исаак, Иаков среди детей и слуг своих, большое значение имело их благословение сыновьям, которое отразилось на судьбе потомков и иудейского народа. Вспомним благоговение перед шестисотлетним старцем Ноем его сыновей Сима и Иафета, которые спрятали наготу отца, не захотев видеть ее и посмеяться над тем, кто дал им жизнь.

Библия и другие христианские источники демонстрировали также примеры, когда дети, не выполняя волю родителей, были наказаны. Так, в «Слове к верующему отцу» Святой Иоанн Златоуст, анализируя пример из Ветхого Завета о сыновьях священника Илии, показывает, что, если не осуществляется слово

Божие в отношении отца и Бога, то погибают и сыновья, и отец, не сумевший достойно воспитать своих детей [5, с. 83].

Отношение к отцу семьи, к родителям вообще в христианской традиции - образ отношения к Богу. Отношение к детям определяется следующим правилом: они даны Творцом семье на попечение. Родители несут ответственность за их поведение в обществе и самое главное - за спасение их душ для вечной жизни. Ответственность за детей максимальная, никакие социальные причины не могут оправдать греха безответственного отношения к своим родительским обязанностям.

Родители уподоблялись пастырям Божиим. Так, Митрополит Киевский и Галицкий священномученик Владимир писал, что христианские родители также призваны Богом надзирать за своими детьми, как Епископы поставлены Богом для наблюдения за «стадом Божиим» [8, с. 74].

Христианские родители желали, конечно, чтобы ребенок их был не только нравственен, но и умен, а «всякая премудрость от Господа и с Ним есть во век» (Сирах., гл. 1, 1). Неслучайно и Соломон больше всего просил у Бога разума и премудрости: «Сего ради помолихся, и дан бысть мне разум призвах, и прииде на мя Дух премудрости. Предсудих ю паче скиптров и престолов и богатство ничто же во мних к сравнению тоя. Ниже уподобих ее камению драгоценному, яко все злато пред нею песок малый, и яко брение вменится пред нею серебро» (Кн. Премудр. Соломона гл. 8, 8—10). Поэтому и родителям было заповедано просить для своего ребенка разума и премудрости, которые должны предохранить его от всякого зла и дать ему основания для долгоденствия.

Но бог даровал детей родителям не как личную собственность, которой они способны были распоряжаться по своей воле, а как «ответственным стражам». «И какое высокое и драгоценное сокровище поручено вам в детях ваших!», – обращался Митрополит Владимир к родителям [8, с. 75]. Этот пастырский призыв базировался на особенностях отношения в христианской антропологии к ребенку и к человеку вообще.

Человек – это образ и подобие Божие. Образ – потому, что он содержит те же силы и энергии, что и Бог: творческие, бессмертия души, способности к власти и другие. Подобным Богу человек мог стать только через свою праведную жизнь – «уподобиться». Эти вопросы – одни из наиболее изученных и изложенных христианскими антропологами и педагогами (Иоанн Златоуст, Иоанн Лествичник, Иоанн Брянчанинов, В.И. Зеньковский).

Общий взгляд на человека в христианском учении можно охарактеризовать как оптимистичный: как бы низко человек не пал - для него всегда открыт путь наверх, путь духовного роста через покаяние. Поэтому, строгая на первый взгляд, христианская родительская педагогика является педагогией любви и заботы о ребенке. Выполнению родительского долга способствуют и благодатные силы.

Отношения христианских супругов также были четко регламентированы. Отец должен был отвечать за всю свою семью - детей и жену. Мужчина - защитник, кормилец, хозяин дома, на нем основное бремя забот о семье. Женщина – хранительница семейного очага, детородительница, жена. Отличием христианской семьи является то, что ее создание – это таинство, сущность которого не может быть исчерпана средствами психологии, социологии, психоанализа или педагогики.

Особым вопросом христианской морали всегда было отношение к «сырым и убогим», а также к людям пожилого возраста. Гуманное отношение к слабым составляло резкий контраст с общественной моралью древних, например, римлян, сбрасывавших больных детей в пропасть. По представлениям древних римлян, здоровый дух мог быть только в здоровом теле. Но христианство утверждало, что в здоровом теле мог быть и не здоровый дух, и, наоборот: в больном, немощном теле дух может гореть Дарами Божьими, т.е. человек может быть наделен многими способностями и талантами. Христианское подвижничество, например, заключается в том, что то, что отнимается от тела во имя Бога (постом, подвигами), то становится достижением духа. Кусок хлеба,

пища которую человек не употребил сам, а отдал нищему, является добром не только в физическом плане, а становится благом для этого человека, прежде всего в духовном отношении.

Ценности христианской семьи строились на четкой иерархии: в первую очередь – духовные, а уже потом социальные и экономические. Так, уважение к старым родителям было не единственным правилом семейного катехизиса. Благодарный Еродий Григория Сковороды - типичный пример отношения молодежи к родителям. «Мы носим их на своих крыльях», - объясняет Еродий своей собеседнице - обезьяне, рассказывая о характере отношений детей с родителями в семье аистов.

Проблема одиноких пожилых людей решалась через родственное отношение к ним всей христианской общины. В духовном плане: несчастные, калеки, больные и другие «убогие» – это экзамен, который посылает Бог молодым и здоровым. В обществе такой человек уже не нужен – он неработоспособен, не может приносить общественной пользы. Во многих языческих племенах старики и больные первыми становились пищей хищников, первыми погибали в обстоятельствах угрозы роду. Христианство в корне изменило отношение к слабым и убогим – они, в контексте христианской морали, нужны Богу, а значит, и людям. Поэтому воспитание милосердия, сострадания к таким людям было непрямым для системы духовно-нравственного воспитания в христианской семье.

Традиции древнерусского воспитания получили свое развитие в отечественной педагогике последующих периодов. В значительной степени их отражение прослеживается в научных исследованиях по народной педагогике. Так, в отечественной педагогической традиции ярко отражается синтез конфессионального (христианского) и народного (семейно-бытового) содержания в традициях воспитания: Г.С.Сковорода («Благодарный Еродий», «Письма к Ковалинскому»), О.А. Маляревский («Религия и народность как основы воспитания», «Религиозное воспитание в семье»), К. Д. Ушинский (О

народности в общественном воспитании), Н.К.Макавейский («Религиозное воспитание в семье»), П.Д.Шестаков («Мысли о воспитании в духе православия и народности») и другие.

Христианская педагогика играла ведущую роль в истории отечественной педагогики и школы. В связи с комплексом ценностей православного общества и семьи определяются основные черты воспитания:

- Цель воспитания – пестование в человеке образа Божия.

- Смысл христианского воспитания – в наставлении воспитанников на путь спасения души. Основой воспитания, как и «премудрости», есть «страх Божий».

- Иерархия педагогических ценностей:

 - воспитание духа;

 - воспитание души;

 - воспитание тела (тело – сосуд для духа).

В течение следующих после принятия христианства веков складывались традиции народной педагогики, питавшиеся от православных корней.

Список использованных источников

1. Библия. – М.: Изд-во Русского Библейского Общества, 1995. – 1371 с.
2. Брянчанинов Игнатий. Слово о смерти. – М.: Православное издательство, 1993. – 189 с.
3. Затворник Феофан, святитель Путь ко спасению. – М., 1899.
4. Зеньковский В. В. Педагогика. – Париж-Москва, 1996. – 153 с.
5. Златоуст Иоанн, святитель Сочинения. В 2-х Т. – Т.1. – СПб., 1898.
6. Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. – СПб., 1898.
7. Лествица святого Иоанна. – Сергиев Пасад, 1908.
8. Митр. Киевский и Галицкий Владимир Азбука православного воспитания. – М., 1996.
9. Дм. Ростовский, святитель Жития святых. Изд-во Введенской Оптиной пустыни, 1992.
10. Сковорода Г. С. Сочинения. В 2-х Т. – М.: Мысль, 1973.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В ЭПИСТОЛЯРНОЙ ПРОЗЕ, ЕЕ СВЯЗЬ С РОМАНТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИЕЙ МИРА

Доминенко Наталья Викторовна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье рассматриваются вопросы религии и философии в переписке английских поэтов-романтиков и их связь с романтической моделью мира. Актуальность исследования состоит в том, что до настоящего времени не было осуществлено объективное осмысление писем английских романтиков, что позволило бы увидеть, что их религиозно-философские позиции были более сложными, неоднозначными, диалектичными, чем принято думать. Цель исследования заключается в корректировке подходов к изучению эпистолярия английских романтиков, обогащении комплексной суммы знаний о мировидении, миропонимании, приемах мироотражения «шестерки» ведущих поэтов Англии. Поставленная цель достигается путем решения следующих задач: проанализировать предметно-тематическое содержание переписки английских романтиков; определить ключевые концепты модели мира романтиков. Методика исследования основана на использовании комплекса общенаучных и специальных литературоведческих методов, среди которых: описательный, биографический, историко-генетический, историко-функциональный, структурно-семантический, сравнительно-типологический.

Ключевые слова: эпистолярная проза, романтическая концепция мира

Мощные сдвиги в общественно-политической жизни Англии коснулись как религиозной, так и философской мысли этого времени, основными характеристиками которой были диалектичность, многосложность, отсутствие неизменных детерминант и догматических представлений [1, с. 17]. Поэтому не удивительно, что на модель мира в письмах английских романтиков повлияло их обращение к вопросам религии и философии. Грань между этими вопросами является настолько тонкой, что рассматривать их необходимо в неразрывном единстве.

Религиозно-философские взгляды, отразившиеся в письмах Вордсворта, Саути, Кольриджа, Шелли, Байрона, Китса, привлекали внимание таких ученых, как М. Батлер [6], К. Карри [9], Н. Дьяконова [1], И. Неупокоева [3]. В результате в литературоведении сложилась определенная картина религиозных исканий романтиков обоих поколений. Поскольку, однако, советская литературоведческая

школа в целом была не только политически, но и философски заангажирована, постольку даже усилия упомянутых исследователей не смогли до конца преодолеть тенденцию, когда атеистическая направленность тех или иных идей воспринимается положительно, а влечение к Богу резко отвергается. Сегодня пришла пора откорректировать эти подходы. Объективное осмысление писем представителей английского романтизма позволяет увидеть, что их религиозно-философские позиции были более сложными, неоднозначными, диалектичными, чем принято думать.

Рассуждая в своем эпистолярном творчестве о религиозных началах, поэты-романтики затрагивают две важные проблемы: проблему веры и отношения к ней, а также проблему церковного устройства и отношения к церкви как особому институту общества.

Для английских романтиков чрезвычайно важны раздумья о Боге, Его связи с человеком, жизни и смерти, счастье и смысле сущего, поэтому можно с уверенностью утверждать, что эти поэты были религиозно настроенными людьми: все без исключения верили в Божественное начало бытия, однако представляли его по-разному: одни исповедовали идеи английского протестантизма (Вордсворт), другим было ближе римское католичество (Байрон). Саути и Кольридж часто пишут в своих письмах об унитаризме, а Шелли выступает против Бога как Творца и Промыслителя, из-за чего некоторыми авторами причисляется к атеистам, что в корне неверно, ибо поэт является пантеистом. Осмысление религиозно-философских воззрений романтиков позволяет сделать заключение, что граница между старшим и младшим поколением и в этом случае формируется не только возрастом, но и разницей религиозно-философских убеждений.

Чувства поэтов-романтиков, субъективность их мировосприятия реализовались в их эпистолярном творчестве посредством системы бинарных оппозиций: тирании и свободы, монархии и республики, гармонии и хаоса,

язычества и христианства, мира и войны, прошлого и настоящего, природы и социума.

Вопрос веры – один из серьезнейших в эпистолярном творчестве английских романтиков. В этом смысле весьма показательным письмом Шелли к близкому университетскому другу Т.Дж. Хоггу от 20.12.1810г., где автор констатирует, что «на него нападают за его возмутительные убеждения и считают отверженным» [5, с. 7]. Далее в том же письме Шелли восклицает: «О! как нетерпеливо я жду крушения христианства – оно виновно в моем несчастье...<...> Только один предмет оставляет меня холодным (религия), но эта холодность нужна, чтобы вернее направить копьё в грудь противника и обогреть его кровью ненавистного христианства» [5, с. 8].

Позиция Шелли по отношению к христианству ярко выражена в памфлете «Необходимость атеизма», за который Шелли вместе с университетским другом Т. Дж. Хоггом был исключен из университета.

Отрицая Бога-Творца, Шелли обожествлял природу и поэтому признан сторонником пантеизма – мировоззрения, занимающего промежуточное положение между идеализмом и материализмом.

Элементы пантеизма были присущи и мировоззрению Вордсворта – сторонника английского протестантизма. Это хорошо почувствовала дочь У. Смита, одного из знакомых Вордсворта, мисс П. Она заявила, что автор «Экскурсии» поклоняется Природе.

Вордсворт называет себя «признанным поклонником Англиканской церкви» [13, р. 622], его самохарактеристику подтверждает и Кольридж. В сохранившемся июньском письме 1797г. к преподобному Дж. Эслину, рассуждая о религиозных воззрениях Вордсворта, он именует соратника по перу «великим человеком» и отмечает, что тот «больше склонен к христианству, чем к теизму...» [13, с. 42]. Тем не менее поэтическое творчество Вордсворта отмечено поклонением природе, восхищением ею в таких стихотворениях как «Вечерняя

прогулка» (1793), «Строки, написанные недалеко от Тинтернского аббатства» (1798), «Прекрасный вечер, тихий и свободный» (1802) и др.

Байрон, в отличие от Шелли, обвинявшем его в «христианских заблуждениях, от которых нужно избавиться» [14], не отрицал Божьего существования, что подтверждается всей его перепиской. Из нее следует, что ему хотелось, чтобы его дочь Аллегру «научили верить в <...> Божественное начало» [14], а также, чтобы она «выросла христианкой» [14]. В своем письме к Т. Муру от 4.03.1822г. Байрон утверждает, что он «не враг религии, скорее наоборот» [14]. И далее продолжает: «Чтобы доказать это, моя внебрачная дочь [Аллегра – Н. Д.] получает образование в строгом католическом монастыре в Романье, так как я думаю, что люди никогда не бывают достаточно религиозны, если у них вообще есть религия» [14].

Одной из наиболее ранних работ, посвященных мировоззрению Байрона, стала работа британского литературоведа В. Кальверта «Романтический парадокс», в которой исследователь, уделяя основное внимание философским и эстетическим взглядам поэта, коснулся и его религиозной позиции. Ученый пришел к выводу, что Байрон в течение жизни не мог избавиться от воздействия кальвинизма, – религии своего шотландского детства, однако, тяготясь этим религиозным учением, в зрелости стремился найти опору в католицизме как более гармоничном вероисповедании, привлекавшем Байрона и в плане эстетики [7].

Особой среди английских романтиков следует признать религиозную позицию Саути и Кольриджа, определяемую как унитариянство. У Саути оно проявлялось в том, что поэт веровал в Бога, Божественное начало вообще и не признавал разделения религий: «Мои национальные принципы были бы: Бог один, Христос – Спаситель Человечества» [15], а «человек, разрушающий религию, отнимает у нас единственное настоящее счастье» [15]. «Вера в будущую жизнь – одна из немногих догм официальной церкви, которую принимал Саути» [4, с. 129]. С ортодоксальной точки зрения, религиозные

взгляды Саути, по замечанию А. Роговой, могут быть определены как «ересь, собранная воедино из разных источников» [4, с. 129]. Более точно их можно охарактеризовать как смесь деизма и унитариянства (общее название всех противников церковного догмата о Троице и учения о грехопадении во времена Реформации, признававших абсолютное единство Божества) [4, с.129-130]. Вот что сам Саути пишет об этом: «Я не нахожу более истинного трепета перед Божеством, чем безмолвное восхищение, вызванное созерцанием Его творений. Я не могу понять, как деревенские жители и особенно отшельники не в состоянии верить: как это их души не воспаряют сотню раз в день в иступлении к Творцу чудес, поражающих их? В моей комнате я молюсь крайне редко и без чувства; но вид великолепного пейзажа трогает меня до глубины души» [15].

Подобно товарищу, и Кольридж считает, что «Отец Всемогущий является единственным объектом поклонения и вознесения молитв» [8, р.105]. Унитариянство Кольриджа приводит к тому, что он ощущает себя «священником-отступником (диссентером)» [8, р. 48]. В своем письме к Дж. Эслину от 7.12.1802г. он заявит следующее: «Определенно, религиозный деизм бесконечно ближе к религии нашего Спасителя, чем явное поклонение папства или более приличное, но не менее искреннее идолопоклонничество огромного большинства протестантов» [8, р. 99]. Кольридж определяет Бога как «существо, чья власть равна воле, по всей вероятности, одинаково прилагаемой ко всем, даже к личинке» [8, р. 62]. Однако позднее Кольридж откажется от своих взглядов, что, по словам поэта Т. де Квинси, стоило ему больших усилий, так как среди унитариев у него было много друзей (например, мистер Эслин из Бристоля, выдающийся священник), которым поэт был обязан за проявленную к нему доброту [8, р. 5]. Причиной расхождений были проблемы религиозного характера, о которых Кольридж неоднократно говорит в своих письмах.

Не выпадает религиозная тема из контекста жизни и эпистолярного творчества Китса, который в письме к Дж. Гамильтону Рейнольдсу от 9.04.1818г.

признается, что «из всего существующего для него имеют значение лишь Всевышний, Красота и память о великих людях» [10] и что «спастись можно только в великих утешениях религии, в беспорочных чувствах» [10]. Примечателен еще один факт, свидетельствующий о религиозности Китса: наличие его портрета на картине художника, художественного критика и лектора Б.Р. Хейдона «Вход Христа в Иерусалим», помещенного рядом с фигурой Вордсворта, (см. об этом январское письмо 1816 г. Вордсворта к Б.Р. Хейдону [10, р. 701-702]).

То, как авторы-романтики выражают в своих письмах индивидуальные соображения относительно религии и вопросов веры, сближает их письма с эссе, порой – с трактатом, а полемический пафос многих рассуждений, особенно характерный для Шелли и Саути, придает отдельным текстам сходство с проповедью.

Для переписки романтиков характерна резкая критика церковного устройства, по причине которой авторам писем часто приписывали антирелигиозность (особенно младшим романтикам). В письме к другу пастору Б. Бейли от 3.11.1817г. Китс искренне выражает свое негодование в адрес епископа Линкольнского, по вине которого адресат длительное время не получал обещанный ему церковный приход: «Мой дорогой Бейли, я еще не получил Ваше письмо, а уже слышал о Ваших невзгодах – неслыханное безобразие! Я рад, что Вам что-то помешало поговорить с епископом начистоту, – все ведь еще поправимо (я имею в виду приход). И, тем не менее, чувство гадливости так быстро пройти не может: представляю, как было отвратительно обнаружить в священном сане столь откровенные тиранию и наглость. Сильные мира сего вбили себе в голову, что они не могут связывать себя обязательствами в отношении своих подчиненных, но разве наглость вышестоящих к нижестоящим не отвратительнее наглости низших чинов к высшим?» [2, с. 128]. И далее без обиняков и экивоков Китс дерзко заявляет: «А теперь взгляните вниз на снующих под ногами прохвостов и дураков. Многие из них увенчаны митрой.

Не могу передать Вам, как я презираю человека, который обошелся с Вами дурно и нагло <...>» [2, с. 128].

Поэт возмущен расхождением идей, проповедуемых христианством, и действиями духовных лиц, поэтому, например, его письмо к брату Тому от 3-9.07.1818г. говорит скорее об антиклерикальной, чем об антирелигиозной позиции.

Вордсворт, также выступивший с критическими замечаниями в адрес Англиканской церкви, в письме к Р. П. Джиллису от 22.12.1814г. пишет, что в Британии «ничего не делается в отношении религиозного образования и толкования Священного Писания обычными людьми» [13, р. 618]. Против такого устройства церкви, при котором обогащалось высшее духовенство, выступал в своих письмах и Саути, который заявлял, что он верит в Бога вообще и не признает разделения религий, ведь по его мнению, оно рождает у людей чувство неприязни, в то время как религия должна проповедовать любовь и терпимость [15, р. 17, 31].

В эпистолярной прозе романтиков, кроме частого упоминания Бога, наблюдается широкое использование реминисценций и аллюзий из текстов Священного Писания. Эти библейские аллюзии позволяют авторам, особенно Шелли, Китсу, Кольриджу, в завуалированной форме передать подлинный смысл того или иного эпизода своей жизни или взгляда на мир в целом.

Итак, в эпистолярном творчестве английских романтиков отразилась их модель мира, в которой одно из ключевых мест занимают вопросы религиозно-философского характера, обращение к которым было обусловлено сложностью и противоречивостью самой романтической эпохи, потребностью обрести новую систему непреходящих ценностей бытия.

Интерпретация онтологической проблематики убеждает, что английские романтики были верующими людьми, однако воплощение высших начал бытия видели неодинаково. Шелли исповедовал пантеизм; Вордсворт, Саути, Кольридж, Байрон, Китс тяготели к разным ветвям христианства, нигде при

этом не являясь ортодоксами. Для Вордсворта было характерно соединение протестантизма с обожествлением природы; Байрона влекло католичество, в том числе и по причинам эстетическим; Саути и Кольридж выступали сторонниками христианского унитаризма, еретически отвергающего догмат о Св. Троице и наличие первородного греха. Потребность романтиков найти ответы на волнующие их вопросы бытия, выразить свои религиозные предпочтения, воссоздать главные вехи собственного духовного пути побуждала их прибегать к библейским аллюзиям, интертексту псалмов, евангельских заповедей и т. п.

Список использованных источников

1. Дьяконова Н. Я. Английский романтизм: проблемы эстетики / Н. Я. Дьяконова. – М.: Наука, 1978. – 208 с.
2. Ливергант А. Живейшее принятие впечатлений: письма Дж. Китса / А. Ливергант // Вопр. лит. – 2002. – № 5. – С. 103-166.
3. Неупокоева И. Г. Революционный романтизм Шелли / И. Г. Неупокоева. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – 471 с.
4. Рогова А. Г. Эпистолярное наследие Роберта Саути: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03 / А. Г. Рогова. – М.: РГБ, 2004. – 327 с.
5. Шелли П. Б. Письма; Статьи; Фрагменты / П. Б. Шелли; [пер. с англ. З. Е. Александровой]. – М.: Наука, 1972. – 534 с.
6. Butler M. *Romantics, Rebels and Reactionaries. English Literature and its Background 1760-1830.* – Oxford, 1981. – 328 p.
7. Calvert W. J. *Byron: Romantic paradox.* – Chapel Hill, 1935. – 235 p.
8. Coleridge S. T. *Unpublished letters from Samuel Taylor Coleridge to the Rev; John Prior Estlin* / S. T. Coleridge; communicated by H. A. Bright; digitized for Microsoft Corporation by the Internet Archive. – University of California Libraries, 2007. – 117 p.
9. Curry K. *Southey* // *The English Romantic Poets and Essayists. A Review of Research and Criticism* / ed. by C.W. Houtchens, L. H. Houtchens. New York, 1957. P. 158-187.
10. Keats J. *Original Manuscripts Of Poetry & Letters* [Электронный ресурс] / J. Keats. – Режим доступа: URL: <http://englishhistory.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана. (дата обращения: 02.09.2016).
11. *Letters from Italy. Volume II of the 1840 edition of Essays, letters from abroad, translations and fragments* / by P. B. Shelley; ed. by Mary Shelley [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www. – URL: <http://terpconnect.umd.edu/~djbs/shelley/letters/1840letter63.html> (дата обращения 12.02.2016 г.).
12. *Letters of S. T. Coleridge* / ed. by E.H. Coleridge. – Boston; New York, 1895. – 528 p.
13. *Letters of William and Dorothy Wordsworth, 1821-1830: in 3 vols* / [ed. by E. de Selincourt]. – Oxford, 1939. V. II. – 932 p.
14. *Lord Byron's letters and journals* / scanned, selected and ed. by J. D. Hoepper. URL: <http://jhoeppe@toltec.astate.edu/> – 15.02.1999 г. – Загл. с экрана (дата обращения: 02.09.2015).
15. *The Collected Letters of Robert Southey: Part 1: 1791-1797* [Электронный ресурс] / ed. by L. Pratt. – Режим доступа: www. – URL: <http://rc.umd.edu/editions/southey-let/> – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.09.2016).

ШЕДЕВРЫ МИРОВОЙ ЖИВОПИСИ В СОВРЕМЕННОЙ МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ

Дункевич Светлана Георгиевна

кандидат философских наук, доцент,

ГБОУ ДПО «КРИППО»;

Кураמיшина Юлия Владимировна

кандидат культурологии, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Массовая культура демонстрирует безграничные возможности к присвоению и эксплуатации образцов культурного наследия, манипулирования образами, исходя из собственных потребностей в увеличении аудитории и коммерческой выгоды. Легкость тиражирования ведет к трансформации восприятия и понимания классических произведений, которые в этой ситуации становятся элементом всеобщей развлекательности, шоу, лишаются аутентичных значений и смыслов, оставляя скрытой для неподготовленного зрителя специфику образного языка. С другой стороны, артефакты высокой культуры продолжают свое бытие в прежнем статусе: служат знаком элитарности, высокого качества и изысканного вкуса, демонстрируя непреходящую ценность, что, собственно, и привлекает к ним интерес деятелей массовой культуры.

Ключевые слова: живопись, массовая культура, культурное наследие.

Современная культура представляет собой пестрый конгломерат различных тенденций, направлений, культурных форм, в котором размываются границы между «высоким» и популярным искусством. При этом «классика» (образцы высокой культуры, обладающие непреходящей ценностью) сосуществует, а нередко и взаимодействует с новыми художественными формами, что обеспечивает, с одной стороны, «непрерывность и преемственность художественного процесса», с другой – «его обновляемость и адаптивность к меняющимся реалиям» [1, с. 379]. С одной стороны, включая в свое поле классические произведения, массовая культура способствует их переосмыслению, изменяет уровень эстетического воздействия и художественной ценности. С другой, глобальная информатизация и средства масс-медиа делают их доступными для широких масс потребителей. С этой

точки зрения представляется актуальным выявить особенности бытования произведений классического художественного наследия в современной массовой культуре.

Современная культура характеризуется как «массовая», что отражает не только количественные показатели порождаемых ей артефактов, но и ее ориентацию на невысокие запросы «человека массы» и усредненный уровень его духовных потребностей. По мнению Д. Крюкова, массовый человек характеризуется обманчивым ощущением своего превосходства, желанием воспроизводства уже освоенного, найденного, «герметизмом души». Поэтому произведения, ориентированные на его сознание, отличаются эскапизмом и выраженной формульностью построения. Элитарное же искусство, напротив, чуждо стандартизации, тиражированию опробованных приемов, всегда стремится выйти за рамки устоявшихся правил, требует «самопревышения» как от художника, так и от реципиента [Крюков]. В отличие от продукта массовой культуры, восприятие шедевров требует духовно-нравственных усилий, оно невозможно без сосредоточения, определенного набора знаний и личной заинтересованности. По словам А. Франса, «понимать совершенное произведение искусства – значит, в общем, заново создавать его в своем внутреннем мире».

В гуманитарных науках принято рассматривать массовую культуру как коммерческую, поскольку возникшие в ее лоне произведения искусства, науки, религии и других сфер человеческой деятельности выступают, прежде всего, в качестве предметов потребления, способных при продаже приносить прибыль. В статье Е. Тукбаевой «Достоинства и недостатки массовой культуры» [2] среди последних отмечаются низкое качество продукции, отсутствие или слабая моральная составляющая, искажение и подмена культурных ценностей, пропаганда доступных удовольствий и потребительского отношения к жизни, что в итоге ведет к «истощению творческого потенциала общества» и его деградации. К спорным достоинствам массовой культуры автор относит

практику тиражирования и использования в качестве основы произведений классического наследия, что не только повышает престиж самого «продукта», но и «способствует пробуждению интереса потребителей к оригиналу, знакомству с забытыми или ранее малоизвестными произведениями искусства» [2].

Определенные виды искусства изначально были рассчитаны на тиражирование: литье и штамповка, гравюра на дереве, офорт и литография, фотография и кино, чего нельзя сказать о живописи. Репродукция картины в иллюстрированном журнале или календаре отличается от самой картины: уникальность и постоянство спаяны в картине так же тесно, как мимолетность и повторимость в репродукции. Как отмечает В. Беньямин, «даже в самой совершенной репродукции отсутствует один момент: здесь и сейчас произведения искусства – его уникальное бытие в том месте, в котором оно находится. <...> Здесь и сейчас оригинала определяют понятие его подлинности» [3, с. 69]. Подлинность какой-либо вещи, ее «аура» – это все то, что вещь несет в себе с момента создания, «от своего материального возраста до исторической ценности». Тиражирование же лишает произведение «ауры», заменяет его уникальность массовостью, тогда как подлинность остается важной лишь в сфере коллекционного бизнеса (музейных и личных коллекций). С другой стороны, репродукция, более доступная воспринимающему субъекту, актуализирует само репродуцируемое произведение, становясь означающим оригинала.

Массовая культура и общество тотального потребления порождают ситуацию, в которой ценность произведения искусства определяется не столько его «аурой», сколько количеством проданных копий и образцов. Одним из типов копирования, помимо репродукции, является ремейк (от англ. «remake» – переделывать) – исправленный, переделанный или восстановленный вариант художественного произведения. В сфере изобразительного искусства ремейк может быть представлен через воссоздание классических произведений посредством новых технологий, например, в фотографии. Наиболее известным в

нашей стране стал фотопроjekt Е. Рождественской «Частная Коллекция» (стартовал в журнале «Караван истории» с 2000 г.). С помощью грима, костюмов и декораций автор воспроизводит шедевры мировой живописи, а медийные персоны перевоплощаются в героев картин великих мастеров прошлого. Канадский художник японского происхождения Джефф Хамада, автор проекта «Remake Project», впоследствии ставшего книгой с одноименным названием, также «оживил» в фотографиях сюжеты и образы известных картин великих мастеров – Эль Греко, Пикассо, Сальвадора Дали, Ренуара и многих других. Не менее интересен и проект московских фотографов А. Яковлева и Л. Алеевой «Left March», в работах которых пересечение происходит не только в области средств воплощения, но и самих классических произведений (например, «Любительница абсента» П. Пикассо и «Черный крест на красном овале» К. Малевича). Американский фотограф Ф. Фабрис и вовсе отказался от попыток дословного следования образцам и создал оригинальные версии известных картин эпохи Ренессанса при помощи работников автомастерской. В этом же направлении была представлена интересная рекламная кампания Mazda в Беларуси. Впечатляющий имиджевый проект получил название «Mazda-шедевр»: в мае 2005 года в Музее современного изобразительного искусства в Минске проходила выставка, на 2006 год был сделан календарь «Mazda-шедевр», в котором обыгрывались такие произведения, как «Неизвестная» И. Крамского, «Богатыри» В. Васнецова, «Купание красного коня» К. Петрова-Водкина, «Красная конница» К. Малевича, «Девочка на шаре» П. Пикассо и др. По словам креативного директора рекламного агентства Primary Saatchi & Saatchi Сергея Пилиповича, «поскольку Mazda славится множеством автомобильных шедевров, вполне уместной показалась мысль взять живописные шедевры и, поменяв местами очевидные вещи, совместить эти произведения художественного и инженерного искусства». Можно сказать, что ремейк является своеобразной формой перекодировки классического образца, в результате чего рождается повторяющее образец новое произведение.

К ремейку также может быть отнесено и такое направление в массовой культуре, как меш-ап, суть которого заключается в смешении нескольких произведений: в музыке – нескольких песен (наложение вокала одной на музыку другой), в художественной литературе и кино – знаковых классических произведений с подходами жанровой фантастики, в живописи – нескольких полотен и т.д. В изобразительном искусстве меш-ап также выражается через включение в пространство картины «посторонних элементов». В виртуальном пространстве (пока еще на уровне хулиганства) большое распространение получила практика «внедрения» в известные шедевры живописи интернет-мемов.

Популярного в интернет-среде «упоротого лиса» можно встретить на «полотнах» И. Шишкина («Утро в сосновом лесу»), И. Репина («Иван Грозный и его сын Иван»), В. Серова («Девочка с персиками»), Ф. Решетникова («Опять двойка») и многих других. Иногда, как в случае с популярным в настоящий момент Ждуном, вводимый объект также может являться произведением искусства. «Ждун» («Ожидающий») – необычная скульптура в виде милого «полуслона-полуличинки» М. ван Бриворт, созданная для выставки в Лейдене и получившая приз зрительских симпатий. Благодаря пользователям интернета, Ждун стал не только персонажем многочисленных коллажей и «фотожаб», но и героем картин классических и современных художников, внося элемент невозмутимого и недоуменного спокойствия. Не менее интересны с этой точки зрения и проекты украинского художника А. Кондакова «Мадонна в простынях» и «Повседневная жизнь богов», в которых фрагменты классических произведений XVIII–XIX вв., накладываясь на современный городской пейзаж, приобретают новые смыслы. В других случаях, когда мем апеллирует к определенному уровню включенности в культуру, им может стать и само произведение искусства. Так, лидерами среди произведений, наиболее часто встречающихся в данном качестве, являются «Джоконда» Леонардо да Винчи,

«Рождение Адама» Микеланджело Буонарроти, «Богатыри» В. Васнецова, «Бурлаки на Волге» И. Репина и др.

Повседневная культура адаптирует, точнее десакрализирует, высокое искусство и иным образом – в частности, через придание ему декоративно-прикладного характера. Произведения классического искусства глядят на нас с рекламных плакатов, дверных витражей, футболок, записных книжек и оберток от шоколада, и даже частей тела в виде татуировок. Интересной практикой является воссоздание известных произведений посредством «подручных» материалов: смайлов (Дебра Тепло), случайных мелких объектов, «мусора» (Джейн Перкинс), стаканчиков кофе с молоком (The Rocks Aroma Festival), продуктов питания от колбасы до мармелада (Вик Мюнис, Кристен Камингс и др.), конструктора Lego (Марко Пече, Эрик Харшбаргер) и прочего, а визажист из Калифорнии Лекси Лазиа, вдохновившись полотнами известных художников, разработала серию макияжей, повторяющих шедевры.

Более высокий уровень «работы» с классикой демонстрирует модная индустрия. Современные дизайнеры в стремлении повторить успех «мондриановской» коллекции И. Сен-Лорана активно эксплуатируют шедевры в своих моделях. Так, например, мотивы Северного Возрождения с полотен И. Босха позаимствовали Carven, Alexander McQueen и бренд гранжевых аксессуаров Dr. Martens, а дизайнера Гийома Анри впечатлил его триптих «Сад земных наслаждений». В коллекции весна-лето 2014 г. дизайнеры бренда Aquilano.Rimondi «перенесли» на одежду картины П. Гогена, ранее бренд успешно цитировал Г. Климта. Полотнам последнего в 2008 г. была посвящена весенняя коллекция Christian Dior by John Galiano. По словам Д. Гальяно, к картинам Климта его привела «дорога вдохновения». В 2013 г. немало споров вызвала «Византийская коллекция» модного дома Dolce & Gabbana, в которой были использованы византийские мозаики: Архангел Гавриил на тунике, лики святых на груди, мозаика с императором Константином на клатче, крест на каблуке.

Дальше всего в десакрализации уникальности произведения искусства пошла реклама, приспособив его к собственным нуждам, в лучшем случае, эксплуатируя авторитет вечных ценностей, ставших сегодня символом качества, долговечности, элитарности и роскоши. В худшем – не более чем упаковкой для объекта рекламы. Использование произведений классического искусства в рекламе широко распространено и имеет свое, вполне логичное, объяснение: шедевр используется для привлечения внимания – сначала срабатывает эффект узнавания, затем человек хочет узнать подлинный смысл рекламной картинки. Выделяют несколько способов бытования объектов высокого искусства в рекламном пространстве: иконическая референция (например, «Портрет с отрезанным ухом» В. Ван Гога и лекарство от шизофрении, его же «Спальня в Арле» на прайсе мебельного магазина, Витрувианский человек Леонардо в рекламе Volvo); индексальная причинно-следственная референция («Последний день Помпеи» К. Брюллова в рекламе страховых услуг), индексальная пространственно-временная референция (Витрувианский человек Леонардо в рекламе SPA-комплекса, который выполнен из «реликтового кедра, ровесника Микеланджело и Леонардо да Винчи»); символическая референция (например, «техника великого мастера» фен Vidal Sassoon полагается таким же предметом искусства, как и «Джоконда» Леонардо) и др. По мнению Е.В. Николаевой, «содержащиеся в произведении искусства референции не обязаны больше отсылать к какой-то определенной объективной характеристике рекламируемого объекта. Взамен утраченных коннотаций приходит ризомное, диссоциативное пересечение произведения искусства и социальной реальности настоящего момента. Мультипликационные «черепашки ниндзя», живущие в ньюйоркской канализации и не имеющие никакого отношения ни к живописи, ни к Италии, носят имена величайших художников эпохи Возрождения, а Бетховен из одноименного детского фильма (США, 1992, реж. Б. Ливант) оказывается собакой» [4].

Таким образом, становится очевидным, что массовая культура демонстрирует безграничные возможности к присвоению и эксплуатации образцов культурного наследия, манипулирования образами, исходя из собственных потребностей в увеличении аудитории и коммерческой выгоды. Легкость тиражирования ведет к трансформации восприятия и понимания классических произведений, которые в этой ситуации становятся элементом всеобщей развлекательности, шоу, лишаются аутентичных значений и смыслов, оставляя скрытой для неподготовленного зрителя специфику образного языка. С другой стороны, артефакты высокой культуры продолжают свое бытие в прежнем статусе: служат знаком элитарности, высокого качества и изысканного вкуса, демонстрируя непреходящую ценность, что, собственно, и привлекает к ним интерес деятелей массовой культуры.

Список использованных источников

1. *Шуб М. Л.* Классика в пространстве современной культуры: специфика восприятия и формы актуализации / М. Л. Шуб // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 5. – С. 378-382.
2. *Тукбаева Е.* Достоинства и недостатки массовой культуры [Электронный ресурс] / Е. Тукбаева. – Режим доступа: <http://www.proza.ru/2013/03/12/185> (14.03.2017)
3. *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости : Избранные эссе / Вальтер Беньямин. – М.: Медиум, 1996. – 239 с.
4. *Николаева Е. В.* Произведение высокого искусства в формате массовой культуры [Электронный ресурс] / Николаева Е. В. – Режим доступа: http://culturolog.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1452&Itemid=7 (14.03.2017).

ДЕСАКРАЛИЗАЦИЯ МИФОЛОГЕМЫ «АМЕРИКАНСКОЙ МЕЧТЫ»

В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ГОРА ВИДАЛА

Ермоленко Оксана Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения текстообразующего потенциала мифа, тогда как выявление интерпретативных особенностей историко-мифологического дискурса Гора Видала определяет его научную новизну. Цель исследования – раскрыть дискурсивную стратегию аннигиляции автора в романах «Саги о Золотом веке, 1776-1952». Объектом исследования являются основные романы Гора Видала «Саги о Золотом веке, 1776-1952». Методика исследования основана на типологическом методе.

Ключевые слова: мифологема, Гор Видал, историко-мифологический дискурс.

Тотальный пересмотр истории в современном обществе возродил механизм мифотворчества, а неомифологизм XX и XXI вв. «пытается преодолеть «кошмар истории» [5, с. 451], а многозначность термина «миф» усиливается введением в литературоведческий обиход понятия «современный миф», «размывающий представления о древнейшей мифологии» [6, с. 235]. Заметим, что в критические моменты общественно-политической жизни миф вновь обретает актуальность, именно в эпоху жестких социальных кризисов и острых политических потрясений возникает почва, на которой начинают активно возрождаться старые мифы и функционировать мифы новые. Этот тезис так же справедлив относительно «работы» мифов политических или их мифологем, когда не требуется введения новой информации, а становится возможным подключение к уже существующей в массовом сознании информации. В конце XX – начале XXI вв. речь идёт о политизации массового сознания, смене основополагающих политических мифов, борьбе конкурирующих мифологических систем: миф рассматривается современными учеными-философами, социологами, политологами как неотъемлемый элемент социальной и политической истории. Развенчание уже существующих мифов (демифологизация) и создание новых

становится достаточно популярным явлением современности — многие исследователи предпочитают деконструкцию, поскольку «развенчание мифов вошло в моду» [3, с. 31].

Для американской литературной традиции очевидно постоянное стремление отыскать некий национальный «первомиф», лежащий в основе всей американской литературы и духовной жизни США. К числу важнейших базовых мифов относится миф национальной идеи. Для американцев таковым является миф об «американской мечте» (the American dream), имеющий две ипостаси: материалистическую и моралистическую. Материалистический аспект американской мечты — вера в индивидуализм, независимость и опора на собственные силы, одобрительное отношение к конкуренции, стремлению к богатству и успеху. Суть моралистического аспекта американской мечты — вера в соблюдение христианского долга перед ближним, в равенство и демократию, в реформы и мораль. Мифологема «американской мечты» включает также идеалы свободы и равных возможностей, открывающих простор для реализации всех способностей человека, и считается важнейшим фактором американской политической мифологии, у истоков которой стояли «отцы-основатели» демократической системы США (Дж. Вашингтон, Б. Франклин, Т. Джефферсон др.). «Американская мечта» базируется на убеждённости американца в том, что он сумеет в своей стране обрести желанное счастье, успех, материальное благополучие. В историческом плане, правда, «американская мечта» открывалась способным и трудолюбивым гражданам США разными гранями: обнадёживала в периоды процветания и блекла в периоды спадов и депрессий. Героические мифы связаны с выдающимися фигурами американской истории (личностные мифы). К «легендарным» фигурам исследователи относят не только героев (Вашингтон, Джефферсон, Линкольн), но «героев»-злодеев (например, Р. Никсон) и «недалёких» деятелей американской истории и политики (Б. Картер). В литературе США критическая оценка феномена «американской мечты» нашла отражение, например, в романах Т. Драйзера,

Ф.С. Фицджеральда, Н. Мейлера. Личностные мифы об отцах-основателях американской демократии широко используются в творчестве Гора Видала. Демифологизация американской истории, переросшей в исторический миф, пересмотр ее традиционных версий, а также «развенчание» пресловутой американской мечты, её десакрализация – предмет художественного видения Г. Видала. В семи романах «Саги о Золотом веке, 1776-1952» автор рассматривает политическую историю США с ревизионистских позиций, полагая, что ни в какое время эти века не были для страны золотыми. Видал посвящает сагу переломным моментам в истории Америки, определившим, по мнению романиста, нынешний облик страны – «последней империи на Земле», будучи беспощадным как к американской политической элите, так и истории США в целом. Писатель находится в русле основных тенденций литературы второй половины XX в., для которой характерной чертой стала демифологизация.

Основная тема многочисленных произведений Г. Видала – несовпадение национальных идей и их воплощение в жизнь, когда завроженность мифом «американской мечты» стала национальным выражением мировосприятия всей буржуазной эпохи. Автор убедительно доказывает, что американская претенциозность относительно демократии – великое притворство, ибо Соединенные Штаты, по мнению Видала, были основаны на несправедливости, страна была задумана так, чтобы защищать собственность меньшинства, а сами создатели американской демократии всегда были склонны к меритократии. Любопытно, что Г. Видал говорит об этом не только в произведениях «Саги о Золотом веке», но и во многих публицистических работах («Двухпартийная система», «Размышления на тонущем корабле», «Святое семейство», «Вест Поинт» и т.д.).

Одним из романов «Саги о Золотом веке, 1776–1952» является роман, повествующий рождению американской нации и деятельности отцов-основателей США. Главным героем одноимённого романа Г. Видала «Бэрр» (1973) стал Аарон Бэрр. «Поколебать исторический миф, написать «правдивую»

историю» (А. Мулярчик) — основная задача, поставленная Видалом как в романе «Бэрр», так и других романах «Саги». В данном случае, правда, нужно сделать следующую оговорку: создание «правдивого» повествования автора ограничено рамками художественной правды и художественного вымысла, а наделённые максимально чертами реальных героев персонажи существуют в рамках вымышленной автором художественной реальности. На наш взгляд, автор романа расставляет собственные акценты в далеком американском прошлом, показывая его в совершенно неожиданном ракурсе, и обнажает далеко не лучшие качества исторических лиц и героев. Так, Дж. Вашингтон, герой американской революции, первый президент, предстает перед читателем в качестве бездарного генерала, не выигравшего в жизни ни одного сражения: «Нам было суждено невзлюбить друг друга, — вспоминал Бэрр, — Меня раздражал его медлительный ум, не говоря уже о его потрясающей способности терпеть поражения на поле боя. За три года он проиграл все сражения, выиграв лишь стычку под Трентоном, да и то случайно: гессенцы не выставили часовых в ночь атаки» [1, с. 109]. А. Бэрру Вашингтон вспоминался с мрачной улыбкой на лице, неизменной порошей пудры, ссыпавшейся с волос на *желто-голубой* мундир. Что же касается государственной деятельности Вашингтона, то, по словам Бэрра, большую часть своего президентства он проводил за придумыванием монограмм, моделей одежды, протоколов пышных церемониалов, в чём ему оказывал помощь верный Гамильтон. Очень скептичен в романе «Бэрр» главный герой и по отношению к Т. Джефферсону. Вашингтон интуитивно не доверял Бэрру, но повысил его в чине. Джефферсон же вырвал у него пост президента и предал суду. Многие черты Джефферсона в романе Видала также не соответствуют существующему мифу об отце американской демократии. Вспомним хотя бы приобретение «апостолом демократии» Луизианы весьма недемократическим образом. Видал говорит о лицемерии Джефферсона, его каверзости и криводушии, бесчестьи и ветрености. «В Гамильтоне есть что-то загадочное. О Джефферсоне этого не скажешь, тот

просто хотел достичь верхов. Странно, что сейчас Джефферсона считают гением, чуть ли не Леонардо из Вергинии. Действительно, он за всё хватался: и пиликал на скрипке, и строил дома, даже изобрёл лифты для подачи еды с кухни, но, по совести-то, он ведь ничего не умел — разве только добиваться власти» [1, с. 269], «он вечно ускользал, менялся, и так же уклончива была его политика». Обладая немалой долей политического коварства, Джефферсон умело устранял соперников. «Позднее я расскажу о том, как Джефферсон устроил надо мной суд по обвинению в государственной измене, сфабриковал доказательства, угрожал свидетелям — ибо, как говорил он, мы не победили бы в Революции, «если бы наши руки были бы скованы наручниками закона», и есть «особые случаи, когда законы бессильны и когда спасение лишь в твёрдой власти диктатора или военно-полевого суде» [1, с. 249]. В воспоминаниях Бэрра, а, следовательно, и автора, «масса Том» был первым защитником рабовладения и первым в истории США империалистом. Он никого из своих рабов не освобождал просто так. Однако иногда он разрешал рабам, нашедшим работу, откупаться. «Без них он не смог бы ... писать Декларацию независимости», — иронизирует Бэрр. Таким образом Гор Видал использует в романе дискурсивную стратегию аннигиляции, используемую современными политическими коммуникациями, — вербальное «уничтожение» политиков. В данном случае — аннигиляция «отцов-основателей», полное разрушение существовавших ранее в художественной литературе образов героев и формирование их отрицательного имиджа. Эта стратегия реализуется автором через тактику принижения (стилистическое снижение, лексические средства преуменьшения значимости, скопление отрицательно-оценочной лексики т.д.) и тактику отрицания (например, отрицаются «героические» заслуги исторических деятелей, известные факты их биографий). К примеру, в воспоминаниях о Дж. Вашингтоне Бэрр не упоминает ни одного положительного факта из его биографии. Напротив, всячески подчёркивает недостатки образования («генерал Вашингтон, однако, книг не читал» [1, с. 73]), отсутствие способностей к

военному делу, расточительность («хотя Вашингтону вечно не хватало денег, он жил на широкую ногу» [1, с. 73]. Гамильтон был завистлив, имел склонность в тайне читать дамские романы, а «его коварство поражало не меньше, чем блеск его ума» [1, с. 177].

Помимо упомянутых выше героев, в романе фигурируют президенты Адамс, Мэдисон, Монро, Джексон, генералы американской революционной армии, прокурор Соединённых Штатов Д. Хей, посол французской республики Женэ, писатели В. Ирвинг и Дж.Ф. Купер, публицист Ф. Френо и многие другие лица и деятели ранней американской истории, показанные автором также с позиции аннигиляции. Все они — типичные американские характеры, яркие личности, обладающие собственными представлениями о тех ценностях, на которых зиждется «авторитет» мифологемы «американской мечты». В итоге мы можем говорить о десакрализации мифологемы героя при смене дискурсивной ценностной парадигмы.

В числе существующих в массовом сознании современных мифологем, как замечает исследователь Г.Г. Почепцов [5], находятся семейные мифы и мифологемы. «Сага о Золотом веке, 1776–1952» Гора Видала — это не только историко-политическое произведение, но и семейная сага, повествующая о нескольких вымышленных поколениях американской семьи Сэнфордов. Движение повествовательного замысла саги раскрывает сущность историко-политической жизни американского государства и национального мировоззрения (мифологема «американской мечты»: мировоззрение собственника — эпгаризм — семейная мифологема — дискурс поколений). Ирония и сарказм наполняют повествование, ибо линия семьи Сэнфордов — жизнь нескольких светских поколений, изображаемых Видалом с пафосом изобличения американского золотого тельца, где чётко прослеживается читателем неприятие официальной «мифологии», закрепляющей имидж процветающей Америки на примере жизни поколения Сэнфордов. Очевидно, что мир денег, мир собственности (мифологемы материалистической ипостаси

мифа об американской мечте) выступают в романах саги практически как самостоятельные, изначально заданные, но не выписанные автором «герои»: они манипулируют всем и вся («деньги решают всё»), заставляют героев жить и действовать согласно их законам существования. С миром денег напрямую связана страна Эпгария и понятие «эпгаризм», которое Гор Видал вводит с помощью Ч. Скайлера буквально на первых страницах романа «1876», выдумавшего это «словечко» для обозначения социальной значимости. Духом эпгаризма была пропитана и семья Сэнфордов. Они представляли старые деньги и новую философию, квинтэссенция которой заключалась в мифе об американской «исключительности», кстати, столь актуально звучащим сегодня и широко эксплуатируемым американскими политическими элитами в период предвыборной кампании 2016 г., («мы — единственные в своём роде»), а также незыблемости власти денежного мешка. Сэнфорд не находил ничего плохого даже в разбое, если в результате прокладывались новые мили рельсов им или его предками, строчились тысячи джинсов и обжигался кирпич. Наблюдательный и ироничный мистер Скайлер (главный герой романов «Бэрр» и «1876») подозревал, что тот образ, который У. Сэнфорд решительно навязывает обществу, стоил ему немалых усилий: «ничто не могло помешать нам заполучить то, к чему мы стремились». Он всегда знал, когда надо встать из-за стола, чтобы прийти завтра и съесть новый полный обед. Он даже двигался с ловкостью хищника, каковым себя и считал (он был способен вцепляться в глотку кому угодно, следуя закону «сильный всегда пожирает слабого»), обладал необычной манерой речи — поразительной смесью утончённости с грубоватым простецким выговором и всегда играл какую-то роль: то неотёсанного человека из народа, «сотворившего себя самым отвратительным образом», то вдумчивого дарвиниста и социального историка. «Чёрт возьми, мы получили всё это, перерезая друг другу глотки и воруя всё, что не было намертво прибито. Мистер Скайлер, сильный всегда пожирает слабого, так устроен этот мир, и закон — это вещь, которую вы покупаете, если есть

возможность...» [2, с. 88]. Видаловский эпгаризм нарицателен. Писатель вполне определённо обозначает комплекс свойств, присущих человеку-собственнику, его психологию, философию, принципы взаимоотношений и миропонимание. Читатель понимает в итоге, что страна Эпгария — это не что иное, как Соединённые Штаты Америки.

Текстобразующий потенциал мифа расширяется широкой эксплуатацией современных мифов и мифологем, в частности, используется демифологизация и ремифологизация американской национальной мифологии. Гор Видал активно задействует базисные транснациональные исторические и политические мифы, создавая, тем самым, новую мифологию «видаловского варианта» историко-политического дискурса США.

Список использованных источников

1. *Видал Г.* Вице-президент Бэрр : роман : пер. с англ. / Г. Видал ; [послесл. Н. Н. Яковлева]. — М. : Прогресс, 1977. — 528 с.
2. *Видал Г.* 1876 : [роман] : [пер. с англ.] / Г. Видал ; [предисл. проф. Н. Н. Яковлева]. — М. : Прогресс, 1986. — 411 с.
3. *Гуггенбюль-Крейг А.* Наивные старцы : анализ современных мифов / А. Гуггенбюль-Крейг ; [пер. с нем. С. С. Панкова ; науч. ред. В. В. Зеленский]. — СПб. : Б.С.К., 1997. — 96 с.
4. *Новейший философский словарь* / сост. и главн. науч. ред. А. А. Грицанов. — 3-е изд., испр. — Минск : Книжный Дом, 2003. — 1280 с.
5. *Почепцов Г. Г.* Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. — М. : Рефл-бук, К. : Ваклер, 2002. — 704 с.
6. *Современное зарубежное литературоведение (страны Западной Европы и США) : концепции, школы, термины : энцикл. справ.* — М. : Интрада – ИНИОН, 1996. — 317 с.

ТЕРМИНОЛОГИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕРМИНОЛОГИИ МЕНЕДЖМЕНТА)

Зеленцова Милена Геннадьевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В данной статье анализируются фразеологические единицы терминологии менеджмента, их характерные черты и особенности при переходе в сферу терминологических единиц в результате калькирования в русском языке.

Ключевые слова: терминология, терминологизация, калькирование, фразеологическая единица.

Необходимость исследования фразеологических единиц, основой которых служат термины профессиональной речи, неоднократно подчеркивалась как отечественными, так и зарубежными лингвистами А. В. Кунин, В. В. Виноградов, Л. А. Булаховский, М. М. Шанский, Л. П. Смит и др. Однако по-прежнему многие вопросы остаются актуальными, например, установление фактов, открывающих путь терминосочетаниям в сферу фразеологии, а также прикладной вопрос о разграничении терминосочетаний и фразеологизмов.

Терминология, как система научных терминов, представляет собой подсистему внутри общей лексической системы языка. Между терминологией и общелитературным языком существует постоянный контакт. Вопрос о путях переосмысления терминосочетаний, превращающихся во фразеологизмы, остается не до конца разрешенным. По мнению Л. П. Смита «процесс возникновения фразеологических единиц профессиональных сфер происходит в ограниченной социальной среде» [6, с.33].

Каждое поле человеческой деятельности имеет свой язык для выражения своих понятий, которые представляют материальные или нематериальные объекты или действия, относящиеся к специфическим дисциплинам. Термины не создаются равномерно в каждом языке при терминологизации части его

лексики. Одни языки оказываются более приспособленными для терминологического словообразования, другие – менее, один народ профессионально глубже развивает некоторые отрасли знания, чем другой. Отсюда – более существенный вклад одних языков в формирование отдельных терминологий по сравнению с другими языками. Терминология менеджмента не стала исключением.

В эпоху больших языковых контактов в современном мире никакой другой язык не оказывает такого мощного влияния на другие, как английский. Богатство и неповторимость внутренней формы английского языка, использование его в качестве языка международной / межкультурной коммуникации, его способность выразить любую идею или понятие, его приоритетность в выражении концептосферы человеческой деятельности, обусловленная доминирующей ролью англоязычных стран (особенно США) как носителей научно-технического прогресса, подтверждают уникальный статус английского языка. Терминология менеджмента русского языка была заимствована из англо-американских источников в достаточно сложившемся виде.

Фразеологический фонд английского языка, а также и англоязычной терминологии менеджмента настолько велик, что полное его исследование не уместилось бы в рамки данной работы. Тем не менее, на примере рассмотренных в данной статье фразеологизмов можно отчетливо представить, насколько разнообразны по своей семантике и выразительности фразеологические единицы (далее – ФЕ) терминологии менеджмента. Как говорил А. В. Кунин: «фразеология – это сокровище языка», и фразеологизмы в языке являются богатством. ФЕ не только отражают культуру и быт того или иного языка, но и помогают сделать речь наиболее выразительной и эмоциональной. [2, с. 26–27].

Мнения лингвистов по ряду проблем фразеологии расходятся, и это вполне естественно. Тем не менее, важной задачей лингвистов, работающих в

области фразеологии, является объединение усилий и нахождение точек соприкосновения в интересах, как теории фразеологии, так и практики преподавания иностранных языков.

Фразеологизм нередко становится базой для образования новых фразеологизмов. Такой путь используют при образовании фразеологизмов на базе терминологических сочетаний. В результате того, что калькирование является доминирующим терминологическим приемом при формировании терминологии менеджмента в языках-реципиентах и по признаку «наличие метафоричности» оно может соотноситься с терминологизацией, различие которых сводится к различию между языком-источником и воспринимающим языком. Как процесс обогащения терминологического корпуса языка не только новыми единицами, а и новыми значениями, процесс терминологизации дает возможность лексической единице в акте вторичной номинации наполняться новым денотативно-сигнификативным смыслом.

Мы не ставили целью данной статьи рассмотреть кальки, сравнительно давно живущие в терминологии менеджмента, полностью освоенные, неотличимые от терминов семантического образования. Нас интересуют так называемые фразеологические кальки, в которых наблюдается перевод «по словам» иностранных устойчивых словосочетаний в языках-реципиентах. Материал, представленный в данной статье, основывается на анализе тематических и специализированных словарей, англо-русских, англо-украинских и англо-русских фразеологических словарей, указанных в библиографии.

Калькирование, или дословный перевод, предпочтителен обычно в тех случаях, когда другими приемами, в частности фразеологическими, нельзя передать ФЕ в целости ее семантико-стилистического и экспрессивно-эмоционального значения, а по тем или иным причинам желательно «довести до зрения» читателя образную основу. Предпосылкой для калькирования является достаточная мотивированность значения ФЕ значениями ее компонентов. То

есть калькирование возможно только тогда, когда дословный перевод может довести до читателя истинное содержание всего фразеологизма (а не значения составляющих его частей). Это осуществимо, во-первых, в отношении образных ФЕ, главным образом фразеологических единств, сохранивших достаточно свежей метафоричность (и истинных идиомах – фразеологических сращениях) – образная основа почти не воспринимается, и кальки с них кажутся бессмыслицами. Этим приемом можно, в-третьих, передать и некоторые устойчивые сравнения, но, только убедившись, что носитель языка-реципиента воспримет их правильно. К калькам прибегают и в таких случаях, когда «семантический эквивалент» отличается от исходной ФЕ по колориту, или при «оживлении» образа.

В русской терминологии менеджмента насчитывается большое количество иностранных заимствований, в основном из английского языка. Это делает их неким «вторичным» образованием, находящиеся в зависимости от англоязычной терминологии менеджмента. Несмотря на это в структуре терминологии менеджмента важнейшее место наряду со словами занимают словосочетания, так как тенденция научного познания такова, что научные понятия все более и более облекаются в форму словосочетаний. Они соответствуют тем фразеологизмам общелитературного языка, которые классифицируются как фразеологические единства и семантически аналогичны общелитературным фразеологизмам-сращениям. Как известно, сращения характеризуются максимальной семантической слитностью и выступают как названия единого, слитного, нерасчлененного понятия, так же, как слово. Различие между общелитературным фразеологизмом и термином-словосочетанием является лишь функциональным. По мнению В. В. Виноградова, «прямое логически оправданное отношение термина к обозначаемому им предмету или понятию создает неразрывность фразовой структуры, делает соответствующую словесную группу эквивалентом слова. Естественно, что многие из такого рода составных названий, переходя по закону функциональной семантики на другие

предметы, процессы и явления, однородные с прежними по функции, становятся не только неразрывными, но и вовсе немотивированными единицами [1, с.345–364].

Составные термины (в том числе и составные названия) – особая группа ФЕ, требующих в любом случае эквивалентов в принимающем языке. Однако, так как в них терминологическое начало преобладает над фразеологическим, приводим их здесь с той оговоркой, что они переводятся всегда эквивалентами, но не обязательно фразеологическими: многие составные термины в одном языке имеют однословные эквиваленты в другом.

Важным признаком терминов-словосочетаний – это семантическая целостность, которая проявляется в идиоматичности. Например: *finger in the mind* – откуда ветер дует; *face the music* – признавать поражение; *set things to right* – приводить в порядок, *not-for profit* – непроизводственный; государственный; *tit-for-tat* – стратегия «око за око» и др.

С другой стороны терминология менеджмента изобилует фразеологическими сочетаниями, где можно заменить одно из слов, и значение целого вытекает из значения слов: *set up in business* – начать дело, *get down to business* – взяться за дело, *get the sack* – быть уволенным с работы; *take over management* – вмешиваться в управление чего-нибудь; *carry out talks* – проводить переговоры; *play the market* – спекулировать на рынке; *pay a penalty* – платить штраф; *be due for a promotion* – ожидать повышения, *to meet the demand* – удовлетворять требованиям; *take on staff* – набрать новых сотрудников, *be in line for* – надеяться на повышение, *personnel on duty* – работники при исполнении служебных обязанностей. Среди фразеологических единиц можно встретить и фразеологические единства, где значение целого вытекает из значения частей, но слова заменять нельзя: *bring home the bacon* – преуспевать в каком-либо предприятии, добиться успеха, *go belly up* – обанкротиться; *make a killing* – сорвать куш, *free for all* – игра без правил.

Многие составные термины превращаются в фразеологические сращения». Например: *grey-collar* – *серые воротнички*, *dormant company* – *спящая компания*, *Death Valley* – «*долина смерти*»; *decision tree* – *дерево решений*, *gentlemen's agreement* – *джентльменское соглашение* и т.д.

Каждый язык имеет неповторимый план выражения и таким образом фиксирует национальный колорит языка. Из-за этого большая часть фразеологизмов не переводится на другие языки, например: *big hat but no cattle* (lots of pretensions but few results) – «много претензий, да мало результата» или возможно дать русский эквивалентный перевод как: *выше головы не прыгнешь*; *garbage in garbage out* – *ерунда на входе, ерунда на выходе*, *fits and starts* – *происходит что-либо нерегулярно*; *by the target* – *к установленному сроку*, *tailor the terms of the loan* – *приспособиться к условиям кредита*. Многие понятия менеджмента (имеющие идиоматический компонент), калькированные в русском языке в последнее время, еще не стали равноправными терминами в терминологии языка-реципиента. Это обусловлено тем, что явления и процессы, которые они эти слова (словосочетания) обозначают, недавно появились в управленческой среде и пока только закрепляются в терминологии. Отношения к ним управленческой науки языка-реципиента, на данный момент, только определяется.

Важной особенностью калькирования фразеологических терминов англоязычной терминологии менеджмента языком-реципиентом является возможность соединения интернационального и национального в термине. Кальки, приспособленные к терминологической системе национального языка, имеют внутреннюю форму для носителей русской терминологии и близки к терминам семантического образования. Так же они обладают необходимым признаком терминологического сочетания как однопонятийность, что отличает их от свободных словосочетаний с термином.

Очевидно, что без знания фразеологии невозможно оценить яркость и выразительность речи, понять шутку, игру слов, а иногда просто и смысл всего

высказывания. Поэтому мы должны признать существование фразеологизации терминосочетаний в терминологии менеджмента языка-реципиента. В свою очередь важную роль для понимания фразеологического значения таких единиц играет внутренняя форма ФЕ, под которой понимается ассоциативно-образный мотивирующий комплекс, организующий содержание в языке. Однако значение фразеологизма не выводимо из значений составляющих его компонентов, в результате часто фразеологизм является достоянием только одного языка (исключение составляют так называемые кальки). При этом, чем интенсивнее развивается та или иная отрасль знания, тем более бурно происходит в ней процесс становления новых понятий, категорий, величин и параллельный ему процесс создания новых единиц специальной лексики.

Список использованных источников

1. *Виноградов В. В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // академик А.А. Шахматов 1864-1920. – М.: Л.: Наука, 1947. – С.345–364.
2. *Кунин А. В.* Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высш. шк., 1986. – 396 с.
3. *Кунин А. В.* Основные понятия английской фразеологии как лингвистической дисциплины // в кн. Англо-русский фразеологический словарь, Изд. 3-е, книга II. М.-1967. С. 1233-1264.
4. *Кунин А. В.* Англо-русский фразеологический слова. Изд. 3-е. испр. в двух книгах. М., «Сов. Энциклопедия», 1967.
5. *Мэскалл Б.* Ключевые слова в бизнесе: Пособие по англ. яз./Б. Мэскалл; Русское предисл. Т.Б. Назаровой. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002.- 224 с.
6. *Смит Л. П.* Фразеология английского языка. / Перевод с английского А.Р.Игнатьева. – М., 1959.
7. *Англо-русский экономический словарь* / сост. И. Ф. Жданова. – М.: Рус. яз., 1998. – 880 с.
8. *Большой финансово-экономический словарь* / под ред. В. И. Осипова. – М.: Экзамен, 2002. – 1064 с.
9. *Лапоногова Н. А.* Языковые реалии американского бизнеса. – К.: Парламентское изд-во, 2004. – 224 с.
10. *Новый англо-русский тематический словарь* / под ред. В.И. Дубницкого. – Д.: Сталкер, 1999. – 592 с.
11. *Cowie A. P. & Vackin R.* Oxford Dictionary of phrasal verbs. – Oxford : Oxford University Press, 1993. – 517 p.
12. *Oxford Learner's Dictionary of English Idioms* / edited by Helen Warren. Oxford University Press, 1994. – 334 p.

**TERMINOLOGY OF PHRASEOLOGICAL UNITS
(BASED ON THE TERMINOLOGY MANAGEMENT)**

Summary. This purpose of this article is to analyze phraseological units of management terminology. Their peculiarities and specific features of moving into the sphere of terminological lexemes are examined in the Russian language by making a loan translation.

Key words: terminology, terminologization, loan translation, phraseological unit.

СИМВОЛИСТЫ О СИМВОЛЕ И СИМВОЛИЗМЕ

Карпенко Анна Владимировна

кандидат философских наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Настоящая работа принадлежит к разряду работ междисциплинарного характера, таких, которые рождаются на стыке разных наук, в тех зонах, в которых науки встречаются, ломая исторически сложившиеся между ними границы. Мы убеждены, что на нынешнем этапе развития науки о языке и культуре характерным становится не дальнейшее углубление вырытых в прошлом рвов между разными отраслями знания, а напротив, «наведение мостов» между ними. «Время разбрасывать камни, и время собирать камни». Это библейское изречение как никогда сегодня актуально, собирание камней происходит не только в мире науки, но и в сфере науки о языке и культуре. Данное исследование призвано обосновать доминирующее место символа в языке и культуре.

Ключевые слова: символизм, художественная культура, символ.

«Вселенная – лишь галерея символов, а поэзия – ... череда символов, представляющих уму, чтобы он смог постичь незримое». Т. Жюффруа

Обращение к проблеме символа в контексте современной лингвокультурной парадигмы связано с тем, что практически все предшествующие подходы к исследованию этого феномена игнорировали тот факт, что символ является несущим основанием художественной культуры. Следует отметить, что, хотя и разноплановые, исследования проблемы символа не создают целостной картины, обнаруживается отсутствие единого концептуального ядра в исследованиях. Нет еще и ответов на вопрос о значении и роли символа и символизма в языке и культуре. Результаты, достигнутые в различных отраслях знания, предоставляют нам ценный материал для лингвокультурологического осмысления концептов символа и символизма.

Основной общеметодологической базой исследования являются принципы объективности, историзма и целостности. Специфика предмета работы обусловила использование герменевтического, аксиологического и семиотического методов. Историко-философский подход использован при анализе закономерностей бытия символов на протяжении истории культуры.

Применение метода сравнительного анализа и использование культурологического подхода позволили выявить специфику функционирования символов в различных сферах культуры. В качестве методологической основы исследования символа как культурного явления послужила семиотическая концепция культуры. Это позволило осознать принципиальную важность концептов символа и символизма для развития языка и культуры.

Анализ концепта символа в художественной культуре позволяет яснее разобраться в процессах, происходящих в мировой культуре. Вычленение символа, как несущего основания, как доминанты художественной культуры продолжает работу лингвокультурологов в рамках символического освоения мира. На фоне всеобщей эволюции культуры символизм пережил несколько этапов, характеристики которых можно условно изобразить «положительными» и «отрицательными» значениями. «Положительное» значение – это подъем в развитии и расцвет символизма, где значительно возрастает его роль в переходные периоды развития культуры. «Отрицательное» – это факт того, что на данном этапе человек стремится к интерпретации.

В настоящее время дефиниции концепта символа уделяется особое внимание, поскольку ни одна семиотическая система не будет совершенной без его предварительного изучения. Анализируя этимологию концепта символа, следует обратить внимание на интересную особенность: многозначность слова позволяет соединить в себе противоположные семемы: соединять (от глагола сбрасывать в одно место) и разъединять (разломанная дощечка); таким образом, его части, хотя и разъединенные, составляют целостность. Что касается характеристики понятия символа, многие источники указывают на аллегория или эмблему как на ближайшие его виды. Символ, развиваясь, стягивал на себя и соединял в себе такие характеристики как аллегорическая, эмблематическая, знаковая, образная и т.д., которые сегодня мы определяем как сущность символа. Эти формы, отделившись от символа, в дальнейшем развились в самостоятельные формы образного выражения. Пройдя определенные этапы в

своем развитии, они образовали самостоятельные концепты. Но символическая компонента, в них сохранилась и, присутствуя в каждой, пронизывает их тело и становится их качеством. А благодаря значению символа как разъединенному, одновременно, соединенному, они стянули на себя, среди прочих, и символическую компоненту и могут быть представлены как символические формы. Герменевтический характер операций объяснения и истолкования дает нам новый оттенок значения символа (как мы уже упоминали, одновременно сталкивающего и разъединяющего на две части), а теперь еще и как «толкующего». Таким образом, символическая компонента сочленяет, соединяет, связует всю ткань семиозиса культуры и как одна из форм семиозиса одновременно несет в себе качество его разных форм и, таким образом, символ может быть представлен в качестве несущего основания культуры, вся ткань которой пронизана символами [2, с.6-10].

Специфика формы символического выражения состоит в том, что она представляет собой своеобразную диалектику знакового и образного начал. В наивысшем своем проявлении символическая форма совпадает с образностью, а в низшем — со знаковостью. Таким образом, символ в своем предельно завершенном виде может быть представлен как образ. А дихотомия знакового и образного обуславливает признаки условности и мотивированности символа. В символах обозначающее и обозначаемое, смысл и его выражение находятся во внутреннем соответствии и конкретном взаимопроникновении. Чтобы стать символом в культуре, знак должен превратиться в образ. Но вместе с тем, чтобы образ был символом, недостаточно только одной соразмерности наличных качеств образа и его смысла. Символ всегда одновременно с совпадением некоторых свойств образа и смысла содержит также независимые от того общего им обоим качества, которые этот образ однажды обозначал. Несмотря на то, что символ и знак способны представлять или замещать отличные от себя предметы и отношения, между ними существуют принципиальные отличия в способе, каким они репрезентируют замещаемый предмет. Знак это делает

произвольным путем и безразличным к замещаемому им предмету. Символ же представляет замещаемый им предмет путем структурного соответствия или аналогии с ним. Символический образ – это множество самых разнообразных смысловых возможностей и интерпретаций. Знак – это строго однозначное, предельно очерченное отношение. Проблема взаимосвязи образа и знака в символе – это проблема диалектического отношения субъективного и объективного, познавательного и коммуникативного, условного и мотивированного. Образная форма символического выражения – это наиболее адекватная форма представления в символе идеи. Таким образом, символ определяется как образно представленная идея или вид идеи, представленной образом. Он имеет структурный характер. В этой структуре символ – развернутый знак, не имеющий ничего общего с непосредственным содержанием тех единичностей, которые тут обозначаются; но эти различные и противостоящие друг другу единичности определены здесь общим принципом, который превращает их в цельность, определяющую образную направленность. Свойство символа выражать нечто иное, лежащее вне его, выходить за рамки эмпирически данного служит основой для символизации в культуре и в искусстве.

Сущность символа многогранна, поэтому исследование всегда шло во многих направлениях. Французские символисты конца 19 века, фундаторы этого литературно-художественного направления заложили принципы символистского движения и явились главными его апологетами. Таким образом, в современной лингвокультурологической литературе под символизмом принято понимать обоснование литературного творчества символистов.

Символ занимает особое место в истории культуры. Еще в конце 50-х годов прошлого века французские лингвокультурологи, изучая проблему символа и его роль в развитии языка и культуры, определили, что он является тем связующим звеном, медиумом, который указывает на прочную взаимосвязь всех областей в теории и искусстве истолкования текста, в интерпретации природы и

человека. У самых истоков изучения проблемы символа в языке и культуре стояли такие русские мыслители, как Вяч. Иванов, А. Белый, П. Флоренский, А.Ф. Лосев. А.Ф. Лосев обозначил проблему символа как наиважнейшую среди проблем лингвокультурологического характера. Его трактовка символа как туманного и непонятного для обычного человека привело к тому, что ученые [3, с.4] уже в течение многих лет проводят серьезные исследования по проблеме символа. Здесь следует упомянуть вклад С.С. Аверинцева, Ю.М. Лотмана, В.Н. Топорова и др. в разработку проблемы символа.

18 сентября 1886 года поэт Жан Мореа (Jean Moréas) публикует «Манифест Символизма» в литературном приложении газеты Фигаро. В «Манифесте символизма» говорится о том, что символистская поэзия – враг «объективного описания», и что для нее конкретные явления – лишь видимости, предназначенные обнаружить «эзотерическое сродство ... с изначальными идеями...». Автор утверждает, что, литература, как и все другие виды искусства, развивается циклично и, что каждая новая фаза эволюции в точности соответствует упадку уходящей школы или направления в искусстве. Таким образом, чтобы выявить преемственность новой школы, нужно обратиться к предшественникам – романтикам, натуралистам, уступившим свое место новому направлению в мировой художественной культуре [5, с.136-137]. Новое направление в литературе и в искусстве получило название символизм, как единственное, способное разумно обозначить современные тенденции творческого духа.

Шарля Бодлера можно считать настоящим, подлинным предтечей символистского движения, который еще в 1846 году говорил о надприродной поэтике, основанной на соответствиях [1, с.320-321]. Стефан Малларме открыл в новом движении ощущение таинственности и невыразимости. Он нашел в новом искусстве то, на чем сошлись спорящие это – искусство намека и внушения. Поль Верлен, сломавший жестокие преграды к свободному стиху, не достигшему еще наивысшего совершенства. А упорный и ревностный труд

привлекал все новых и новых поэтов. Именно символизм научил читать и понимать по-другому: отдавать предпочтение символической функции языка и, создавать из слов что-то отличное от знаков, специфический материал для особенного искусства, цельного и отныне непримиримого – символистской поэзии. Символисты утверждали что, символистская поэзия – враг наставлений, высокопарных фраз, ложной чувствительности, беспристрастного описания, она стремится облечь Идею в чувственную форму, которая не является самоцелью, но, служит выражению Идеи, сохраняя подчиненное положение. Идея, в свою очередь, не должна быть лишена роскошных одеяний внешних аналогий, так как главная черта символистского искусства состоит в том, чтобы никогда не доходить до представления Идеи-в-себе. Для ясного толкования своего синтеза символистскому движению нужен был первозданный и сложный язык, архетипичный стиль, чистые вокабулы, многозначительные излишества, таинственные эллипсы, неясный анаколупф, смелый, оригинальный и многозначный троп, и, наконец, хороший, правильный, богатый и элегантный французский язык Вожла, Франсуа Рабле и Вийона. Что касается стихотворного ритма, то это – старое воскрешенное стихосложение, искусно упорядоченный беспорядок, блистательный и чеканный стиль, александрийский стих с многочисленными и меняющимися остановками, использование определенных простых чисел – семь, девять, одиннадцать, тринадцать – преобразованных в различные ритмические комбинации, суммой которых они являются. Целью их творчества явилось преодоление оболочки видимого, внешнего мира, достижение и выражение сущности бытия.

Мэтр символизма, один из столпов-основателей, Эмиль Верхарн писал о том, что вряд ли кто отважится дать определение символизма, а он сам лишь может попытаться немного рассеять туман его окружающий [4, с.431]. Поль Валери отмечал, что уже само слово «символизм» – это энигма, загадка, обладающая нереальной глубиной. Символ – это бездна без конца и края» [5, р.XI]. Свою историческую задачу они видели в том, чтобы раскрыть природу

поэзии как символики истинных реальностей и природу слова как символа и средства реализации интуитивного познания. Целью их художественного творчества являлось преодоление оболочки видимого, внешнего мира, выявление и демонстрация сущности бытия. Символисты, отвергая отражательную природу искусства, утратили веру в образ, точнее, считали его крайне натурализованным. Поэты пытались овладеть новой символической энергией. В поисках средств выражения запредельного, сверхприродного, занебесного они и обратились к символам. Для поэта-символиста чувственные формы – только подобие, символ идеальной и более подлинной реальности. Символ здесь превращается не просто в средство, а в цель искусства. Символисты считали, что они творят «новый» мир, безотносительный к миру вокруг них. Соответственно, каждое художественное произведение, по их мнению, должно было быть символичным. По меткому выражению М.И. Цветаевой: «В жизни символиста все – символ. Не символов – нет».

Таким образом, следует подчеркнуть, что символизм стремился вернуть приоритет духовного над материальным, апеллируя к интуиции, воображению, к невыразимому – к силам, вдохновляющим сознание на борьбу против всемогущества материи. Поэт-символист пытался уловить неуловимое, его влекло то, что было скрыто за видимой реальностью, – мир фантастических, демонических, мифологических существ, мир сказки, область потустороннего, мистики и эзотеризма, а греза, видение и галлюцинация позволяли глубже проникнуть в царство незримого в бесконечных поисках истинной реальности.

Переживая эпохи расцвета и упадка, символ остается важнейшей составляющей языка и культуры и играет неизменно важную роль в жизни человеческого общества. Техника символического изображения, оперирование символическими смыслами – это устойчивая тенденция во всей культуре, то есть отличительной особенностью символов является их неизбежность и неустранимость из языка и культуры.

Список использованных источников

1. *Бодлер Шарль*. Об искусстве / Пер. с франц. Н. Столяровой и Л. Липман; Предисл. В. Левица; Послесл. В. Мильчиной. – М.: Искусство, 1986. – 422 с.
2. *Карпенко А. В.* Концепт символа в западноевропейской культуре конца XIX – начала XX веков (на материале текстов французской культуры): автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.04 / Карпенко Анна Владимировна. – 2004. – 21 с.
3. *Лосев А. Ф.* Проблема символа и реалистическое искусство. М., Искусство, 1976. – 367с.
4. *Поэзия французского символизма*. Лотреамон. Песни Мальдорора / Под ред. Г. К. Косикова. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 512с.
5. *Bertrand Marchal*. Lire le symbolisme. Dunod, Paris, 1993. – 210 p.

**BUSINESS ROLE-PLAYING AS A METHOD OF THE ACTIVE FOREIGN
LANGUAGE TEACHING IN A HIGHER EDUCATIONAL
ESTABLISHMENT IN MODERN CONDITIONS**

Кистерская Ольга Михайловна

преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Статья рассматривает некоторые теоретические вопросы деловой ролевой игры в современных условиях и возможности использования активного метода в практике преподавания иностранного языка в высшем учебном заведении. Автором даны рекомендации по успешному проведению деловой игры на уроке английского языка, сформулированы выводы относительно эффективности данного метода.

Ключевые слова: деловая игра, иностранный язык, метод активного обучения, обучающийся, коммуникация.

In recent years, there has been a sharp increase in the requirements for a foreign language level of knowledge by specialists in connection with the restructuring of the foreign economic enterprises activity system, the introduction of new cooperation forms. The social order of the society determines the goals of teaching foreign languages in a technical higher educational establishment [4, p. 11-34]. As the first priority, the task of a foreign language teaching as a means of communication dictates the need to learn the actual communication: formal-business, professionally-directed and unofficial-business every day communication. However, modern requirements cannot be fully realized without qualitative changes in teaching methods, and without developing methods for the effective assimilation of educational material. It is especially important to introduce active teaching methods into the learning process. One of the methods of active teaching for professionally directed communication is the educational business role-playing. A feature of it in foreign language classes in a technical university is that it always acts as a subsystem, i.e. it is a part of the model that imitates the general system of specialist's professional activities, since a foreign language is an auxiliary tool in the hands of a professional, and the level of possession

of it, although characterizing the degree of qualification, is not decisive in his/her activity as a specialist.

The development of theory and practice of business role-playing at the current stage of the professional training development methods in the university engages the following researchers: A. A. Verbitsky [1], S. A. Gabrusevich, G. A. Zorin [2], Yu. V. Geronimus [3], V. F. Komarov [5], Yu. D. Krasovskii [6], M. N. Krylova, O. N. Voroshilov [7], A. M. Smolkin [8], N. A. Solovyov, T. A. Makarenko [9] and others.

Business role-playing is a controlled system, as the procedure of the game is prepared and adjusted by a teacher. If the game is in the planned mode, the teacher may not interfere in the game relationship, but only observe and evaluate the students' gaming activities. But if the actions go beyond the plan, and the objectives of the lesson are not fulfilled, the teacher can correct the direction of the game and its emotional mood [10].

Active methods and new modern technologies allow to provide students with the necessary knowledge, skills and qualities, helping them to feel confident in an independent life, be able to adapt quickly to new conditions, find simple solutions to complex questions, setting forth their own thoughts and defending their point of view in a foreign language [11].

Business role-playing in the foreign language classes should be subordinated to the goals and tasks of qualified specialists training, developing, supplementing and improving their professional skills, which makes it necessary to develop the goals and objectives of the business role-playing in contact with the specialized chairs. When preparing for role-playing, the following methodological requirements should be observed:

- 1) correspondence to the instruction tasks, the game must be a logical continuation and completion of a specific theoretical topic, a kind of practical addition to it;

- 2) the maximum approximation of the game to real conditions, it must represent a certain novelty, a problem that requires solution for the players;

3) intellectual and emotional readiness of participants for the game and creation of an atmosphere of ease and search;

4) the content of the game must correspond to the training level of its participants;

5) careful preparation of educational and methodological documentation: the task of the game, the composition of participants, the conditions and rules of the game, instruction to the teacher, instruction to the participants in the game, the necessary information;

6) the choice of the object to simulate a professional situation, within the framework of which the game will be realized;

7) determining the game form: dispute, interview, press conference, etc .;

8) determination of the game purpose (for example, terminological vocabulary activation, the studied material generalization);

9) participants' roles and functions distribution;

10) options identification for potential solutions (the game progress programming);

11) the game stages definition with the necessary time allocation;

12) the necessary props presence.

The conduct of the business role-playing is preceded by the implementation of pre-text communication exercises, the conversation on the texts content, the evaluation of the texts content, the implementation of situational exercises. When talking on the text, it is advisable to involve more dialogue exercises, carefully select the necessary vocabulary, basic phrases. After distributing the roles and determining the location of the game, students compose a program of their actions first in their native language, then write them down in a notebook and learn in a foreign language.

As an example, a business role-playing is offered in English with students of the specialty "Agroengineering". Three students act as foreign specialists who came to the enterprise to implement proposals for the use of instruments in the shops (temperature and speed regulators, etc.). Other students are offered certain roles: a designer, an

integration group engineer, an economist, a shop manager. The communication situation: foreign students on the basis of the instruments technical characteristics, the experiences of their research in cloth-finishing production, present to the administration of the workshop their proposals for the introduction of specific types. In discussing the best option, economists of the implementation take part; they justify the developers' proposals. Engineers of the workshop make their proposals on possible options for the new devices introduction. The implementation team of the workshop and a group of foreign specialists exchange their proposals. Performing a common task for production, the development team and the shop administration have interests that do not match. Participants in the game must show a sufficiently high level of communicative competence knowledge, the components of which are objects of control:

- a linguistic component
- a sociolinguistic component
- a strategic component
- a discursive component
- a pragmatic component

Participants should show the ability to participate in the discussion, ask questions, argue objectively in case of disagreement, comment and evaluate the developers' proposals. Within the game, three types of communicative competence are checked: speaking, listening, and writing.

The game ends with a generalization of the teacher, an explanation and correction of the made mistakes. The use of business role-playing at the final stage of training showed that business role-playing is one of the most active forms of teaching students to speech communication in the language of their specialty.

Список использованных источников

1. *Вербицкий А.А.* Активное обучение в высшей школе: контекстный подход: метод. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 207 с.
2. *Габруевич С.А., Зорин Г.А.* От деловой игры – к профессиональному творчеству: учебно-метод. пособие. – Мн.: Университетское изд-во, 1989. – 125 с.

3. Геронимус Ю.В. Игра, модель, экономика. – М.:Знание, 1989.– 208 с.
4. Кислицына Н.Н., Храбскова Д.М., Новикова Е.А. «Асимметрия компетенций» при изучении иностранного языка для специальных целей // Современные тенденции формирования иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов (естественнонаучные специальности). Монография. – Симферополь: Антикава, 2017. – 276 с.
5. Комаров В.Ф. Управленческие имитационные игры. – Новосибирск: Наука; Сибирское отделение, 1989. – 272 с.
6. Красовский Ю.Д. Мир деловой игры. – М.:Экономика, 1989. – 175 с.
7. Крылова М.Н., Ворошилова О.Н. Деловая игра на практических занятиях по правоведению // Политика, государство и право. – 2014. – № 3 [Электронный ресурс]. URL: <http://politika.snauka.ru/2014/03/1426>.
8. Смолкин А.М. Методы активного обучения: научно-метод. пособие. – М.: Высшая школа, 1991. – 176 с.
9. Соловьева Н.А., Макаренко Т.А. Применение деловых игр со студентами педагогических специальностей // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2015. – Т. 19. – С. 191–195. – URL: <http://e-koncept.ru/2015/95211.htm>.
10. Ловчева Л. В. Деловая игра как один из активных игровых методов // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 23. – С. 42–46. – URL: <http://e-koncept.ru/2016/56389.htm>.
11. Склярченко А.В., Семёнова Д.И. Игровая деятельность как активный метод в обучении иностранному языку в вузе // В сборнике: Иностранная филология. Социальная и национальная вариативность языка и литературы. Материалы II Международного научного конгресса. Редактор Е.В. Полховская. 2017. – С. 428-432.

BUSINESS ROLE-PLAYING AS A METHOD OF THE ACTIVE FOREIGN LANGUAGE TEACHING IN A HIGHER EDUCATIONAL ESTABLISHMENT IN MODERN CONDITIONS

Summary. The article considers some theoretical issues of the business role-playing in modern conditions and the possibilities of using the active method in the practice of teaching a foreign language at a higher educational establishment. The author gives recommendations on the successful conduct of the business role-playing in the English language lesson and draws conclusions on the effectiveness of this method.

Key words: business role-playing, foreign language, active method of teaching, student, communication.

SLANG AND COCKNEY IN LITERATURE

Клюева Виолетта Геннадьевна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Работа посвящена изучению сленга и кокни в литературе. Особое внимание уделяется употреблению сленга в романе «Над пропастью во ржи» Дж. Д. Сэлинджера и кокни в пьесе «Пигмалион» Д. Б. Шоу. В статье рассматриваются различные типы происхождения и источников сленга и способы пополнения сленговых выражений.

Ключевые слова: сленг, кокни, фраза, рифмующийся сленг.

“Active study dictionary of English” defines slang as “the language that is not usually acceptable in serious speech or writing; very informal words and expressions, often used by a particular group”. We may add to this that it is frequently humorous in intent and represents a revolt against the restrictions of formal language combined with a desire for the new and startling. Slang originates in the effort of people to make the language more piquant and understandable, to add striking, vivid words, new metaphors and new shades of the meaning to describe changing attitudes and particularly to express a sardonic and cynical point of view. The maker of slang is not restrained by the requirements of either acceptable usage or good taste. He may let some characteristics of a thing stand for the thing itself. Thus a policeman becomes a flat-floor and a corpse, a stiff; clipped forms or abbreviations give us exam for examination, bus for omnibus, burger for hamburger and flu for influenza; striking and original combinations of old words give us renovated for divorced, blessed-event for the birth of a child and dame-dreaming for wasting time thinking about girls; the emergence of alteration of the cynical desire to give a derisive twist to a word or phrase in respectable usage has produced clamour girl for a demanding female and book-beater for a student.

The novel by J. D. Salinger “The Catcher in the Rye” is about an American teenager Holden Caulfield. Thus the style of the novel is the language of American

teens and their manners of expressing thoughts and feelings. Holden Caulfield's style is characteristic of all US younger generation's language of the 50s. First of all it is the colloquialism of this style which is achieved with the help of such devices:

1) Using words-parasites or phrases- parasites:

a) and all. E.g. how my parents were employed and all; they're nice and all; he's my brother and all; it was December and all; it's a pretty good book and all, etc.

b) or something, or anything. E.g. my whole god dam autobiography or anything; no gloves or anything; they didn't have a maid or anything; you were supposed to commit a suicide or something; took they away to a zoo or something; I oughta go down and say hello to her or something, etc.

c) sort of with adjectives or verbs. E.g. you felt sort of sorry to her; she was sort of deaf; I sort of brush my hair back; I was beginning to sort of hate him; I just sort of quit, etc.

d) this, these, those. E.g. he wrote this terrific book; right next to this crazy cannon; they had this headmaster; he had these very broad shoulders; one of those guy that wear those suits, etc.

2. Conversational repetitions as in the following instances:

what I was really hanging around for, I was trying to feel some kind of a good-by; what he did he started these undertaking parlors all over the country; so all we did, we just had a couple of hamburger, etc.

3. Grammar irregularities:

a) using the finite form of the verb instead of the gerund:

on account of I wasn't coming back; on account of it was Sunday;

b) using wrong forms of the verb: I'd woke him up; she's been laying here all night, etc.

c) using wrong forms of the personal pronoun: D.B. took Phoebe and I; kept telling Stradlater and I; I used play tennis with he and Mrs. Antolini.

d) breaking syntactic rules:

1. Various types of “illegal” elliptical patterns: some girls you practically never find out what’s the matter (instead of with some girls you practically never find out what’s the matter); except Alice had a cold (instead of except that Alice had a cold); I don’t like that type language (instead of I don’t like that type of language).

2. “double predicate”: I hardly didn’t even show it; I ain’t got no time for no liquor; nobody’s tryna chisel nobody.

3. Phonetic irregularities expressed in writing, for example: callin’, comin’, hurtin’, roughin’, cut’em, for’em, got’em, tell’em, etc.

4. Using slang expressions like:
to shoot the bull, to crew the rag, to chew the fat, to shoot the crap, to shoot the breeze; to give smb. a buzz; damn near (instead of almost); damn near sent the telegram; I damn near got my coat back , etc.

The second important thing about the language of American teens in the 50s which is shown in “The Catcher in the Rye” is emotionalism. It is expressed with the help of:

1. Epithets:

a) phony – phony bastard, phony smile, phony handshake, etc.

b) lousy – teeth, lousy manners, lousy childhood, lousy movie, he was lousy at writing compositions, etc.

c) terrific – terrific book, terrific friend, terrific guy, terrific sentence, terrific legs, she looked terrific, etc.

2. Desemanticised adjective old which defines people of any age:
old Ackley, old Haas, the little old goddam Governor’s son; I could shoot the old bull to old Spencer, etc.

3. Interjections: Boy! For example: boy, did I get in that house fast; boy, I know it, boy, I was excited, etc. For Crissake. For example: for Crissake grow up; I don’t know for Crissake, etc.

Another characteristic feature of the teens' language is the use of vulgarisms: emphatic epithets and rude words (goddam, booze hound, madman stuff, hell, ass, bastard, crumb – bum).

Now we are going to see the definition of the word “cockney” given by “Active study dictionary of English”: “ Cockney is a person from London, esp. one from the industrial area near the sea port (East End)”.

Traditionally, a cockney was anyone born within the sounds of the bells of St Mary-le-Bow Church, which is in Cheapside, East London. Today it is used more generally to describe anyone with a certain type of London accent. A particular feature of the colloquial cockney language is rhyming slang. Some people claim that rhyming slang came from criminals who used it to talk in public without being understood. But it is more likely that it was just a part of the general patter of traders and other people, who used it mainly for fun. Rhyming slang is made by replacing an English word with an often amusing two-term phrase. The phrase is not necessarily connected in the meaning with the word it substituting, but the last word of the phrase rhymes with it. For example daisy roots is rhyming slang for boots, dog'n'bone means telephone, bowl of water for daughter. The rhyming word of the phrase is often dropped, which makes it very hard to work out the meaning. For example, whistle and flute refers to a suit of clothes, but it is often abbreviated to whistle. Much of the slang has a reason behind it.

Apples and pears, for instance, which means stairs, dates from the time when people would store pears in the cellars of their houses and apples in their attics. So you would go up and down the stairs for your apples and pears.

It is also possible in rhyming slang to have more than one phrase referring to the same word. There are, for example, three ways in which London market traders in the early 19th century described flowers: yours and ours, April showers and early hours.

Some rhyming slang can even become part of ordinary everyday English. Plonk is slang for cheap wine, but it comes from the rhyming slang for facts, has also entered the vocabulary of everyday English.

Most of the slang today comes from the 19th century, but there are some 20th-century additions. They include Vera Lynn (gin), Bobby Moore (score), total wreck (cheque) and jam roll (dole). And, largely due to its use on the radio and television, cockney rhyming slang has become very well known. So it looks as if it's here to stay: dickey dirt – shirt; Hampstead heath – teeth; I suppose – nose; Mae West – chest; mince pies – eyes; North and south – mouth; plates of meat – feet; quaker oat – coat; round the houses – trousers; tea leaf – thief.

“Pygmalion” is the story of Eliza Doolittle, a young London woman with a very strong London accent and Professor Higgins, the man who decides to teach her to speak English without her accent. This is partly a story about the way the English think about people who speak their language with different accents.

Episode 3

Eliza. Aooooow! One would think you was my father!

Higgins. If I decide to teach you. I'll be worse than two fathers to you. Here.

Eliza. What's this for?

Higgins. To wipe your eyes. To wipe any part of your face that feels moist. Remember, that's your handkerchief; and that's your sleeve. And don't confuse the one with the other if you want to become a lady in a shop.

Mrs. Pearce. It's no use to talk to her like that, she doesn't understand you.

Eliza. Eh-eh...He gave that hand kerchief to me, to me not to you.

Pickering. Higgins, I'm interested. What about your boast that you could pass her off as a duchess at the Embassy ball? I'll say you're the greatest teacher alive if you can make that good. I'll bet you all the expenses of the experiment if you can do it. And I'll even pay for lessons.

Eliza. Oh, you're real good. Thank you, Captain.

Higgins. It's almost irresistible. She's so deliciously low – so horribly dirty.

Eliza. Aooow! I ain't dirty: I washed my face and hands before I come, I did.

Higgins. I'll take it! I'll make a duchess of this draggle-tailed guttersnipe!

Eliza. Ah-oh-ow!

As you can see in the episode before slang exists in literature.

Will slang displace the literary language from everyday life? Is the younger generation threatened with a vocabulary like Ellochka's from 12 chairs?

The real problem of slang lies in the fact that young people do not always know how to use it and they use it everywhere, often in the contexts that are not intended for it, for example, in communicating with older people. If young people know that their language is a passport, and each of us is assessed by the way we speak, then those who will strive for a normal life, and not a criminal one, they will strive for a literary language. There must be a clear understanding, intuition and delimitation of the spheres of use of certain means adequate to the speech situation. A cultural person today is one who has not only a literary language, but also is able to switch in different situations to other codes and languages.

References

1. *Словарь* активного усвоения лексики английского языка. – Москва: Русский язык, 1988. – 710с.
2. *Salinger J.D.* The Catcher in the Rye/J.D. Salinger. – Back Bay Books, 2001. – 277 p.
3. *Shaw G.B.* Pygmalion/ G.B. Shaw. – Harmondsworth: Penguin Books, 1978. – 356p.
4. *Simpson J., Ayto J.* Oxford Dictionary of modern slang /J. Simpson, J. Ayto. – Oxford : Oxford University Press, second edition, 2010. – 480p.
5. *Simpson J., Weiner E.* Oxford English Dictionary – In 20 v./J. Simpson, E. Weiner. – Clarendon Press, 1989.
6. *Spears R.* NTC's Dictionary of American Slang and Colloquial Expressions/R. Spears. – NTC Publishing Group, 2000. – 560 p.
7. *Winter E.H.* Learning to write [*second revised edition*] / E.H. Winter, Reed Smith. – Toronto: The Macmillan Company of Canada Limited, 1961. – 504p.

SLANG AND COCKNEY IN LITERATURE

Summary. The paper focuses on studying the use of slang and cockney in literature. Particular attention is paid to the usage of slang in the novel “The Catcher in the Rye” by J.D. Salinger and cockney in the play “Pygmalion” by G.B. Shaw. The article considers different types of the origin and sources of slang and the ways of replenishing of slang expressions.

Key words: slang, cockney, phrase, rhyming slang.

СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ПРИ АКТУАЛИЗАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Коваленко Сергей Петрович

старший преподаватель

ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет»

Аннотация. При переводе идиоматических выражений необходимо учитывать систему зависимостей чужого языка, формирующих механизмы их актуализации. В процессе речи возможны лексико-семантические трансформации фразеологической единицы, что может привести к появлению новой семантически оригинальной фразеологической единицы. Данные трансформации способствуют появлению различных идиоматических вариантов, которые, в конечном итоге, динамизируют текст и речевое взаимодействие.

Ключевые слова: фразеологическая единица, актуализация, идиоматическое выражение, прямое высказывание, речевая трансформация, композиционный смысл.

Исследование идиоматических выражений и явлений застывания речевых форм происходит на стыке лингвистики и анализа дискурса. Фразеологическая единица, впрочем, как и лексическая, должна находить свое дискурсивное расположение и сочетаться определенным образом с другими единицами, чтобы построить содержательно-логическую речевую цепочку.

Когда выражение употребляется в речи, или, когда его переводят, необходимо учитывать целый ряд механизмов и закономерностей, появление которых не является случайным. По убеждению многих лингвистов, говорящие запоминают слова и выражения не как изолированные единицы, а как элементы определенного контекста, который рассматривается и в узком, и в широком смысле. Поэтому, чтобы понять выражение и его перевод, иностранный говорящий должен открыть в чужом языке систему зависимостей, которую носители этого языка усвоили постепенно, с течением времени и овладели лингвистическими основами и механизмами благодаря употреблению его форм в речи, то есть во время их актуализации: «Все типы актуализации доказывают, что механизм семантической реализации лексической единицы зависит от микроконтекста, макроконтекста и факторов коммуникативно-ситуационного

порядка, которые действуют синхронно и в тесной взаимозависимости. Взаимодействие микро- и макротекста в качестве актуализирующих факторов особенно сложно в случае семантических трансформаций, так как способы подобного взаимодействия различны для частичной или полной трансформации» [1, с. 230].

Актуализация лексических единиц касается их семантической стороны, тогда как актуализация фразеологических единиц проявляется на уровне их формальной структуры, что расширяет возможности их индивидуализации в речи: частичная модификация их лексического состава, включение новых составляющих между элементами фразеологических единиц, замена того или иного элемента его синонимом или паронимом и тому подобное.

В процессе актуализации идиоматические выражения иногда подвергаются лексико-семантическим трансформациям, что приводит к так называемому явлению «разбавления» фразеологической единицы, означающее «модификации в устойчивом расположении, считающемся общеизвестным, но не в глобальном смысле – семантическом и прагматическом – исследуемой фразеологической единицы» [3, с. 339]. Синтаксическое разбавление – или формальное – сохраняет семантическую оригинальность фразеологической единицы, что позволяет ей существовать как единице. Семантическое разбавление влечет более глубокие изменения, что приводит к появлению новой единицы. В таком случае обе фразеологические единицы могут сосуществовать.

Употребление модифицированных выражений в речи доказывает тот факт, что фразеологическая единица является динамическим объектом. Это утверждение ставит под сомнение ее основные характеристики: фиксированность и устойчивость. Фиксированный и устойчивый характер фразеологических единиц часто ошибочно рассматривается как их наименее спорное свойство: «Les dictionnaires donnent souvent une forme canonique pour chaque locution alors que l'on peut rencontrer, pour certaines des variantes discursives à l'infini » [2, с. 332]. Явление дискурсивной трансформации выражений все

больше привлекает внимание многочисленных лингвистов, которые подчеркивают открытый характер исследуемой единицы и критикуют ученых, которые упорно защищают застывшую форму словарей, в то время, когда автор и читатель создают новые формы. В коммуникативном акте, последовательность, кажущаяся фиксированной, может трансформироваться говорящими в зависимости от потребностей коммуникации. Осуществляемая манипуляция порождает разнообразные варианты выражения. Существование вариантов подтверждает тенденцию присущую читателям рассматривать порядок, считавшийся жестким и устойчивым, как свободную последовательность. Подобные примеры особенно часто встречаются у авторов литературных сочинений и в средствах массовой информации. «Выражения – это привилегированное место для игры слов, которая приносят им обновление экспрессивными эффектами и иногда позволяет им избежать банальности. Модификация состоит в том, чтобы адаптировать выражение к ситуации замены по меньшей мере одного составляющего. Этот метод замены особенно часто встречается в аллюзиях (литературных, исторических, и т.д.)» [2, с. 333].

Варианты идиоматических выражений могут быть получены в результате замещения одного элемента другим, выражения его синонимом, квази-синонимами, принадлежащими к другим языковым регистрам, пара-синонимами (гипонимами или гиперонимами).

Среди преобразований идиоматических выражений, осуществляемых носителями языка, выделяются изменения внутри дистрибутивных классов. В таком случае термины имеют в компонентной семантике одну и ту же общую сему.

Другой тип изменения – это дистрибутивное изменение в открытых классах, среди которых присутствуют очень продуктивные выражения, имеющие форму сравнения.

Во время актуализации идиоматических выражений в речи встречаются примеры вариантов, полученные путем присоединения или расширения смыслового наполнения.

Двойная актуализация фразеологической единицы, т.е. ее двойное прочтение – прямой смысл и переносный, также позволяет создавать яркие стилевые эффекты. Большинство вариантов являются собственно дискурсивными фактами, и, вероятно, по этой причине, они часто отсутствуют в словарях.

Как в устной речи, так и в письменной идиоматические выражения употребляются в прямом высказывании, где их присутствие выделено сопутствующим текстом с помощью металингвистических подстановок. В прямом высказывании идиоматические выражения сопровождаются различными конструкциями, такими как: *en ce qui concerne, comme on le dit, si vous permettez l'expression, selon l'expression* и др. Данные конструкции, с одной стороны, подчеркивают их аспект повторения, их значимость как составных элементов речи а, с другой, передают высказывание говорящего, который направляет посредством «мета-высказывательной» рефлексивности понимание собеседником смысла выражения [4, с. 228], а также речевая установка говорящего относительно употребления идиоматических выражений. В последнем случае говорящий может показать свою нерешительность, свои сомнения или свое несогласие присоединиться к общему мнению, дистанцируясь таким образом от того, что он затрагивает или, наоборот, высказывает свою приверженность данному мнению. Если собеседник вынужден давать какую-либо интерпретацию, в таком случае выражения могут сопровождаться речевыми конструкциями: *littéralement, à la lettre, au sens propre*. Они могут быть включены в его не композиционный смысл, если они сопровождаются или вводятся речевыми конструкциями: *sans jeu de mots, sans malices*, или одновременно в композиционном и не композиционном смысле, когда говорится: *au sens propre et au sens figuré, au propre et au figuré*. Прямое

высказывание характеризует прежде всего устную речь, но оно может также быть представлено и в письме, в литературных произведениях, когда автор обозначает свое присутствие в тексте (автор-рассказчик) и обращается напрямую к своему читателю.

Многочисленные исследования доказывают утверждение, что «любая коммуникация – это место заключения сделки, где употребляемые термины и выражения непрерывно уточняются и адаптируются к ситуации изложения. Смысл выстраивается только в речевом взаимодействии, и идиоматические выражения не являются исключением» [4, с. 162], несмотря на убеждение, что они (выражения) являются «кристаллизованными», «давно сложившимися» единицами.

Список использованных источников

1. Хованская З. И. Стилистика французского языка: учеб. для ин-тов и фак. ин. яз. М.: Высшая школа, 1991. 396 с.
2. Bernet C. Sur quelques expressions du français populaire d'aujourd'hui et leurs variantes // Grammaires des fautes et français non conventionnel, Presses de l'École Normale Supérieure, 1992. P. 331-339.
3. Rey A. Phraséologie et pragmatique // Langages: La locution entre langue et usages. Éditions Fontenoy Saint Cloud, 1997. P. 333-347.
4. Rey. I. G. La Phraséologie du français. Presses Universitaire du MIRAIL, Université de Toulouse, Le Mirail, 2002. 268 p.

MODERN TRANSLATION APPROACHES IN ACTUALIZATION OF PHRASEOLOGICAL UNITS

Summary. During translation of idiomatic expressions it is necessary to consider the system of the foreign language's dependence, that forms mechanisms of their actualization. In the process of speech lexical and semantic transformations of phraseological units are possible, which can lead to appearance of a new semantically unique phraseological unit. These transformations contribute to the formation of different idiomatic variants, that ultimately, dynamize a text and voice interaction.

Key words: phraseological unit, actualization, idiomatic expression, direct statement, voice interaction, compositional sense.

ОСНОВНЫЕ ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ПОДВИДЫ ПРИЗЫВА И ФОРМЫ ЕГО ЭКСПЛИКАЦИИ

Козлова Алевтина Трофимовна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Статья посвящена исследованию функциональных подвидов побудительного прагматически ориентированного высказывания английского призыва с точки зрения изучения материального и функционального аспектов звуковой стороны языка, необходимых для решения проблем теоретического и прикладного характера, что обуславливается в лингвистическом плане проблематикой социофонетического и психофонетического направления. В ходе исследования были выявлены 6 функциональных подвидов призывов, определены доминирующие факторы, влияющие на отбор и комбинацию языковых средств адекватно ситуации общения. Исследована их рекуррентность в разных типах речи для достижения коммуникативной цели воздействия на слушателей, и, как следствие, корректировка их внелингвистической деятельности.

Ключевые слова: призыв, коммуникативная цель. Функциональный подвид, воздействие, внелингвистический.

Развитие средств массовой информации, усиливающееся влияние интернета способствовали формированию социального заказа на исследование проблем речевого воздействия. Подобный социальный заказ сформулирован общественными институтами, осуществляющими идеологическое воздействие на массовую аудиторию, одним из активных средств которого является призыв. Исследования речевого феномена в свете изучения материального и функционального аспектов звуковой стороны языка необходимы для ряда проблем теоретического и прикладного характера. Этим и обуславливается актуальность данного исследования. Она определяется как в социальном аспекте – необходимостью расширения арсенала средств речевого воздействия, так и в лингвистическом плане – проблематикой социофонетического и психофонетического направления. Подобный подход к изучению речевого акта способствует, так или иначе, созданию моделей речевого процесса, отображающих социальные факторы, влияющие на речевую коммуникацию.

В связи с этим целью статьи явилось выявление и описание разных функциональных подвидов призывов, их дифференцированного прагматически ориентированного воздействия. Здесь следует учитывать целый ряд факторов, влияющих на создание оптимальных возможностей восприятия и, таким образом, способствующих эффективности речевого сообщения.

К таким факторам относятся: функциональная предназначенность побуждения, способ его интерпретирования, ситуативная специфика, фактор адресата сообщения, социальное лицо отправителя данного сообщения. Последний фактор приобретает первостепенное значение, несмотря на то, что при прогнозировании устного высказывания интерпретатор ограничен жесткими рамками – необходимостью строить речевое действие в соответствии с целью и этическими ограничениями, руководствуясь коммуникативным намерением. Последний фактор выделяется как основной, предопределяющий отбор и комбинацию языковых средств адекватно ситуации общения.

Известно, что призыв, как и его функциональные подвиды, эксплицируется в публицистическом стиле речи, под которой понимают коммуникативные акты, когда дополнительная задача заключена в воздействии на информируемого с эстетическим использованием языковых средств. Для нее, как для синтетической, характерно сочетание более широкой лексики с точностью научной речи, эмоциональность художественной и насыщенность информацией деловой речи, богатство интонационных и просодических средств. Призывы могут быть различны по форме речевой реализации: устными и письменными. Призывы могут различаться и по способу контакта с аудиторией: прямым, подразумевающий обратную связь и опосредованный, имеющий в виду призывы, произносимые по радио, телевидению, в интернете и т.п. Такие призывы можно назвать аудиомедиаальными средствами воздействия, то есть зафиксированные в письменной форме, но предназначенные для воспроизведения устно и восприятия на слух.

Под призывом мы понимаем побудительное, прагматически ориентированное высказывание, относящееся к апеллятивному типу, реализующееся в публицистической речи, которое обладает своим интенционально-функциональным комплексом языковых средств, прежде всего синтаксических и просодических. Их иерархическая организация обуславливается целеустановкой для оптимализации процесса коммуникации.

Несмотря на общность прагматической направленности призыва нами было выявлено шесть его функциональных подвидов, различающихся по функциональной установке и отношением воли говорящего к действию: собственно призыв, призыв-лозунг, призыв-требование, призыв-воззвание, призыв-протест, призыв-вызов. Собственно призыв предполагает свободное решение воли адресата. Обычно призывы сформированы от имени большой общественной группы людей, и произносятся говорящим, обладающим большим авторитетом. Интерпретатор не только добивается воздействия на слушателя, но своими идеями он стремится как бы приблизить слушателя к себе, предлагая разделить его точку зрения для осуществления дальнейшего совместного действия, например: Let's get back into the class struggle! Ban the Klan and Nazis! Let us live to our responsibility and our human conscience! Let us see teachers are paid like the top people they are!

Призыв-требование относится к более категоричным видам призыва. Это обязывающая апелляция по категоричности и силе воли говорящего. В основном, призыв-требование обращен к оппоненту, противнику, врагу. Здесь предполагается необходимость преодоления сопротивления адресата., например: Prevent an arms race in space ! Defend democratic rights ! Sanctions now ! Don't let them sell out your gas industry!

Призыв-лозунг представляет собой кратко сформулированную программу действий, целей и задач. Он обычно обращен к конкретному большому количеству людей, объединенных общностью интересов, целей. Часто могут произноситься на съездах, фестивалях, спортивных олимпиадах и т. п,

зафиксированные главным образом в письменной форме в виде плакатов, транспарантов. Призывы-лозунги подразумевают авторитетного автора, апеллируют к свободному решению воли адресата. Например: For peace, friendship and solidarity! Peace in the world or the world in pieces! Peace to the people of the world!

Призыв-вызов имеет много общего с требованиями. Он обращен, главным образом, к недружественной аудитории, к идеологическому или классовому врагу, призывает к большому общественно значимому делу. В этих апелляциях отмечается повышенная степень заинтересованности говорящего в совершении действия, они относятся к обязывающим побуждениям. По форме призыв-вызов состоит из двух частей, противоположных в семантическом плане. Одна часть содержит вызов, другая – непосредственно призывает к действию. Например: Can't pay – won't pay! Less jobs – more strikes! United we stand, divided we fall!

Призыв-воззвание относится к будущему. Говорящий призывает к высоким, благородным, часто политическим целям, подразумевая отдаленную перспективу, исключая, однако, себя из участия в той деятельности, к которой призывает других, имеет в виду свободное решение воли реципиента. Например: Halt arms race to save human race! No task is more urgent, more noble and more humane, than uniting all efforts to achieve this lofty goal!

Призыв-протест относится к категоричным побуждениям. Являясь обязывающей апелляцией. В основном он реализуется в отрицательной форме или используются глаголы с отрицательными значениями, выражающими нежелание говорящего совершить действие. Протестуя против какой-либо идеи, говорящий призывает слушателей разделить его точку зрения. что обусловило бы, в конечном итоге, невыполнение вневлигвистической деятельности. Например: Stop the arms race! Stop acid rain! Down with military terrorism! No to star wars!

По рекуррентности все вышеперечисленные подвиды призывов располагаются в исследуемом материале следующим образом: собственно

призыв – 25,5%, призыв-требование – 22,4%, призыв-лозунг – 16,1%, призыв-вызов – 14%, призыв-протест – 13%, призыв-воззвание – 9%.

Однако необходимо заметить, что неидентичная функциональная установка данных подвидов призывов обуславливает употребление их в разных экстралингвистических условиях. Как показало исследование, в митинговой речи чаще всего произносятся предельно лаконичные призывы, такие как призыв-требования, призывы-протесты и собственно призывы, то есть так называемые «shoutable appeals «На съездах, собраниях, в парламенте, то есть в выступлениях перед большой аудиторией отдается предпочтение призывам-лозунгам, призывам-воззваниям, а также собственно призывами. В непубличном официальном типе речи преобладают вызовы, реже – собственно призывы. Мы пришли к выводам, что частотность употребления функциональных подвидов призывов достаточно вариативна в разных типах речи, за исключением собственно призыва, который проявляет высокую активность в любом исследованном типе речи.

Употребление функциональных подвидов призывов в разных типах речи

Тип речи:	Подвиды призывов:	Рекуррентность в %
М	Собственно призыв:	21
	Призыв-требование:	38,2
	Призыв-протест:	30,8
	Прочие виды:	10
НМ	Собственно призыв:	25
	Призыв-лозунг:	34,3
	Призыв-воззвание:	32,4
	Прочие виды:	8,3
НО	Собственно призыв:	42,4
	Призыв-вызов:	50
	Прочие виды:	7,6

Примечания: М – публичный митинговый тип речи, НМ – немитинговый публичный, НО – непубличный официальный

На основании проведенного исследования возможен вывод о том, что все языковые и неязыковые средства призывов объединяются единым комплексом характеристик, благодаря которому обуславливается достижение его главной коммуникативной цели воздействие на слушателей, и, как следствие, корректировка их внелингвистической деятельности.

Результаты работы могут способствовать дальнейшему изучению воздействия прагматически ориентированных высказываний, разработке вопросов коммуникативной компетенции, а также решению проблем анализа публицистического стиля речи.

Список использованных источников

1. Григорьев Е. И., Евтеев С. В. Просодический компонент в распознавании концепта иллокутивного действия. Вестник ТГУ. Выпуск 7 (135), 2014.
2. Блох М. Я. Публичная речь и ее просодический строй /М. Я. Блох, Е. Л. Фрейдина, М.: 2011, – 236с.
3. Дубовский Ю. А. Просодические контрасты в языке. Учебное пособие. – Симферополь, СГУ. 1983 – 92с.

THE MAIN FUNCTIONAL SUBTYPES OF AN ENGLISH APPEAL AND FORMS OF ITS EXPLICATION

Summary. This paper focuses on investigating the functional subtypes of incentive pragmatically oriented utterance – an English appeal. This phenomenon is studied in terms of material and functional peculiarities of sound aspect of a language, which help to solve a number of problems of both theoretical and applied character. This approach is stipulated by the problems of sociophonetic and psychophonetic tendency in linguistics now. In the course of study 6 functional subtypes of an English appeal have been identified. The dominant factors influencing the choice and combination of language means, adequate to the communicative situation, have been determined. The frequency of subtypes of an English appeal in various styles of speech has been investigated. Their communicative aim is to influence people and correct their extralinguistic activity.

Key words: appeal, communicative aim, functional subtype, influence, extralinguistic.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ВИКТОРИАНСКОГО МЮЗИК-ХОЛЛА В РОМАНЕ САРЫ УОТЕРС «TIPPING THE VELVET»

Кохан Ольга Николаевна

преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Мюзик-холл является неотъемлемой частью культурной жизни Викторианской Англии. Само понятие «мюзик-холл» или «варьете» означает развлекательный жанр, разновидность театра, популярного в 1850-1960 годах. Мюзик-холл пользовался невероятным успехом у публики различных сословий. Такая популярность объяснялась, прежде всего, его доступностью – изначально он был ориентирован на представителей рабочего класса и низших слоев викторианского общества. Позднее ряды любителей мюзик-холла пополнились более знатной публикой, включая королевскую семью.

Ключевые слова: викторианский стиль, мюзик-холл, Сара Уотерс.

Популярность мюзик-холл отражается в современной неовикторианской литературе. Во многих романах образ мюзик-холла функционирует как способ саморепрезентации героя. Так и в произведении Сары Уотерс «Tipping the velvet» мюзик-холл становится для главной героини не просто местом развлечения, а пространством неограниченной свободы, в котором появляется возможность для самовыражения.

Цель исследования заключается в рассмотрении особенностей викторианского мюзик-холла и его отражения в романе Сары Уотерс «Tipping the velvet».

Поставленная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- охарактеризовать понятие «викторианский мюзик-холл», обратившись к трудам историков культуры;
- выявить функции образа мюзик-холла в романе Сары Уотерс «Tipping the velvet» в его отношении к социальным реалиям эпохи и психологическому портрету главной героини романа.

Методика исследования основана на использовании интертекстуального метода, культурно-исторического метода, лингвокультурологического подхода.

Викторианский мюзик-холл – художественное пространство, которое славилось своим танцевальными и вокальными выступлениями, а также комедийными и драматическими постановками. В то же время, мюзик-холл являлся пространством свободы от социальных условностей, недоступной для викторианцев в условиях повседневной жизни. Как отмечает специалист по современной британской литературе Поваляева Н.С., скованные массой стереотипов и правил поведения, викторианцы в театре видели способ выйти за рамки собственного «я» и побыть кем-то еще или хотя бы посмотреть, как это делают другие. Побывав в театре, они могли видеть, что другая жизненная стратегия возможна, и то, что было табуировано в повседневной жизни, получало доступ на сцене и вызывало восторженные овации публики [2, с. 5].

Особенной популярностью у зрителей мюзик-холла пользовалось травести – театральное амплуа, в котором актеры изображают лиц противоположного пола. Трансгендерное переодевание актеров вызывало у публики особый восторг и, как утверждает Поваляева Н.С., травести «становились настоящими звездами, пользовались огромной популярностью и, что важно подчеркнуть, уважением» [2, с. 6]. Облачение в сценический костюм, который помогал на время сменить половую принадлежность, позволяло актерам вести себя раскрепощенно и ощущать полную свободу на сцене. И публика, и сам актер погружались в условную игровую ситуацию, в которых реальность их гендера полностью отчуждалась. Как отмечает Э. Нил в работе «(Neo-)Victorian Impersonations: Vesla Tilly and *Tipping the velvet*» (2011), мюзик-холл XIX века стал средой для воплощения фантазии и разрушения культурных норм, создания на сцене неслыханных по смелости сюжетов и возможности услышать откровенные голоса маргиналов, как например, трансвеститов. Сцена позволяла экспериментировать с маркерами классовой принадлежности, расы и пола, создавать бурную атмосферу беспорядка [5, с. 55].

А.М. Денцер, автор диссертационного исследования «Are you watching closely?» The representation of spectacular in neo-Victorian literature» (2013), говоря

о роли мюзик-холла в неовикторианской литературе, утверждает, что сцена предлагает главному герою другой мир – мир игры, в котором стираются границы и отменяются социальные правила. Здесь нет пределов для человеческого воображения. Мюзик-холл, как и другие развлекательные жанры, представляет собой микрокосм викторианского общества [3, с. 12].

Литературовед и автор книги «Music hall and modernity» (2004) Б. Фолк пишет о порочной стороне мюзик-холла и о несоблюдении в нем общественной морали и норм поведения. Фривольность была неотъемлемой частью мюзик-холла, в нем допускались непристойные песни и танцевальные номера [4, с. 12].

Многие критики считают постановки мюзик-холла «низовым» искусством, отмечают вульгарность артистов театра и плохой вкус его посетителей. Тем не менее, авторы неовикторианской прозы изображают его в своих произведениях, показывают атмосферу мюзик-холла с различных ракурсов и с его помощью открывают читателю внутренний мир своих героев.

В неовикторианском романе Сары Уотерс «Tipping the velvet» («Бархатные коготки») образ мюзик-холла играет одну из главных ролей. Практически на первых страницах романа появляется упоминание о мюзик-холле. Автор, начиная повествование о главной героине романа Нэнси Астли, говорит о ней, как о неприметной девушке, постоянно напевающей песни из мюзик-холла: «Unremarkable-looking girl..., and her lips continually moving to the words of some street-singer's or music-hall song» [6, с. 3]. Посещение мюзик-холла было главной страстью Нэнси, юной девушки из провинциального городка Уитстейбл, которая все дни напролет трудилась на благо семейного бизнеса, работая в устричном кафе вместе с семьей.

Страстная привязанность Нэнси к мюзик-холлу в начале романа представляется читателю типичным для того времени юношеским увлечением, способом отдохнуть и отвлечься от ежедневной рутины. Поскольку это было ее основное место для проведения досуга, девушка изучила детали театра до мелочей, знала все его краски и запахи: «... it had its own particular scent – the

scent, I know now, of music halls everywhere – the scent of wood and grease-paint and spilling beer, of gas and of tobacco and of hair-oil, all combined. It was a scent which as a girl I loved uncritically; later I heard it described, by theatre managers and artistes, as the smell of laughter, the very odour of applause» («оно имело особый запах, теперь мне известно, что все мюзик-холлы пахнут одинаково: запах дерева, грима, пива, газа, табака, масла для волос – всего вместе. Девушкой я любила этот запах безотчетно; позднее я узнала, как этот запах, как описывают менеджеры и артисты театра: аромат смеха, благоухание аплодисментов ») [6, с. 6].

В начале романа Нэнси Астли предстает перед читателями в роли обычного зрителя мюзик-холла – увлеченно наблюдая за яркими выступлениями артистов, она думает, что, таким как она, место в зрительном зале, а никак не на сцене. Именно так считают и критики: «Однако до определенного момента два мира – сказочный, далекий мир мюзик-холла и реальный мир приморского городка – в сознании Нэн существуют отдельно друг от друга» [1]. Мюзик-холл кажется девушке сказочной страной, местом, где можно забыть про серые будни и окунуться в атмосферу праздника и веселья. Она даже не представляет, что скрывается за красивой картинкой этой «сказки».

Переломный момент для Нэнси наступил во время выступления Китти Батлер – артистки-травести, юной леди, переодетой в мужской костюм: «Важно подчеркнуть, что до встречи с Китти Батлер Нэн была уже вполне «компетентным» зрителем мюзик-холла. Для героини Сары Уотерс экзистенциальным шоком стал не сам факт посещения театра, но выступление актрисы, играющей мужскую роль и особенно те чувства, которые связаны с этим выступлением» [1].

Впечатление от необычного номера, а еще больше – от девушки в мужском образе, выполняющей этот номер, было настолько сильным, что впоследствии изменило образ жизни Нэнси и ее отношение к самой себе. Уже первые эмоции Нэнси во время выступления Китти Батлер дают читателю понять, что эта

встреча не случайна: «... And in the centre of this there was a girl: a most marvellous girl – I knew it at once! – that I’ve ever seen... For all the fire of hot, hot hall made me shiver» («Я увидела девушку, самую удивительную, я поняла это с первого взгляда, которую я когда-либо видела...И несмотря на пекло в зале, меня бросило в дрожь») [6, с. 13-14].

«Именно театр и близкое знакомство с актрисой впервые наводят Нэн на размышления о сути такого феномена, как человеческая личность» [1]. Нэн открывается для самой себя с новой стороны. Она испытывает чувство любви, испытывает непреодолимое желание перемен и новой жизни. Окунувшись в театральную среду, Нэн понимает еще одну грань своей натуры – ей нравится выступать в мужском образе: «The truth was this: that whatever successes I might achieve as a girl they would nothing compared to the triumphs I should enjoy clad, however girlishly, as a boy. I had, in short, found my vacation» («Истина эта заключалась в следующем: как девушке мне никогда не достигнуть ошеломительного успеха, какой мне доступен как юноше, одетому немного по-женски. Одним словом, мне открылось мое призвание») [6, с. 140].

Нэнси была увлечена актерской профессией, в которой ее больше всего привлекал сам процесс игры, возможность перевоплотиться, побыть кем-то другим, и все это раскрепощало и доставляло ей удовольствие: «The pleasures of success, I suppose, are rather easy to understand; it was my new capacity for pleasure – for pleasure in performance, display and disguise, and in wearing of handsome suits, the singing of ribald songs – that shocked and thrilled me the most» («Удовольствие от успеха, полагаю, понять легко; меня больше поразило и захватило другое: я обнаружила в себе способность получать удовольствие от лицедейства, публичных выступлений, маскарада; мне нравилось носить красивую одежду, петь непристойные песни») [6, с. 144]. Выступления в роли травести в мюзик-холле пробудило в Нэнси страсть к публичной жизни, ее мужские костюмы становятся не только частью ее образа, но и ее жизни, к которой она стала относиться как игре, театральной постановке.

Викторианский мюзик-холл – явление уникальное по своей сути. С одной стороны, это часть культурного пространства, впечатляющая зрителей яркими постановками и зрелищными номерами. С другой стороны, это пространство свободы и легкости, место раскрепощенности и фривольности. В романе Сары Уотерс «*Tipping the velvet*» мюзик-холл открывает тайные и табуируемые стороны викторианского общества, а для главной героини романа – становится пространством самовыражения, местом обретения истинного призвания и проявления скрытых до сих пор граней собственного «я».

Список использованных источников

1. *Поваляева Н.С.* Мюзик-холл и другие – много букв и немного картинок [Электронный ресурс] // Livejournal.com. – 2012. – Режим доступа: <http://picaso.livejournal.com/689280.html> (дата обращения 12.03.2017).
2. *Поваляева Н.С.* Образ мюзик-холла в неовикторианском романе // Издательство «Четыре четверти». – Минск, 2015. – С. 100.
3. *Dentzer A.M.* «Are you watching closely?» The representation of spectacular in neo-Victorian literature. Dudelage, 2013. – P. 209.
4. *Faulk B.J.* Music hall and modernity: the late Victorian discovery of popular culture// Ohio University Press, 2004. – P. 244.
5. *Neal A.* (Neo-)Victorian impersonations: Vesla Tilly and *Tipping the velvet* // *Neo-Victorian studies* 4(1), 2011. – P. 55-76.
6. *Waters S.* *Tipping the velvet*. London. Virago, 1999. – P. 542.

ОСОБЕННОСТИ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ ЗАГОВОРНОГО ТЕКСТА (НА ВОСТОЧНОЕВРОПЕЙСКОМ МАТЕРИАЛЕ)

Кривенко Оксана Вячеславовна

кандидат филологических наук, ассистент;

Клюева Виолетта Геннадьевна

старший преподаватель;

Витковская Галина Вячеславовна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В статье рассмотрены основные особенности лингвистической поэтики восточноевропейского окказионально-обрядового фольклора, записанного кириллицей, т.е. украинского, русского, белорусского, болгарского. Это позволяет, с одной стороны, отойти от привычного контекста восточнославянского фольклора, с другой стороны, вписать восточнославянский фольклор в контекст восточноевропейского, а в перспективе – индоевропейского.

Ключевые слова: заговор, окказионально-обрядовый фольклор, образ, хронотоп, оним, нарратор, поэтика, протосюжет.

Вопрос географического определения региона Восточной Европы в настоящее время считается спорным. Территорию между Вислой и Доном вплоть до XVI века называли Европейской Сарматией [3, с. 128]. С.М. Соловьев под Восточной Европой понимал территорию между Балтийским, Белым, Черным, Каспийским морями и Уралом, включая бассейны Волги и Днепра [4, с. 389]. Согласно определению ООН, к Восточной Европе относятся Украина, Россия, Белоруссия, Болгария, Венгрия, Молдавия, Польша, Румыния, Словакия и Чехия. Американские источники [1, с. 199] причисляют к данному региону и страны Прибалтики. В политологии принято считать, что Восточная Европа образовалась после Второй мировой войны и к ней относятся те европейские страны, которые попали в сферу влияния СССР, т.е. Болгария, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Польша и ГДР. После распада Советского Союза восточноевропейскими стали называть и новообразованные страны Балтии. В

современных немецких источниках к Восточной Европе относят и балканские (Албания, Сербия, Словения, Черногория) и закавказские (Азербайджан, Армения, Грузия) государства. Руководствуясь географическим подходом, Восточную Европу отождествляют с Восточно-европейской равниной. В этом случае помимо Украины, Белоруссии, Польши и Прибалтики, к Восточной Европе можно отнести Финляндию, Болгарию и около 13% территории Казахстана. Таким образом, чёткого и общепринятого геополитического определения названного региона на данный момент не существует. В связи с этим возникает необходимость осуществления попытки выявить сходства и различия фольклора проживающих на указанных территориях этносов с целью определения некой восточноевропейской народнопоэтической общности.

Актуальность исследования обусловлена возрастающим интересом к кросс-культурным исследованиям фольклора восточноевропейского региона. Определение сходств между народнопоэтическими текстами близкорасположенных стран и активно взаимодействующих между собой этносов даёт возможность проследить функционально-тематическое разнообразие окказионального фольклора Восточной Европы и выявить через такое сопоставление новые аспекты в тех или иных жанрах фольклора. Подобных работ в настоящее время не найдено.

В качестве материала для исследования выбран восточноевропейский окказионально-обрядовый фольклор, записанный кириллицей, т. е. украинский, русский, белорусский, болгарский. Предполагается, что, в случае успешной попытки выявления функционально-тематической общности фольклора в обозначенной группе, данное исследование станет первым этапом в более глобальной и углубленной работе.

Целью исследования является выявление общих лингвопоэтических признаков в кириллических заговорных текстах различных народов Восточной Европы. Для достижения поставленной цели предполагается решить следующие задачи: исследовать специфическую лексику и поэтику заговорных текстов,

рассмотреть характерные образы, проследить особенности их функционирования.

Методика исследования основана на использовании комплекса взаимосвязанных подходов и средств, среди которых наиболее значимыми являются описательный, типологический, структурно-функциональный и сравнительно-исторический метод. Используются также общенаучные методы анализа, синтеза, систематизации.

Язык фольклора составляет особую проблему в контексте определения языка художественной литературы в связи с сильной прагматической составляющей народного устно-поэтического творчества, тесной связью его с культурно-исторической действительностью и бытом. Ещё более специфичным в этом плане является язык заговорного текста.

«Окказионально-обрядовый фольклор» [2, с. 40] имеет специфику, связанную с его особой ролью и умозрительной силой менять действительность согласно потребностям человека, поскольку для этого необходимо иметь возможность выйти за рамки этой действительности. Этим обусловлено особо трепетное отношение к текстам такого рода и, соответственно, к людям, знающим их в большом количестве, что нередко становится для них сферой профессиональной деятельности. Тем не менее, на современном этапе развития филологии становится возможным определить основополагающие черты обозначенного корпуса текстов, создающие им такую «репутацию».

Ключевым понятием в лингвопоэтическом анализе заговорного текста должен предстать «образ»: образ пространства-времени (хронотоп), образ-персонаж, образ-символ, образ нарратора в тексте.

Хронотоп заговорного текста сложно спутать с любым другим ввиду его очевидной «странности», явившейся результатом «остраннения как создания особого восприятия предмета, создания видения его, а не узнавания» [5, с. 107]. Этот эффект достигается, в первую очередь, лексическими средствами. Так,

например, создаются «пустой», «каменный», «красный» и другие «миры», в которых происходит действие.

Онимы как кумулятивные знаки этнической культуры представляют собой второй уровень остранный поэтики, благодаря которому существующие образы обретают новые функции, а привычные образы бывают «переодеты» соответственно потребностям современности.

Образы-символы являются, с одной стороны, наиболее «незыблемыми» в понимании заговорного текста, но в то же время зависящими от понимания «механизмов» трансформации действительности посредством особых слов.

Образ нарратора в тексте должен быть исследован интердисциплинарно в тесной связи, в первую очередь, с этнографическими и культурологическими данными, однако с опорой на лексику окказионально-обрядового произведения.

Говоря о поэтике восточноевропейского заговорного текста, невозможно не отметить известные большинству этносов региона протосюжеты («Сон Богородицы», «Сисиниева легенда»), мотивы (изгнание болезней, борьба со змееподобным существом, называние имени в качестве апомропей и т. д.). Примечательно, что у большинства этносов существуют табуированные названия нежелательных явлений и состояний (золотуха, рожа, чорна хвороба, крикси, одміна, трясовиці, стеклизна, уроци, жаба и др.).

Очевидно, что у всех народов, попавших в поле зрения в процессе работы над данным исследованием, наблюдаются тождественные представления о причинах и источниках дисгармонии между человеком и Вселенной, в результате чего сформировались практически одинаковые функционально-тематические группы заговоров (лечебные, любовные, промысловые, бытовые и т. д.). Благодаря этому, лингвистическая поэтика восточноевропейского кириллического заговорного текста может быть рассмотрена как минимум на четырех уровнях, каждый из которых может быть объяснен в результате анализа лексики. Таким образом, очевидно, что окказионально-обрядовый фольклор

указанного региона представляет собой некий массив, который целесообразно исследовать как некое целое ввиду тесного межкультурного взаимодействия.

Список использованных источников

1. *Все страны* и территории мира. Новый географический справочник ЦРУ / ред. К. Жвакин; пер. М. Леонович. – Москва : АСТ, 2009. – 768 с.
2. *Гунчик І. В.* Український магично-сакральний фольклор: структура тексту та особливості функціонування: монографія / І. В. Гунчик. – Львів : ЛНУ ім. Івана Франка, 2011. – 232 с.
3. *Меховский М.* Трактат о двух Сарматиях / М. Меховский. – Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1936 г. – 288 с.
4. *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Т.1 : История России с древнейших времен. – Москва : Голос, 1993. – 768 с.
5. *Шкловский В. Б.* Искусство как прием / В. Б. Шкловский // Поэтика: сборники по теории поэтического мастерства. – Петроград, 1919. – С. 101–114.

FEATURES OF LINGUISTIC POETICS SAGOVORNIKA TEXT (IN THE EASTERN EUROPEAN MATERIAL)

Summary. The main features of the linguistic poetics of the Eastern European Occasional-ritual folklore, written in Cyrillic, that is, Ukrainian, Russian, Belarusian, and Bulgarian are considered in the article. This allows us, on the one hand, to move away from the usual context of the East Slavic folklore, on the other hand, to include the East Slavic folklore in the context of the East European folklore, and in the long term in the context of the Indo-European one.

Key words: spell, the occasional-ritual folklore, image, chronotope, onym, narrator, poetics, proto-story.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО ИМИДЖА РЕСПУБЛИКИ КРЫМ

Кураמיшина Юлия Владимировна

кандидат культурологии, доцент;

Титянечко К.С.

обучающийся

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Каждый регион, будь это большая территория или маленькая местность, имеет свой образ, свои неповторимые черты и ассоциации, которые появляются в сознании человека при одном упоминании о нем. Это является неотъемлемой частью имиджа региона, формирование привлекательности которого, в условиях глобализации, становится ключевым направлением региональной политики. Зарубежный и российский опыт, который только формируется, свидетельствуют о том, что одним из ключевых факторов здесь становятся культурные и духовные ресурсы – историко-культурное наследие, этнографические особенности региона, творческий потенциал населения. Такая тенденция обуславливает необходимость конструирования нового подхода к созданию имиджа территорий, основанного на использовании культурных ресурсов территории как ключевого направления имиджеобразования. С этой точки зрения, не столько природные особенности, сколько культурное наследие Крыма, представленное множеством культур прошлого и современности, уникальными памятниками истории, традициями и обычаями, должно стать основой формирования его имиджа. Объектом исследования является имидж региона как культурологическая проблема. **Предмет** исследования – историко-культурная составляющая имиджа Республики Крым.

Ключевые слова: культурные и духовные ресурсы, историко-культурный имидж, Республика Крым.

Цель данного исследования – рассмотрение особенностей формирования историко-культурного имиджа Республики Крым.

Для достижения цели исследования были поставлены следующие *задачи*:

- раскрыть роль культуры в формировании имиджа региона;
- обозначить роль культурного туризма в создании историко-культурного имиджа Крыма;
- рассмотреть факторы, влияющие на брендируемость региона.

Научная новизна исследования состоит в рассмотрении историко-культурного имиджа Крыма и путей его формирования с учетом культурологической специфики.

В ходе работы были использованы такие базовые *методы научных исследований*, как анализ и синтез при работе с источниками, метод индукции, предполагающий сбор всех возможных и первоначально разрозненных фактов, их систематизацию, объединение, в результате чего получается некая общая картина явления. Данная методология позволила в наиболее общей форме исследовать феномен имиджа региона.

Термин «имидж» происходит от английского «image» (от латинского «imago») – «образ». Под имиджем обычно понимают представления, сложившиеся в индивидуальном и массовом сознании, о том или ином регионе под воздействием различных факторов: природных условий, истории, культуры, уровня социально-экономического развития, информации в СМИ, отзывов знакомых. Следует учитывать, что имидж региона не является постоянным, представления о нем могут меняться в ту или иную сторону.

Исследования имиджа территорий появились в последнее десятилетие XX века. Согласно концепции брендинга территорий Саймона Анхольта, современный бренд территории (региона, города) можно представить в форме шестиугольника, составными элементами которого являются: туризм, экспортные бренды, политика, бизнес и инвестиции, культура, человек. По мнению исследователя, искусство эффективного брендинга заключается в создании правильной стратегии самоидентификации.

Мировая практика свидетельствует о том, что именно культура, обладающая более долговременным и значимым потенциалом, нежели экономика, способна стать ключевым фактором развития регионов. По словам Анхольта, очень важно правильно «оценить культурный и туристический потенциал региона», а также предусмотреть, какой опыт получают люди после его посещения [1]. Очевидно, что Республика Крым обладает огромным

культурно-историческим ресурсом, который должен быть использован для формирования положительного имиджа полуострова и, как следствие, привлечения инвестиций и туристов. По данным Министерства курортов и туризма Республики Крым, на полуострове функционируют 16 государственных музеев, в фондах которых хранится около 800 тыс. экспонатов, и более 300 музеев, действующих на общественных началах. Общее же количество архитектурно-исторических и культурных памятников полуострова составляет около 11500 объектов, что является мощной базой для развития данного вида туризма [2, с. 69].

Создание правильного культурно-исторического имиджа Крыма неразрывно связано с развитием культурного туризма – самого популярного и массового направления в туристической сфере, направленного на изучение памятников истории, архитектуры, искусства, природных и этнических особенностей региона, современной жизни народа и т.д. Полноценное развитие в Крыму получают такие его разновидности, как этнографический (например, пос. Кроненталь – поселение этнических немцев, пос. Красное Село – болгарское селение, с. Чернополье – древний поселок греков), археологический (например, заповедник «Херсонес Таврический», Керченский историко-культурный заповедник), религиозный (в Крыму находятся святыни многих конфессий: православные храмы и монастыри, мусульманские мечети, караимские кенасы и др.), а также событийный (например, проводятся фестивали «Генуэзский шлем», «Театр. Чехов. Ялта», «Великое русское слово»), и другие типы культурного туризма [см.: 2; 3]. Государственная программа Российской Федерации «Развитие культуры и туризма» на 2013-2020 годы и Государственная программа развития курортов и туризма в Республике Крым на 2015-2017 годы призваны решить имеющиеся в отрасли проблемы (низкое качество услуг, неравномерность развития туристической инфраструктуры, сложности транспортной доступности, международные санкции и пр.) [2, с.70].

При правильной подаче информации любой объект может стать предметом интереса и фрагментом массовых представлений о регионе. Помочь в этом призвано новое бизнес-направление – «брендинг» («брендирование») – создание бренда и формирование имиджа, в том числе и территорий, в процессе чего специально выделяется и подчеркивается их уникальность. «Однако цель создания брендов территорий – это не только формирование позитивного и привлекательного образа региона или другого места. Это и стремление распространить этот образ в пространстве для получения максимальной пользы и выгоды для его жителей, поскольку бренд – это не просто торговый знак или территориальный символ. Это гармоничный симбиоз социально-культурной среды региона, его инфраструктуры, административного и бизнес-звена, инвестиционной привлекательности, аутентичной этнической культуры, наконец, памятников истории, привлекающих туристские потоки» [4, с. 3]. Среди факторов, влияющих на брендируемость региона, помимо экономических, выделяют и такие, которые имеют отношение к рекламе и PR: официальные символы региона (герб, флаг и гимн); архитектурно-мемориальные символы; словесные символы; региональные награды; выставочно-ярмарочная деятельность; фестивали, конкурсы, праздники, имеющие региональный или общероссийский характер; справочная информация о регионе; наличие «визитных карточек» региона – сайты в Интернете, рекламные и общественно-политические журналы, справочники, буклеты и т.д.; информирование о знаменитых людях, живших и работавших на благо региона, а также тех, кто живет и работает в регионе в настоящее время и т.д. [5]. Зачастую, именно уникальные объекты историко-культурного наследия становятся символами городов и стран (Великие пирамиды, Эйфелева башня, Храм Василия Блаженного, Ласточкино гнездо). С этой точки зрения представляется важным выявление новых объектов и достопримечательностей, которые могли бы заинтересовать туристов. Современное формирование уникального историко-культурного имиджа Республики Крым расширяет

привычные аспекты деятельности и требует вовлечения обширнейшего культурологического материала.

Крымский полуостров сочетает в себе природно-климатические, ландшафтные, исторические, этнические и конфессиональные особенности, включает культуры прошлого и современности. Формирование его положительного культурно-исторического имиджа требует междисциплинарного подхода и привлечения специалистов различного профиля (экономисты, маркетологи, историки, культурологи, политологи, предприниматели и др.). Сохранение, рациональное использование и популяризация культурного наследия должны стать приоритетными направлениями в развитии Крымского полуострова.

Список использованных источников

1. *Анхольт С.* Создание бренда страны / С. Анхольт // Бренд-менеджмент. – 2007. – № 1. – С. 50–52.
2. *Курамшина Ю. В.* Культурный туризм как фактор развития Крыма / Курамшина Ю.В.// Культура в фокусе научных парадигм: Материалы IV международной научно-практической конференции (Донецк, 6-7 апреля 2016) / научн. ред. Кравченко О.А., Каика Н.Е. – Донецк: ДонНУ, 2016. – Вып. 4. – С. 68-71.
3. *Самые важные события Крыма* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://krym-portal.ru/sobytiya/samie-vajnie-meropriyatiya-v-krimu-v-sentyabre-2016/>
4. *Наумов Д.Н.* Региональная идентичность как главный фактор формирования благоприятного бренда территории (на примере ХМАО –ЮГРЫ) [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2012. – № 5. – С. 1-8. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/regionalnaya-identichnost-kak-glavnyy-faktor-formirovaniya-blagopriyatnogo-brenda-territorii-na-primere-hmao-yugry>
5. *Шаталов Г.* [Электронный ресурс]: Образ, имидж, бренд и репутация региона – что это такое? // Региональный PR-портал «RegionPR.ru». – Режим доступа: <http://regionpr.ru/page122.html>.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ КОСТЮМ КАК ЭЛЕМЕНТ ЯЗЫКА КУЛЬТУРЫ (НА ПРИМЕРЕ БОЛГАРСКОГО ЖЕНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО КОСТЮМА)

Курьянова Ирина Александровна

кандидат философских наук, доцент;

Белякова С.В.

обучающаяся

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Вопросы культурной идентичности актуальны для современного состояния общества. Этничность, отношение к традициям и национальному костюму – становятся очевидным проявлением самосознания современного человека, живущего в поликультурном пространстве.

Ключевые слова: язык культуры, национальный костюм, этничность.

Все явления культуры есть системы знаков и символов. Знаковые системы культуры также именуются языками культуры, в которые входят: фольклор, традиции, этикет, предметы быта, виды искусства и народные ремёсла. Исследователь С. Махлина в работе «Семиотика культуры поведения» указывает: «Система языков, пронизывающих повседневную жизнь человека, включает в себя знаковость вещей, знаковость жилища, знаковость одежды, знаковость поведения, социальных институтов, профессий, техники и технологии, знаковость речи. Всё это языки культуры, непосредственно проявляющие себя в повседневности. Нередко эти языки культуры получают претворение в искусстве. В свою очередь искусство влияет на языки культуры» [4, с.1].

Национальный костюм, наряду с мифом, языком, обрядом, образует единую знаково-символическую систему. Вследствие того, что знак есть чувственно воспринимаемый, материальный, предмет, выступающий в процессе познания и общения в качестве представителя другого предмета и используемый

для получения информации о нём, то и народный костюм необходимо рассматривать в качестве знака, и даже как своеобразный код культуры. В качестве культурного кода костюм представляет собой систему записи, хранения и передачи информации. Актуальность исследования заключается в том, что национальный традиционный костюм, будучи важным элементом любой национальной культуры, выступает аккумулятором, способом трансляции культурной информации, подобно генетическому коду. «Без предания, без традиции, без преемственности культура невозможна» [1, с.117]. Народный костюм представляет мир духовных и смысложизненных ориентиров, благодаря своей способности аккумулировать традиции, социально-психологические установки, эстетические запросы людей, также как и быт и образ жизни, словом, культурно-историческую эпоху в целом в её основных значениях. В современном информационном пространстве человек черпает знания из многих источников, однако именно национальный костюм, выступая культурным кодом, передаёт значительный пласт информации, также как и в былые времена, и в наше время. Что касается Крымского поликультурного пространства, то именно здесь особо важную роль, в качестве носителя языка культуры, играет национальный костюм.

То, что национальный костюм в системе культуры выступает как определённого рода знаковая система, отмечалось такими исследователями как П. Богатырев, Т. Козлова, Ф. Пармон, Р. Степучев. Начало философско-культурологического подхода, ориентированного на осмысление общественной природы и ценности народного костюма было положено в классических трудах Р. Барта, Г. Гегеля, Г. Зиммеля, И. Канта, Г. Спенсера, Э. Тейлора, также в исследованиях таких современных учёных, как И. Григорьева, А. Демшина, К. Кантор, Ю. Лотман и др.

Цель исследования – рассмотреть символику национального костюма, на примере болгарского и проанализировать его в качестве элемента языка национальной культуры.

Поставленная цель предполагает решение следующих задач:

- определение понятия «язык культуры» и «культурный код»;
- рассмотреть национальный костюм как элемент языка культуры;
- описать болгарский национальный женский костюм и выявить его особенности как знаковой системы языка культуры.

Методика исследования основана на специфике культурологического анализа национального костюма как элемента языка культуры, предполагающего использование описательного метода, метода сравнительного анализа, обобщающего и культурно-исторического.

Человек живёт в пространстве культуры. Он создаёт культуру. Каждый элемент культуры несёт в себе определённое сообщение, что можно назвать знаком. Ю. М. Лотман утверждает, что знаки делятся на две группы: условные и изобразительные [3, с.8]. Каждый знак в культуре несёт важную историческую, предметную и ценностную, информацию, играет роль в коммуникативном и трансляционном процессе.

Одним из важнейших знаковых элементов культуры является национальный костюм. Он представляет собой интереснейший культурологический феномен, изучение символики которого способно пролить свет на жизненные реалии той или иной эпохи, менталитет, культуру и цивилизационные особенности общества.

Будучи материальным и одновременно нематериальным, частью духовного и культурного наследия, национальный костюм несёт глубокий смысл, заключённый в знаках, символах костюма. В нём отражены наиболее важные черты народного сознания, его религиозные представления, социальные, нравственные, этические идеалы. Знаковые функции костюма, его семантический статус должны быть понятны и верно прочитаны как самим носителем, так и человеком, существующим в данной традиции.

Как верно указывают исследователи Галкина Т. и Третьякова Т. в работе «Влияние истории и культуры на формирование костюма»: «что в зависимости

от функциональных характеристик и других критериев, одежда продолжала в течение веков подразделяться по полу и возрасту, была повседневной и праздничной, отличалась по типу, общему стилю и характеру украшений. Выступая знаком половозрастного и семейного статуса, традиционный костюм опосредованно связывал человека с природой. Он служил своего рода границей между телом (микрокосмосом) и миром (макрокосмосом)» [2].

Национальный костюм – предмет творчества человека, его созидательной энергии, поэтому костюм, как феномен культуры несёт высокую духовную содержательную ценность. Костюм содержит всеобъемлющую информацию, заключённую в знаках и символах, сообщая посредством используемых материалов, кроя, цвета тканей, элементов декора о возрасте, половой и этнической принадлежности индивида, о месте его проживания, социальном статусе, профессии и о многом другом. Национальная одежда может многое рассказать об эпохе, в которую была создана. Многозначность одежды представляет собой широкое исследовательское поле, в котором особый интерес вызывает этнический костюм.

Для исследования символики костюма, как феномена языка культуры, нам интересен болгарский национальный костюм. Этот костюм сложен по своей структуре, так как он содержит множество элементов. Каждый из них является символом, содержащим информацию о национальных особенностях этого народа. Как пишет исследователь болгарской народной одежды Ганева Р., для национальной одежды характерна высокая степень знаковой интегрированности, когда отдельные элементы костюма, их цвет, орнамент составляют единый язык, способный детально и безошибочно выразить разнообразные социальные послания.

Исследователи отмечают, что болгары – народ малоразговорчивый. Они сводят к минимуму свой вербальный язык, а его роль принимает на себя изобразительный язык, являющийся гораздо более воздействующим и доступным. Возможно, именно поэтому, национальный костюм этого народа

столь насыщен красками и включает в себя множество элементов.

Болгарский народный костюм исключительно богат и живописен. Как и многие другие национальные костюмы, он является продуктом географии и истории Болгарии. Болгарию можно назвать своеобразным диалоговым пространством, местом разных культур и разных эпох. На её территории свой след оставили различные племена и народы – фракийцы, древние болгары, славяне, половцы, авары, татары, почти два века здесь жили римляне, затем побывали крестоносцы. Каждое племя и народ приходили сюда со своими традициями, всё это консолидировалось к X веку и сказалось на богатстве болгарского традиционного костюма», – считает этнограф Ганка Михайлова.

«Главным элементом, основой болгарского костюма служила рубаха (риза), которая надевалась непосредственно на тело. В традиционных представлениях болгар и, более широко, в странах Юго-Восточной Европы нательной рубахе приписывалось обладание сверхъестественной силой, а сама она рассматривалась как неотъемлемая часть тела, вторая кожа» [5, с.154.]. Рубаха была обязательным ритуальным элементом крещения, свадьбы, погребения. Особой сакральной силой обладала рубаха девушки-невесты и молодой замужней женщины. Эти вещи обязательно изготавливались в семье, а поднесение рубахи в подарок означало установление родства. Существовали очень строгие правила изготовления рубахи. Устойчивое сохранение туникообразной формы фиксируется ещё с античного времени. Регламентировался не только конструктивный раскрой, но и сроки начала работы, приёмы технологии. Основные цвета, преимущественно используемые в традиционном костюме – белый, красный, чёрный – выражали идею отождествления человека со вселенной. Чёрный и белый цвета символизировали священный брак земли и неба, соединение женского и мужского начал. Оппозиция красного и чёрного выражала неразрывность хтонических сил и плодородия.

Основным элементом женского национального костюма является

«сукман». Это наиболее распространённый тип платья в Центральной Болгарии. Он представляет собой сарафан, который носили как с рукавами, так и без них. Декорирован «сукман» традиционной болгарской тесьмой и вышивкой в виде цветов и различных узоров. Изюминкой «сукмана» является яркий передник, который на фоне темного сарафана смотрится выразительно.

Вторая разновидность женского костюма – «сайа», она состоит из сорочки с длинным прямым или складчатым рукавом и юбки. Основные цвета костюма «сайа»: чёрный, белый и синий, добавляющий элементы водной стихии. На «сайа», так же, как и на «сукманах» носили расшитые передники.

Интересным элементом костюма является вышивка. Вышивка всегда ритмична. На юбках, по краю рукавов располагается в виде замкнутого круга, символизируя, таким образом, круговорот жизни, циклы. На орнаментах вышивали петухов, являющихся символом мужской потенции. Изображение переплетающихся змей – символ демонического мира, носителя плодоносящей силы, поэтому их вышивали на женских рубахах. У болгар было особое отношение к павлину, что отразилось во включении его перьев в костюм. Это птица, которая очень хорошо плодится и каждый раз, когда она плодится, меняется её оперение. Поэтому с помолвки до конца детородного возраста женщины украшали себя павлиньими перьями. Следует упомянуть и человеческие фигуры на вышивках. Их вышивали в соответствии со структурой семьи: мужская фигура, женская, а затем маленькие ромбики – детки. И так до бесконечности, т.е. чтобы никогда не прекращался круговорот жизни.

Рассмотрев символику традиционного болгарского национального костюма и проанализировав его в качестве элемента языка культуры, было выявлено, что болгарский народный костюм исключительно богат и живописен и является продуктом географии и истории Болгарии. Этот костюм сложен по своей структуре, так как он содержит множество элементов. Каждый из них является символом, содержащим информацию о национальных особенностях этого народа, малоразговорчивого, но склонного к философствованию.

Значимым элементом костюма является вышивка. На юбках, по краю рукавов она располагается в виде замкнутого круга, символизируя, таким образом, круговорот жизни, циклы.

Являясь частью культурного пространства человека, костюм отражает изменения в его существовании. Национальный костюм можно рассматривать как «открытое произведение», в котором отсутствует жёсткая фиксация структурирующих компонентов (композиции, сюжета, состава), в связи с этим, он может варьироваться при воспроизведении. В этом состоит новый тип межкультурной коммуникации, порожденный массовой культурой и глобализационными процессами.

Более того в современном информационном, глобализирующем пространстве, прослеживается новый виток интереса к народному костюму. Современные дизайнеры и модельеры в наше время довольно часто включают компоненту национального костюма в дизайн одежды. Глубина смыслов, знаковое разнообразие в элементах одежды, снова становится востребованной в наши дни. Подобно путешествию во времени, мода, сочетает этно-мотивы и современные тенденции. Поэтому этнический стиль один из многих, который никогда не потеряет своей актуальности.

Список использованных источников

1. *Бердяев, Н.А.* Философия неравенства / Н.А. Бердяев. – М.: ИМА-пресс, 1990. – 288 с. – С. 117.
2. *Галкина, Т. В.* Влияние истории и культуры на формирование костюма. / Т. В. Галкина, Т.Н. Третьякова. – Челябинск: ЮурГУ, 1998. – 354 с.
3. *Лотман, Ю.* Семиотика кино и проблемы киноэстетики. / Ю. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – С.8.
4. *Махлина, С.Т.* Семиотика культуры повседневности. / С.Т. Махлина. – СПб.: Алетейя. 2009. – 232 с. – С.1.
5. *Уварова, Т.Б.* Изучение традиционной болгарской одежды [текст] / Т.Б. Уварова, Р. Ганёва. Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. – 2005. – №4. – С. 154.

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ЭВФЕМИИ

Логвина Светлана Андреевна

кандидат педагогических наук, доцент;

Сахно Екатерина Михайловна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Эвфемизмы, вторичная номинация «негативных», в силу нравственных, этических, или религиозных мотивов, явлений, эксплицируются как один из способов восприятия, переосмысления и вербального воздействия на валентность коммуникативной ситуации. В отличие от первичных (внутренних) регуляторов (эмоций), вторичные, социально обусловленные регуляторы, являются внешними переменными факторами, которые регламентируются культурно-национальными особенностями и обуславливают процесс формирования и материализации эвфемизма. По мнению автора, социум диктует стигму, которая, взаимодействуя с динамичным развитием общества, является исторически и нравственно (аксиологически) изменчивой категорией. При изучении аксиологической составляющей процесса формирования эвфемизма на первый план выходит индивидуально субъективная оценка, которая является основным, но не единственным условием материализации эвфемизма в рамках социального аспекта, поскольку эвфемизмы служат показателем определенных стереотипов, существующих в данном обществе в данное время (то есть в режиме *ad hoc*); то, что называется прямо в одних социальных условиях, в других, изменившихся, условиях или в иную эпоху может потребовать эвфемистических субституций, что и определяет актуальность данного исследования.

Ключевые слова: эвфемия, субъективная оценка, стереотипный образ.

Цель исследования заключается в определении категорий, влияющих на установление эвфемистического статуса языковой единицы.

Поставленная цель достигается путем решения следующих *задач*:

- определить спектр субъективной отрицательной оценки;
- проанализировать стереотипный образ «смерти» через призму распределения ценностных приоритетов в рамках религиозного дискурса.

Методы исследования. Для достижения поставленной цели в работе применялись метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа и сопоставительный метод.

В статье автором предпринята попытка определить степень «эвфемистичности» языковой единицы, которая, являясь градуальной категорией, обусловлена спектром субъективной отрицательной оценки (как результат переосмысления окружающего мира) происходящего и широтой диапазона коммуникативных ситуаций, в которых данная единица реализовывается, а также не имеет фиксированного константного состояния, закреплённого за конкретной единицей.

В отличие от первичных регуляторов (эмоций), чувства стыда, гнева, обиды и вежливости являются вторичными, социально обусловленными регуляторами, так как они регламентируются культурно-национальными особенностями, социокультурными нормами, социолектом, нормами этикета, религиозными и политическим мотивами, зависят от пола, возраста, образования, социального статуса индивида и т.д., а также являются внешними переменными факторами, обуславливающими процесс формирования и материализации эвфемизма. Другими словами, *социум диктует стигму*, которая, взаимодействуя с динамичным развитием общества, является исторически и нравственно (аксиологически) изменчивой категорией. В своих исследованиях Л.С. Выготский пришел к выводу, что «источники сознательной деятельности и «категориального» поведения находятся не в глубинах мозга <...>, а во внешних условиях общественной жизни, в социально-исторических формах существования человека» [цит. по 2, с. 55], которые определяют систему ценностей индивида.

При изучении аксиологической составляющей процесса формирования эвфемизма на первый план выходит индивидуально-субъективная оценка, которая, на наш взгляд, является основным, но не единственным условием материализации эвфемизма в рамках социального аспекта, так как эвфемизмы служат показателем определенных стереотипов, существующих в *данном обществе в данное время* (то есть в режиме *ad hoc*): очень часто то, что называется прямо в одних социальных условиях, в других, изменившихся,

условиях и в иную эпоху требует эвфемистических обозначений [1, с. 107]. К наиболее устойчивой, емкой и исторически давней референтной номинативной области, вовлеченной в процесс эвфемизации, относится сфера «смерти». Номинативная область «смерть» – эвфемистическая сфера, которая существовала во все времена человеческой истории, а система исторических запретов на вербализацию «смерти», обусловленных социальными факторами, во многом совпадает с запретами, принятыми в обществе сегодня. Необходимо оговориться, однако, что, вопреки отмечаемому в большинстве известных нам работ по эвфемии «вневременному» характеру табу на произнесение слов «смерть», «умереть» и их производных, страх смерти и, как следствие, эвфемизация различных сторон указанных концептов не относятся к однозначным константным лингвокультурным явлениям. Однако, в противоположность образу несчастья, наказания или проклятия, что свойственно общечеловеческому восприятию, образ «смерти» в религиозном дискурсе воспринимается языковым сознанием практически полностью как положительный, до некоторой степени даже идеальный. Например, часто встречается такое толкование смерти как освобождения, встречи с Творцом, *in the arms of Jesus* (англ. букв. в руках (объятиях) Иисуса); *(to go to heaven* англ. букв. пойти на небеса). Так, говоря о смерти, священники, наделяя положительным значением идею смерти, используют такие выражения: «освобождение от оков бренного тела, юдоли земных печалей», «освобождение вечной души», «засыпают и уходят с миром», «вечная жизнь», «жизнь души за гробом», «обретение покоя», «временное разлучение души и тела», «вечность», «величайшее таинство и ценность, дарованная свыше», «не воспрянет от сна», а также «встреча в Богом», что создает представление о смерти как о продолжении жизни и лишает ее отрицательного значения.

Резюмируя результаты исследования, автор приходит к выводу, что смещение в области отрицательной оценки при восприятии стереотипного явления «смерти» в религиозном христианском дискурсе лишает образ «смерти»

основного эвфемистического признака, а именно – отрицательной оценки значения. Нивелирование отрицательного признака переводит номинативную область «смерти» из разряда выражений с высоким эвфемистическим потенциалом в разряд выражений с нулевым эвфемистическим потенциалом, не нуждающихся в замене. Автор приходит к выводу, что при изучении социального аспекта эвфемии центральное место отводится отрицательной оценке (стигме) как результату (индивидуального и/или общественного) восприятия окружающего мира с позиции аксиологического подхода в рамках режима *ad hoc*. Анализ динамики, специфики лингвокультурных характеристик и моделирование системы социальных ценностей предполагает выявление закономерностей в градуальной структуре исследуемого явления и обуславливает корреляцию уровня негативной оценки и эвфемистического потенциала языковой единицы.

В заключении автор констатирует, что *психический* аспект как один из факторов, диктующих образование и употребление эвфемистических эквивалентов, стимулирует интенцию Говорящего использовать эвфемизм, *психологический* аспект отображает эмоциональную селекцию речевых/языковых и стилистических средств для создания коммуникативного комфорта, а *социальный* аспект, являясь вторичным социальным регулятором, определяет стигму, глубина которой коррелирует с уровнем эвфемистического потенциала языковой единицы в режиме *ad hoc*.

Список использованных источников

1. Крысин Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 384–408.
2. Лурия А. Р. Язык и сознание / Под ред. Е.Д. Хомской. 2-е изд. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 336 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ У ОБУЧАЮЩИХСЯ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

Марцовенко София Игоревна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В настоящее время особое значение приобретает профессиональная подготовка специалиста, способного успешно решать профессиональные задачи, готового к выполнению профессиональных функций, как в русскоязычной, так и иноязычной среде. Обучение иностранному языку стало неотъемлемой и важной составляющей профессиональной подготовки, а конечной целью – формирование у обучающихся готовности и способности к межкультурной коммуникации, практического владения иноязычными коммуникативными компетенциями, то есть умением сопоставлять языковые средства с конкретными целями, ситуациями, условиями и задачами речевого общения. При этом обучение иностранному языку по профессиональному направлению играет определяющую роль, будучи по содержанию, цели и задачам уникальной учебной дисциплиной, имеет огромный потенциал для формирования профессиональных компетенций будущего специалиста. Перед современной высшей школой стоит задача сформировать не только конкурентоспособного специалиста, владеющего по меньшей мере одним иностранным языком, а прежде всего поликультурную личность.

Ключевые слова: иноязычное образование, коммуникативная компетентность, неязыковые специальности.

Цель статьи – определение содержания и структуры иноязычной коммуникативной компетентности у обучающихся неязыковых специальностей.

В связи со сложностью и многоплановостью процесса иноязычного общения на профессиональные темы, исследователями выделены следующие перечисленные ниже основные компоненты иноязычной коммуникативной компетентности будущего специалиста [1, 5, 7, 9]. 1. Языковой (лингвистический) компонент – это способность обучающихся на основе определенных правил произносить ряд грамматических фраз; владение обучающимися системой сведений об иностранном языке изучаемого на фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом, синтаксическом, стилистическом уровнях. 2. Социальный компонент – это

способность и готовность обучающихся к общению, желание и умение вступать в контакт с другими людьми; факторами здесь выступают потребности, мотивы, отношения к другим коммуникантам, а также самооценка; стремление к иноязычной коммуникации требует от обучающихся способностей быстро ориентироваться в социальной ситуации и управлять ею. 3. Социолингвистический компонент — это способность обучающихся использовать и преобразовывать языковые формы в соответствии с ситуацией, возникшей между коммуникантами и т.д., формирование у него умений использовать единицы иностранного языка в адекватных ситуациях общения, в сочетании с другими словами, развитие навыков грамотно и корректно использовать освоенный лексический, грамматический, фонетический материал в процессе изучения иностранного языка в устной и письменной форме. 4. Социокультурный компонент содержит знания социокультурного контекста, в котором используется язык, а также влияния окружения на выбор языковых форм. Этот компонент предполагает наличие у обучающихся знаний о собственной культуре и культуре носителей изучаемого языка, сходства и различия между ними, а также способность пользоваться ресурсами элементов социокультурного контекста — обычаями, правилами, нормами, социальными стереотипами и тому подобное. 5. Рефлексивный компонент характеризуется следующими аспектами: а) самостоятельная организация учебной деятельности (постановка цели, планирование, определение оптимального соотношения цели и средств и т.п.); владение навыками контроля и оценки своей деятельности, умение предвидеть ее возможные последствия; поиск и устранение причин, вызывающих трудности; анализ собственных достижений, поведения, черт характера, физического и эмоционального состояния; осознанное определение сферы своих интересов и возможностей; соблюдение норм поведения в социуме, правил здорового образа жизни и тому подобное; б) владение умениями совместной деятельности, в частности согласование и координация деятельности с другими участниками коммуникативного взаимодействия;

объективное оценивание собственного вклада в решение коллективных задач; учета особенностей различных видов ролевого поведения (например, «коллега» – «коллега», «руководитель» – «подчиненный» и тому подобное); в) оценка собственной деятельности со стороны правовых норм, нравственных, эстетических ценностей.

6. Прагматический компонент – это способность обучающихся владеть всем комплексом коммуникативного поведения как совокупности норм и традиций общения в той или иной лингвокультурной общности.

7. Аутолингводидактичный компонент – это способность обучающихся самостоятельно и постоянно совершенствовать языковое мастерство, осуществлять рефлексию и оценки качества собственного уровня знаний иностранного языка.

8. Дискурсивный компонент – это способность обучающихся понимать другого и достигать когерентности отдельных высказываний в значимых коммуникативных моделях, иначе говоря, способность проводить дискурсивное изложение, использовать и интерпретировать формы и значения слов для создания текстов. Обучающийся с высоким уровнем дискурсивной компетенции способен эффективно использовать грамматические средства для единства мысли и ее соответствия в тексте.

Динамика достижения цели обучения иностранному языку обусловлена реализацией таких педагогических условий формирования иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся как:

- 1) определение и отбор содержания иноязычного образования на основе анализа соответствующей профессиональной деятельности будущих специалистов;
- 2) алгоритмичность этапов, последовательность и систематичность процесса формирования иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся;
- 3) интенсификация процесса формирования иноязычной коммуникативной компетентности благодаря погружению обучающихся в интерактивную иноязычную среду;
- 4) индивидуализация обучения путем внедрения академического консультирования (тьюторства), наставничества (менторства), тренерства (коучинга), а также системы практических задач, направленных на

развитие у обучающихся компонентов иноязычной коммуникативной компетентности. На современном этапе одной из задач высшей школы является не только кардинальное обновление содержания обучения иностранному языку, но и широкое использование инновационных технологий формирования иноязычной коммуникативной компетентности будущих специалистов, в частности метода проектов; технологии развития критического мышления через чтение и переписку; метода дебатов; игровых технологий (языковые, ролевые, деловые игры, игры-драматизации) проблемных дискуссий; технологии интерактивного обучения (в парах, малых группах); сценарно-контекстной технологии; кейс-метода; технологии модульного обучения и тому подобное.

Иноязычную коммуникативную компетентность необходимо рассматривать как способность и готовность обучающихся осуществлять иноязычное общение в рамках определенных учебной программой требований, которые, в свою очередь, опираются на комплекс специфических для иностранного языка знаний, умений и навыков – грамматических, лексических (с учетом социокультурного лексического минимума), орфографических, речевых, распознавания речи на слух, а также апеллировать различными языковыми средствами коммуникативного взаимодействия. Выделены компоненты, которые отражают содержание иноязычной коммуникативной компетентности и соответствуют целям обучения иностранному языку обучающихся неязыковых специальностей: языковой (лингвистический) компонент, социолингвистический, социокультурный, социальный, рефлексивный, аутолингводидактичный, прагматичный, дискурсивный. Эффективность и результативность формирования иноязычной компетенции будущего специалиста определяется уровнем сформированности каждого из этих компонентов. Динамика достижения цели обучения иностранному языку определяется реализацией педагогических условий формирования иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся, рассматриваются как необходимая и достаточная совокупность возможностей, обстоятельств и

мероприятий образовательного процесса, соблюдение которых обеспечивает достижение ими более высокого уровня сформированности этого личностного качества. Сущность процесса формирования иноязычной коммуникативной компетентности обучающихся неязыковых специальностей можно аргументировано рассматривать как их подготовку к общению в различных условиях профессиональной деятельности. Такой подход предполагает комплексное использование обновленного содержания и совокупности инновационных методов и технологий обучения иностранному языку, а также организацию целостного образовательного процесса, построенного на основе компетентностного и коммуникативного подходов.

Список использованных источников

1. Андрейко Я. В. Иноязычная профессиональная коммуникативная компетенция / Я. В. Андрейко // Пед. науки: сб. наук. пр. - 2013. - Вып. 63. С. 238–241.
2. *Общеввропейские* компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / перев. с англ.; науч. роз. укр. С. Ю. Николаева. - М.: Лепвит, 2003. 273 с.
3. Корнева С. Компонентный состав иноязычной профессионально-ориентированной коммуникативной компетентности студентов ВТУЗ / С. Корнева // Молодежь и рынок. - 2014. - № 6. С. 36–41.
4. Николаева С. Ю. Цели обучения иностранным языкам в аспекте компетентностного подхода / С. Ю. Николаева // иностранные языки. - 2010. - № 1. С. 11–17.
5. Образцов П. И. Профессионально-ориентированное обучение иностранному языку на неязыковых факультетах вузов / П. И. Образцов, А. Ю. Иванова. – Орел: ОГУ, 2005. 114 с.
6. Павлишак А. Коммуникативная компетенция в подготовке учителя иностранного языка / О. Павлишак, А. Гутиряк // Молодежь и рынок. - 2014. - № 5. С. 71–75.
7. Перевознюк Н. М. Структура иноязычной профессионально-деловой коммуникативной компетентности будущих экономистов / Н. М. Перевознюк // Наука и образование. - 2013. - № 1/2. С. 197–201.
8. Рудина Н. Иноязычная коммуникативная компетентность как составляющая профессионализма будущих учителей / М. Рудина // Образование. - 2013. - № 2. С. 153–158.
9. Ставицкая И. В. Иноязычная компетентность: место дефиниции в терминологическом поле современных научных суждений / В. Ставицкая // Педагогические науки: теория, история, инновационные технологии. - 2013. - № 4. С. 280–286.

МЕТОДИКА И МЕТОДОЛОГИЯ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В УСЛОВИЯХ БИЛИНГВИЗМА

Мацнева Кристина Алексеевна

ассистент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Методы сбора и обработки информации, которые используются в современной социолингвистике, прежде всего обусловлены спецификой стоящих перед социолингвистами задач. Данная наука является сравнительно молодой, в связи с этим процесс разработки единой методики исследований не вошел в завершающую стадию.

Ключевые слова: методика, методология, социолингвистика, билингвизм.

Целью данной статьи является систематизация методов сбора и обработки материала, который используется в социолингвистике на данный момент.

Теоретическая ценность статьи заключается в формулировке основных преимуществ и функциональных ограничений, которые связаны с использованием наиболее распространенных методологических приемов современной социолингвистики.

Социолингвистика, возникнувшая на стыке социологии и лингвистики, широко использует методы обеих дисциплин. В. А. Звегинцев в начале 1980-х гг., критикуя "методологическую всеядность" социолингвистики, заявил о том, что именно методология социолингвистики представляет собой "самое слабое ее место" [1; 266]. Конкретизация предметной области социолингвистики сопровождается формированием собственного методологического аппарата, в связи с чем многие исследования, особенно те, которые опираются на концепцию Д. Хаймса, характеризуются отказом от слишком широкой трактовки задач социолингвистики.

Методы, которые используются при разработке социолингвистических теорий, можно разделить по трем основным категориям: методы сбора

информации, методы социолингвистического анализа полученного материала и методы проверки достоверности полученных результатов исследования.

Процесс сбора информации в большинстве исследований состоит, как правило, из двух этапов: отбора информантов и получения необходимого языкового материала.

Целью отбора информантов является получение генеральной совокупности – множества "всех индивидов, чьи языковые особенности являются объектом конкретного социолингвистического анализа" [2; 268]. В случае, если объект исследования связан с генеральной совокупностью многочисленной группы, которую можно охватить только теоретически, возникает необходимость формирования выборочной совокупности или выборки [2; 59], адекватно представляющей интересующую исследователя группу населения.

Критерием принадлежности потенциальных информантов к выборке является ряд лингвистических и внеязыковых факторов, которые определяют языковое поведение данных лиц. В исследованиях, которые связаны с изучением билингвизма, основными становятся следующие факторы: этническая и территориальная принадлежность, уровень образованности, род занятий, политические и религиозные убеждения, возраст и гендерная принадлежность. Объективная оценка данных факторов связана с рядом методологических трудностей. Например, при выделении критерия этнической принадлежности, в ряде случаев исследователи сталкиваются с такими явлениями, как неопределенная этничность (в случае, если опрошенные затрудняются при ответе на вопрос о своей этнической принадлежности), подвижная или двойная этничность (в случае, если ответ на вопрос изменяется под влиянием того, что говорящему выгоднее в данный момент), навязанная этничность (имеет место в странах с паспортной системой) [2; 61]. Наиболее распространенный подход, который используют такие исследователи как У. Лабов [3, 4, 5], Л. Милрой [6], П. Традхилл [7], Р. Фейсолд [8], Д. Хаймс [9], Дж. Уеллс [10], П. Эккерт [11], а

также другие представители английской и американской школ социалингвистики, опирается на объективные социологические данные. Субъективные оценки говорящими своего статуса используются исследователями в качестве коррелята для уточнения объективных показателей. Такой подход был разработан в результате критики методологии, которая базировалась исключительно на объективных социологических параметрах.

Для отбора индивидов, соответствующих критериям генеральной совокупности, используется три вида выборки: случайная выборка (random sample), представительная выборка (representative sample) и структурированная сознательная выборка (peer-group sample).

Случайная выборка проводится дабы исключить какую-либо предвзятость со стороны исследователя и производится на основе генерации случайных чисел. Но как утверждал У. Лабов, метод случайной выборки далеко не всегда подходит для изучения социалингвистических проблем. Автор подчеркивает невозможность включения других факторов, оказывающих влияние на речевое поведение индивидов, например, родственных связей. "Случайная выборка, которую я использовал, включала каждый десятый дом и каждую седьмую квартиру в этом доме. И, хотя, в таком случае исключена предвзятость, данный метод не позволял выбирать респондентов случайным образом в пределах семьи" [4; 201]. Так как один и тот же индивид может оказаться носителем нескольких интересующих исследователя признаков, сплошная выборка ограничивает возможности изучения корреляции между различными социалингвистическими факторами. Подобного рода изучение становится возможным на материале представительной выборки, составление которой происходит в два этапа. На первом этапе определяется социальный состав изучаемой группы. На втором этапе производится подбор информантов в процентном отношении, соответствующем стратификации генеральной совокупности. Однако при социалингвистических исследованиях данный подход связан с серьезными ограничениями, так как для получения объективной

картины необходимо опросить значительное число информантов - сотни или даже тысячи. В подобных случаях количество информантов не позволяет сконцентрироваться более чем на двух-трех лингвистических особенностях. Л. П. Крысин и В. И. Беликов отмечают также важность личного общения с информантами, теряющегося при массовых опросах [1; 270].

Дабы устранить упомянутые методологические трудности, оптимальным представляется использование сознательной выборки. Эта методика дает возможность полностью исключить элемент случайности, так как исследователь проводит наблюдения одной, четко определенной и ограниченной группы опрошенных. Работы У. Лабова по изучению речи темнокожих подростков в Гарлеме [5], П. Традгхилла, посвященные функционированию диалектной речи в Норвиче [7], Л. милрой, связанные с вариативностью английского языка в Белфасте [6], и многие другие свидетельствуют о возможностях эффективного использования метода сознательной выборки в социолингвистических исследованиях, несмотря на невозможность применения данного метода при массовых опросах.

Е. В. Головкин и Н.Б. Вахтин обращают внимание на то, что ни одна выборка не может быть идеальной, "поскольку всегда имеет место логический круг: идеальную выборку можно составить, только если заранее точно знать, какие социальные и иные параметры оказывают влияние на исследуемый феномен, а это обычно становится ясно лишь в результате исследования" [2; 67].

При изучении самой речи в социолингвистике, как и во многих других науках, первоочередное значение придается наблюдению. Основная сложность, связанная с наблюдением за речевым поведением информантов в социолингвистике, заключается в "парадоксе наблюдателя", сформулированного У. Лабовым следующим образом: "... целью лингвистических исследований речевого коллектива является выяснение того, как говорят люди, когда за ними не ведется систематического наблюдения; а получить такие данные можно лишь путем систематических наблюдений" [3; 121]. Как утверждает автор, для

преодоления "парадокса наблюдателя" необходимо "изыскать способы дополнить официальные интервью другими данными или как-либо изменить структуру самой ситуации интервью" [3; 121]. Важную роль в сборе речевого материала играет включенное наблюдение, при котором наблюдатель, будучи одним из участников изучаемой группы, фиксирует особенности речи данной группы. В некоторых случаях присутствие наблюдателя и влияние записывающей аппаратуры удастся скрыть. Хотя, по мнению Е. А. Земской, необходимость в использовании скрытой записи существует далеко не всегда, так как при длительном общении с информантами "эффект микрофона в значительной степени удастся снять" [1; 284]. "Эффект микрофона" удастся ослабить и в условиях группового интервью, когда происходит коммуникация информантов не только с наблюдателем, но и друг с другом. Дж. Гамперц в статье "Типы языковых сообществ" [12] описывает коммуникативную ситуацию с участием норвежцев, которые владеют национальным вариантом языка и диалектом. Несмотря на то, что при обращении к исследователю опрошенные использовали стандартный вариант языка - букмол, при общении друг с другом они переключались на диалект, изучение которого являлось одной из главных целей исследования. Также "эффект микрофона" удастся значительно ослабить и тогда, когда опрошенные не знают точной цели интервью. Наиболее эффективными являются вопросы, не связанные с особенностями речи, так как, отвечая на такие вопросы, информанты предполагают, что важна не сама речь, а то, о чем они говорят. Эффективными вопросами для интервью будут те, на которые информанты говорят охотно, эмоционально, пытаясь убедить собеседника.

В современной социалингвистике широко распространена методика структурированных (спонтанных, полустандартных) интервью. Формальные, строго спланированные интервью используются намного реже, так как изучение спонтанной речи в условиях формального интервью практически невозможно. Неформальные интервью предполагают свободное развитие беседы, что

способствует получению данных, связанных с фонетическими особенностями речи говорящих [1; 286]. Роль заранее подготовленных вопросов сводится лишь к тому, чтобы провоцировать интервьюируемого на употребление тех или иных языковых единиц.

Для выявления фоностилистической дифференциации языка создаются коммуникативные ситуации разного типа с участием одних и тех же информантов. Неформальное интервью дает возможность получить данные о неофициальной речи говорящих. Для изучения речевого поведения информантов в ситуациях более официального общения используется чтение текстов, списков слов и минимальных пар слов, отличающихся только одной фонемой, являющейся предметом изучения. П. Традгхилл в исследованиях, посвященных вариативности английского языка в Норвиче [7], использовал записи спонтанных разговоров, интервью, чтение текстов, списков слов и минимальных пар, что позволило сделать ряд выводов о соотношении социальных и ситуативных факторов. В зависимости от социальных признаков респонденты были разделены на пять групп. При переходе от чтения к бытовому разговору, частотность реализации нормативных фонем снижалась у всех групп опрошенных. Однако выяснилось, что для среднего класса основная граница проходит между бытовой и формальной речью, а для рабочего класса - между формальной речью и чтением. Данные закономерности свидетельствуют о том, что представители среднего класса чувствительны к различным степеням формальности коммуникации, а представители рабочего класса - к переходу от устной коммуникации к письменной (от разговорной речи - к чтению), поскольку нормативное произношение ряда фонем у них ассоциируется со школой. Таким образом, изучение речи информантов в различных фоностилях, отождествляемых с соответствующими коммуникативными ситуациями, позволяет делать выводы о разном уровне престижа тех или иных вариантов реализации социофонетических переменных.

При обработке полученных в результате исследований данных в современной социалингвистике широко используются количественные методы - "совокупность приемов и процедур, направленных на получение цифровых данных, допускающих математическую обработку (как статистическую, так и нестатистическую)" [2; 89]. Количественные методы, в частности интервальная шкала, с помощью которой выявляется корреляция между двумя и более переменными величинами

[13], позволяют достичь максимальной объективизации результатов исследования. В ходе анализа корреляции социалингвистических переменных одним из важнейших инструментов является графическое изображение наблюдаемого соотношения - в форме таблиц, диаграмм или графиков.

Несмотря на то, что процесс формирования методологической системы в современной социалингвистике еще не вошел в завершающую стадию, совокупность используемых методов в рамках того или иного исследования позволяет использовать рабочую систему, позволяющей достигать целей того или иного исследования на конкретном языковом материале.

Список использованных источников

1. *Беликов В. И.*, Крысин Л. П. Социалингвистика. - М.: Издательский центр РГГУ, 2001. - 439 с.
2. *Вахтин Н. Б.*, Головкин Е. В. Социалингвистика и социология языка. - СПб: Издательский центр "Гуманитарная академия", 2004. - 336 с.
3. *Лабов У.* Исследование языка в его социальном контексте. // Новое в лингвистике. - Вып. 7. - М.: Прогресс, 1975. - С. 96-181.
4. *Labov W.* The Social Stratification of English in New York City. - Washington, D. C.: Center for Applied Linguistics, 1966. - 655 p.
5. *Labov W.* Academic Ignorance and Black Intelligence // Atlantic Monthly, June 1972 (<http://www.ling.upenn.edu/~wlabov/papers/>).
6. *Milroy L.* Language and Social Networks. - Baltimore: University Park Press, 1980. - 218 p.
7. *Trudgill P.* The Social Differentiation of English in Norwich. - Cambridge: Cambridge University Press, 1974.
8. *Fasold R. W.* The Sociolinguistics of Society. - Oxford: Blackwell Publishing, 1984. - 220 p.
9. *Hymes D.* Models of the Interaction of Language and Social Life. // Paulston C. B., Tucker R. G. (eds.) Sociolinguistics. - Blackwell Publishing, 2003.
10. *Wells J. C.* British English Pronunciation Preferences: A Changing Scene // Journal of International Phonetic Association. - N 29 (1). - 1999. - P. 33-50.

**ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ
В АНГЛИЙСКОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ:
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМАТИКА**

Мельниченко Татьяна Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация: В статье рассматриваются особенности возникновения и развития психоаналитического направления в английском литературоведении, проводится анализ методологических принципов и проблематики работ ведущих литературоведов-психоаналитиков Ф. Лукаса, Г. Рида, Д. Г. Лоуренса. Отмечается их весомый вклад в развитие теории романтического искусства, дается оценка результатам практического применения категорий психоанализа в литературной критике.

Ключевые слова: психоанализ; литературная критика; художественное творчество; бессознательное, Ф. Лукас, Г. Рид, Д. Г. Лоуренс.

На современном этапе развития как отечественной, так и мировой науки о литературе одним из актуальных направлений исследования является изучение истории становления и развития национальных школ и течений в литературоведении. Характерной чертой литературной критики XX – XXI вв. является ее междисциплинарный характер, подразумевающий широкое привлечение данных смежных наук – антропологии, лингвистики, философии, психологии и др.

Психоаналитический метод в литературоведении появился благодаря учению З. Фрейда. Психоаналитические исследования в области художественного творчества, как практические, так и теоретические, появляются в различных странах, начиная с 1910-х гг. XX столетия. Наибольшее распространение психоанализ получил в США и Англии. Отдельным проблемам литературоведческого психоанализа, а также творчеству английских критиков психоаналитического направления посвящены работы М.Н. Афасижева, Р.Ф. Додельцева, Е.М. Торшиловой, А. Кучиньской, И. Симоненко, М.Ф. Страуме, А.С. Козлова, Т.Н. Красавченко, Ф. Гофман, С. Химан, Л. Триллинг, К. Моррисон, Ф. Берри, Г. Триси, В. Хардер и др. Данная работа представляет

собой попытку комплексного анализа психоаналитического направления в английском литературоведении.

Восприятие и развитие идей литературоведческого психоанализа в Англии, как и само возникновение учения З. Фрейда, происходило в определенном культурно-историческом контексте. В эпоху политической и экономической напряженности, войн, разочарования в идеалах разума и сомнений в прогрессивном характере культуры учение З. Фрейда давало надежду на прорыв в области понимания тайн человеческой психики и возможность примирить нужды индивида и требования социума. Начиная с Дж. Эддисона (1712 г.), английское литературоведение характеризовало стремление привлечь психологию к решению проблем литературной критики, и использование психоанализа наглядно продемонстрировало продолжение этой традиции.

Психоаналитическое направление литературоведения Англии первой половины XX в. не сформировалось как школа. Оно представлено фигурами отдельных исследователей, наиболее выдающимися из которых являются Ф. Лукас, Г. Рид и Д. Г. Лоуренс. Основной причиной их обращения к психоанализу послужила убежденность в том, что учение З. Фрейда и К. Г. Юнга, утверждающее ценность психической жизни индивида и важность роли бессознательного для художественного творчества, сможет дать литературоведению и критике новые ориентиры. Кроме того, психоанализ предлагал новые методы анализа и критерии оценки личности художника, сюжета произведения, процесса творчества, отвечавшие стремлению дать литературной критике твердую научную основу. Литературоведам данного направления психоанализ представляется инструментом, позволяющим в научных терминах оформить иррациональное знание, а также отделить здоровые проявления психики от невротических. Формирование и становление литературоведческой методологии и теоретической платформы Г. Рида, Ф.

Лукаса и Д. Г. Лоуренса происходило, главным образом, в довоенный период. В работах 1940-х, 1950-х гг. можно проследить дальнейшее развитие их взглядов.

Открытия З. Фрейда стимулировали появление психоаналитических теорий художественного творчества, и английские критики-психоаналитики не стали исключением. Не создавая объединений и школ, не стремясь выработать единую методологию, Ф. Лукас, Г. Рид и Д. Г. Лоуренс разработали свои, отличавшиеся друг от друга варианты литературоведческого психоанализа. Для английского психоаналитического направления данного периода, как и для всего первого этапа развития психоаналитической критики, характерны попытки соединить психоанализ с учением о художественной форме и общественной роли литературы (Г. Рид, Ф. Лукас, Д. Г. Лоуренс); осмыслить новейшие течения в искусстве (работы Г. Рида о дадаизме и сюрреализме); найти объяснение загадочным литературным феноменам прошлого (Г. Рид и Ф. Лукас); исследовать особенности национальной литературы (Д. Г. Лоуренс).

В своих теоретических построениях и практических исследованиях Г. Рид, Ф. Лукас и Д. Г. Лоуренс в равной степени опираются на теории З. Фрейда и К. Г. Юнга. Так, источник художественного творчества, вдохновения, поэтических образов, универсальных, или «архетипических» символов, по их мнению, находится в бессознательной части психики творца. Признание конфликтного характера отношений между художником и обществом послужило основанием для деления произведений на возникшие «органически», спонтанно и те, которые были созданы намеренно. Термин «органической формы» был предложен Г. Ридом и получил наибольшее развитие в его работах, хотя похожие идеи можно найти у Д. Г. Лоуренса (призыв следовать «голосу крови»), и Ф. Лукаса (свобода от контроля сознания). Но, признавая важность роли бессознательного, все исследователи ни в малейшей степени не склонны умалять значимость сознательного элемента при создании произведений искусства. Они глубоко убеждены в необходимости сознательных усилий в творчестве: усилий по преодолению конфликта между

инстинктивными желаниями и требованиями общества, усилий по оформлению произведения и, наконец, усилий, направленных на формирование прочной философской основы, позволяющей говорить об общечеловеческом значении творчества того или иного автора. Представители данного направления разделяют представление З. Фрейда о художнике как особом типе личности, но осуждают фрейдовский пансексуализм и не поддерживают идею о компромиссном характере продуктов творчества. Психоаналитический подход сочетается в их работах с культурно-историческим, социологическим и семантическим.

Английские критики-психоаналитики внесли весомый вклад в развитие теории романтического искусства. Заслуживают пристального внимания предпринятые ими попытки объяснить в терминах психоанализа различия между романтизмом и классицизмом, объяснить процессы поэтического творчества и вдохновения, найти основу для решения проблемы романтической традиции в искусстве. В лучших романтических произведениях они склонны видеть проявление самых искренних душевных порывов, пример торжества духа, освобождение от тягот повседневности. При этом всеми исследователями на разных уровнях подчеркивается неразрывная связь романтического творчества с жизнью: у Г. Рида связующим звеном между жизнью и поэзией являются идиомы, которые он называет «живыми организмами речи», у Ф. Лукаса это принцип реальности, не позволяющий романтическому творчеству остаться в рамках иррационализма, у Д. Г. Лоуренса – предъявляемое к искусству требование быть спонтанным открытием жизненной правды. Следует отметить вклад Ф. Лукаса и, особенно, Г. Рида, в развитие теории поэтического воображения, всегда находившейся в центре внимания английского литературоведения, в целом, и романтизма, в частности.

Отношение к искусству как к особому, недискурсивному виду познания характерно для всей психоаналитической теории искусства, и работы английских критиков-психоаналитиков не стали исключением. Исследователи

обращают внимание на символический характер произведений искусства, приходят к выводу, что процесс художественного творчества является результатом взаимодействия не только разных уровней психики художника, но и коллективного сознания с частным, сочетая, таким образом фрейдовские и юнгианские положения литературоведческого психоанализа.

Значительных результатов английские исследователи психоаналитического направления достигли в области практической критики. Объектами анализа выступают, как правило, автор произведения и персонажи текста. Для критиков этого направления характерно обращение к национальной классике. Английским исследователям литературоведение обязано удивительно тонкими и точными психологическими портретами писателей и поэтов-романтиков (Дж. Г. Байрона, П. Б. Шелли, У. Вордсворта, Э. По). В рамках анализа особенностей психики автора (в частности, анализа психических отклонений) литературоведы-психоаналитики стремились показать, как личный опыт писателя обретает общественное звучание и значимость, как происходит формирование определенных идейно-философских концепций, лежащих в основе мировоззрения автора, дать оценку их общечеловеческой ценности. В работах Г. Рида, Ф. Лукаса и Д. Г. Лоуренса произведения писателей-романтиков приобрели новое звучание и смысл, а романтический тип художественного творчества был представлен ими как наивысшее проявление всего высокого и прекрасного, что было создано за всю историю искусства. Их исследованиям присущ внеисторический взгляд на искусство, типичный для всего психоанализа.

Практические исследования английских критиков данного направления характеризует довольно умеренное использование психоаналитической терминологии, стремление сохранить отношение к художественному произведению как к эстетическому объекту. Однако справедливо было бы отметить, что на практике результаты применения позитивистских техник к

категориям эстетики не всегда оказываются оправданными и дают убедительные результаты.

Безусловно, работы критиков-психоаналитиков не были свободны от недостатков. И в первую очередь, это проявлялось в пристальном внимании к невротическим проявлениям авторской психики, тщательном анализе личностных особенностей художника и игнорировании социальных условий формирования его личности и таланта. В результатах исследований Ф. Лукаса, Д. Г. Лоуренса и Г. Рида проявились ограниченность и противоречивость психоаналитического метода в литературоведении в целом, как следствие сочетания двух планов – реальности и художественного произведения, психологии и эстетики. Можно упрекнуть исследователей и в отсутствии четких критериев оценки художественного произведения, точнее, критериев, связанных с оценкой художественных достоинств произведения, т.к. внимание к нравственной стороне всегда было для них на первом месте.

В целом представители данного направления продолжают ту особую социально-критическую традицию изучения культуры и общества, которая сложилась в Англии в XIX в. и связана с именами М. Арнольда, Дж. Рескина, Б. Дизраэли. Характерная ее особенность – вера в возможность реформирования общества с помощью культуры и литературы, защита гуманитарных ценностей и поддержка гуманитарного образования. В работах критиков психоаналитического направления можно почувствовать отголоски мыслей М. Арнольда о безграничном будущем поэзии, о ее возможности стать заменой религии и философии.

Список использованных источников

1. *Афасижев М.Н.* Западные концепции художественного творчества: Учебное пособие. – М.: Высшая школа, 1990. – 174 с.
2. *Додельцев Р.Ф.* Фрейдизм: культурология, психология, философия. – М., 1997. – 284 с.
3. *Козлов А. С.* Зарубежная литература и литературоведение. Избранные статьи. – Симферополь: ОАО СГТ, 2009. – 220 с.
4. *Красавченко Т.Н.* Английская литературная критика XX века – М., 1994. – 282 с.

5. *Кучиньска А.* Спасение через искусство. Эстетические взгляды Г. Рида // Борьба идей в эстетике. – М.: Искусство, 1974. – С.160–193.

6. *Симоненко И.П.* Концепции автономии искусства в английском литературоведении XX века // Элитарные представления об искусстве и современный мир. – К.: Наукова думка, 1980. – С. 170-181.

7. *Страуме М.Ф.* Критический анализ «эстетической философии» Г. Рида : автореф. дис. на соискание научной степени канд. филос. наук : спец. К 010.11.01. – АН Латвийской ССР. Институт философии и права. – Рига, 1987. – 20 с.

8. *Торишлова Е. М.* Герберт Рид в поисках человека // Буржуазная эстетика сегодня. – М.: Наука, 1970. – С. 105-134.

9. *Торишлова Е.М.* Формалистская тенденция в эстетике Г. Рида // Критика современной буржуазной эстетики. – М, 1968. – С. 65-78.

10. *Цурганова Е. А.* Панорама Западного литературоведения XX века : энциклопедия. – М.: Интрада, 2004. – С. 9-20.

11. *Berry F.* Herbert Read. – London: Longmans Green for the British Council, 1953. – 154 p.

12. *Hoffman F. J.* Freudianism and the Literary Mind. – NY, 1959. – 350 p.

13. *Hyman S.* The Psychoanalytic Criticism of Literature // The Western Review. – 1948. – V. XII. – P. 106-115.

14. *Harder W.T.* A Certain Order. – The Hague-Paris, Mouton, 1971. – 164 p.

15. *Morrison C.* Freud and the Critic. – Carolina Press, 1968. – 248 p.

16. *Trilling L.* Freud and Literature // Moderne Englische und Americanische Literaturkritik. – Darmstadt, 1970. – P. 157-175.

17. *Herbert Read.* An Introduction to his Works by Various Hands / [ed. by H. Treece]. – Kennikat Press, 1960. – 120 p.

ENGLISH PSYCHOANALYTIC CRITICISM: METHODOLOGY AND PROBLEMATICS

Abstract: The article examines the origins, development and national peculiarities of Psychoanalytic Criticism in Great Britain. The most outstanding representatives of the approach are F. Lucas, H. Read and D. H. Lawrence. The author analyses methodology and problematics of their literary criticism with special attention to their theories of romantic art and the results of practical application of psychoanalytical categories to literary criticism.

Keywords: psychoanalysis; literary criticism; art; unconsciousness; F. Lucas; H. Read; D. H. Lawrence.

СОЦИАЛЬНО ОБУСЛОВЛЕННАЯ ПРИРОДА БРИТАНСКОГО ТЕЛЕДИСКУРСА КАК СПОСОБА ФОРМИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ И МЕНТАЛЬНОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ НАЦИИ

Онищенко Юлия Викторовна

преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Изучение влияния телевидения на формирование произносительной нормы и влияния ТВ на речь телеаудитории как средства массовой информации, обеспечивающего устную коммуникацию в односторонней форме, является важным и необходимым в русле современных социолингвистических исследований, так как позволяет понять природу, характер и механизмы речевых изменений на современном этапе существования языков мира.

Ключевые слова: теледискурс, языковая действительность, ментальность, нация.

Телевидение в Великобритании признают одним из лучших в мире. «Британец с гордостью скажет, что смотрит телевизор. Здесь ТВ считается частью национальной культуры, и никто этого не стыдится» [1].

В конце 1930-х управление почты и телеграфа поручило Британской вещательной корпорации создать в Великобритании телевидение, регулярное же вещание началось только через несколько лет, в 1936-м. Единственным телеканалом был BBC, который показывал только на юге Англии. Штаб-квартира находилась в Александра-палас, позже там была построена телевышка. После прекращения вещания с началом Второй мировой войны телевидение вернулось только в 1946 г. Началом коммерческого телевидения стал канал ITV, составивший конкуренцию BBC в 1955 г. К 1982 г. телезритель имел выбор между каналами BBC One, BBC Two, ITV и Channel 4. Сегодня же количество аналоговых, цифровых, спутниковых и сетевых каналов доходит до пятисот. Самыми влиятельными и популярными на данный момент, по мнению обзорных интернет-сайтов являются BBC One, BBC Two, BBC Three, BBC Four [1]. На упомянутых каналах нет рекламы, за их просмотр государство собирает взнос с

граждан страны (license fee), и это обстоятельство нисколько не умаляет востребованность платного телевидения, в особенности, канала BBC One.

Говоря о различиях четырех вышеупомянутых телеканалов, следует уточнить, что BBC «производит передачи на любой вкус — новости, сериалы, драмы, комедии, детективы, триллеры, документальные фильмы, викторины и чат-шоу. BBC One — канал для широкой аудитории, BBC Two показывает больше документальных передач и художественных сериалов для чуть более образованной публики, BBC Three — немного экспериментальный канал, где могут выпустить в эфир необычную комедийную передачу или фэнтезийный сериал. Наконец, BBC Four — такая альтернатива мейнстриму, канал, где может появиться даже французский сериал, что для Британии удивительная редкость» [1].

ITV — давний и главный конкурент BBC, канал, финансируемый доходом от рекламы, и по этой причине к нему часто относятся с лёгким презрением. Сравнивая предлагаемый зрителю контент, добавим, что передачи и сериалы ITV столь же разнообразны, как и у BBC, однако, ITV не производит комедий и детских передач.

Коммерческий Channel 4 принадлежит государству и, «по мнению критиков, он смелее, чем все каналы BBC и ITV вместе взятые... Здесь ругаются матом больше всего, здесь особенно любят реалити-шоу» [1].

Также необходимо затронуть аспект существования цензуры. На британских телеканалах она отсутствует, однако традиционно какие-то каналы позволяют себе больше свободы по сравнению с другими. Предполагается, что после девяти вечера телевизор смотрят только взрослые, «Однако даже после девяти мат, например, во время интервью на BBC One «запикают», а на Channel 4 оставят как есть» [1]. Управление связи (Ofcom) — ведомство, в которое зритель может пожаловаться в том случае, если сочтет речь, звучащую с экрана, оскорбительной, по поступившим жалобам проводится расследование и могут налагаться штрафы.

С информацией о зрительском рейтинге можно ознакомиться на сайте бюро по изучению телеаудитории или на сайтах крупных газет по результатам исследований этого же бюро. Согласно его данным, наиболее популярными являются реалити-шоу и мыльные оперы. Британское ТВ знаменито своими сериалами, наиболее популярным из которых является «Шерлок», а наиболее длинным – научно-фантастический сериал «Doctor Who», первую серию которого выпустили на экраны в 1963 г., и за все время существования сериала исполнитель главной роли менялся десять раз. Стоит уделить особое внимание процедуре отбора сериала для показа на телеэкране. Концепция сериала или программы должна быть одобрена ответственным по художественным программам (controller of drama commissioning) определенного телеканала, затем телеканал выделяет бюджет для работы над проектом. Поскольку национальное телевидение можно считать одним из предметов гордости Британцев, логичным будет предположение о том, что существуют какие-то особые достаточно жесткие критерии отбора сюжетов, выбора актеров и телеведущих для телепроектов. Более пристально данные аспекты следует изучить в дальнейших исследованиях.

Что касается ведущих новостей, на официальном сайте BBC можем найти следующее в описании работы диктора:

«Зрители, слушатели и ведущие телеканала обладают различными региональными акцентами, и ни один из них не является по своей природе «лучшим», чем какой-либо другой. Разборчивость для понимания является важным и единственным весомым препятствием для акцента, если он не может быть понятным для аудитории» [5]. Далее идет несколько замечаний по поводу предпочтительного интонирования текстов вещания и отчетливого произнесения звуков в каждом слове.

Отличительной чертой теледискурса и жанра кино Соединенного королевства является высокий уровень классического образования у большинства британских актеров. Кроме того, многие из них начинали с театра

и, несмотря на приобретенную популярность мирового масштаба, продолжают играть в театре, озвучивать книги и проекты на радио. Необходимо упомянуть о изначальной связи телевидения радио, характерной для Великобритании: первый Британский телеканал BBC берет начало из радио, и до сих пор в стране выходят радиопостановки, самые популярные из которых становятся телепрограммами [1].

В 2009 году было установлено, что телезрители проводят в среднем 3,75 часа у экранов и слушают радио 2,81 часа. Главные каналы BBC составляли 28,4% всего просмотра, три важнейших независимых канала – 29,5%, остальные цифровые и спутниковые каналы – остальные 42,1%. Уровень продажи газет снизился с 1970х годов, в 2009 только 42% населения читали ежедневную национальную газету. В 2010 году 82,5% населения стали пользователями сети Интернет, наивысшее количество среди 20ти стран с наибольшим числом пользователей в данном году [3]. Для сравнения, Bushman и Huesmann (2001) представляют данные об Америке: в 1950х годах телезрители проводили за просмотром 4,5 часов в день, в 1998 – 7, 25 часов [6].

В статье, посвященной анализу телевизионной картины мира, Е.А. Кожемякин говорит следующим образом: «Любое техническое средство коммуникации (печать, радио, телевидение) обладает особым кодом, влияющим на структуру сообщения» [2, с.47].

И действительно, специфика основных категорий масс-медиа состоит в том, что все они являются инструментом общения, а значит, находятся под влиянием социального контекста ситуации, в то же время, влияя на формирование этой ситуации и на ее содержание. Иными словами, проявляясь в вербальной форме, масс-медиа одновременно определяют и предопределяют коммуникацию и ее речевое оформление. В предисловии к книге «Telecinematic Discourse», изданной в 2011 году, авторы Roberta Piazza (США), Monika Bednarek (Австралия), Фабио Росси (Италия) говорят о роли теле- и кинодискурса следующим образом: «Телекинотексты реогранизуют и заново

создают язык по-своему (наряду со временем и пространством) и с учетом особых социокультурных традиций и медиа логики» [4, с. 1].

Так, примером может послужить явление, описанное в статье Дж.Стюарт-Смит, К. Тимминс, Гв. Прайс и Б. Гантер. Авторы рассматривают влияние телевизионной мыльной оперы «EastEnders» как одного из стимулов для возобновления тенденции к th-fronting и l-vocalization в говоре г. Глазго. Результаты исследования показали, что «толчком к изменениям послужил ряд процессов: постоянное перемещение и в то же время диффузия через контакт с диалектами; местные социальные значения для говорящих, содержащиеся в этих вариантах; сильная вовлеченность в просмотр любимой ТВ-драмы. По крайней мере, для этого сообщества, сопереживание популярному сериалу является дополнительным фактором в стремительной языковой диффузии» [6, с. 502].

В 90е годы такие произносительные черты, как th-fronting и l-vocalization присутствовали в речи шотландкой молодежи, принадлежащей к рабочему классу. В наши дни с возобновлением данной тенденции складывается мнение, что шотландская молодежь начинает ассоциировать себя с жителями южного Лондона. Подобные явления, в частности, подражание речи популярных киногероев или адаптация вариантов к собственному произносительному паттерну элементов речи, звучащей с телеэкранов, были описаны ещё в 80х годах П. Траджиллом и в 90х Керсвилл. Было установлено не только влияние ТВ-контента на языковые изменения, а также «сильная психологическая вовлеченность» [6, с. 504], находящая отображение в мировоззрении молодежи. Исследователи указывают на роль социального взаимодействия как «места, где происходит лингвистическое изменение» [6, с. 504]. Во времена широкого распространения стандартизированной нормы языка по национальному телевидению, вопреки ожиданиям, не наблюдалось массового сдвига в речи среднего класса в сторону усвоения стандартных языковых норм; в противовес этому, многочисленные исследования зафиксировали в семидесятых годах прошлого века развитие местных диалектов. Дедиалектализация – ещё одно

заслуживающее внимания явление, наблюдаемое после Второй Мировой войны в Европе, когда мобильность населения резко усилилась и для того, чтобы быть понятыми там, где волей судьбы они оказались, люди в произносительном аспекте речи переживали «размывание» и даже «стирание» черт того или иного диалекта [6, с. 507]. Примеры подобных языковых процессов имеют в некотором отношении общий социолингвистический контекст: во-первых, местный региональный диалект или диалекты демонстрируют существенно отличную от стандартного варианта языковую систему; во-вторых, стандартный вариант обычно обладает более высоким престижем, чем местные диалекты; в-третьих, подобные языковые и социальные отличия обычно гораздо далеки от уровня полной осведомленности о них и сразу же попадают в список диалектов. В-четвертых, в обществе существует распространенное мнение, что носители диалекта, использующие нормированную форму языка, пытаются активно подражать стандарту, найденному в масс-медиа (П.Траджилл) [6, 509]. Практика социолингвистических исследований в данном контексте свидетельствует о том, что средства вещания могут играть роль в структурных языковых изменениях, приводящих к стандартизации диалекта. Но, также явно то, что такое влияние и взаимосвязь, даже являющееся полностью признанным фактором, не обязательно легко установить.

Лингвистическое изменение всегда начинается с определенной социальной группы либо в определенном географическом регионе. Стремительные языковые изменения являются следствием комбинации ряда факторов, срабатывающих одновременно, от фрагментации социальных сетей и усиления возможностей географической мобильности до ассоциации социальных смыслов с вариативностью в пределах деятельности человека в обществе и развития социального самоопределения. О роли ТВ, как о дополнительном факторе, заставляет задуматься процесс языковых изменений, одновременно происходящих на территориях, находящихся на большом расстоянии друг от друга или от предполагаемого источника этих изменений

при том, что возможность прямой коммуникации является ограниченной. Подобную дистрибуцию рассматривают как реальную только тогда, когда она затрагивает грамматический уровень в языковой системе, и содержит перенос социальных смыслов сообществом-преемником данных изменений [6, 509].

Примером того, как языковая ситуация в обществе влияет на формирование теледискурса, может быть показ телесериала «Друзья» в Америке. Исследователи отметили использование слов *really*, *totally*, *so* всеми участниками сериала, но особенно частым являлось употребление *so* лицами женского пола вслед за соответствующей тенденцией в обществе.

Влияние средств массового вещания (*broadcasting media*) на социальное поведение является объектом многочисленных исследований, имеющих психологическую базу. На данный момент область взаимодействия языка и СМИ является перспективной и малоизученной.

Подобно тому, что телевидение как средство массовой информации является одним из факторов, порождающих лингвистическое изменение, в результате исследований социологов установлено, что телевидение не является единственной причиной роста насилия и агрессии в обществе, а лишь одной из возможных причин. Так, если масс-медиа задействованы в языковом изменении, то их роль является ограниченной, и проявляется в четко обозначенном взаимодействии с другими социальными факторами. Переменные находятся под влиянием языковых (окружение фонетическое и лексическое) и социальных факторов (психологическое, эмоциональное состояние) [6, с. 507].

Что касается изучения языковых изменений в г. Глазго по причине воздействия ТВ, теледраму «EastEnders» смотрела треть населения Великобритании, зрители были вовлечены в ход сюжета эмоционально и психологически. Язык сериала исследователи обозначили как *media-Cockney* [6, с. 515].

Чтобы выявить зависимость языковых изменений от просмотра ТВ-программ, содержащих интересующие произносительные переменные в речи

участников, исследователи поставили целью охватить различные аспекты общественной деятельности, которые могли бы гипотетически являться источником данных изменений: возможности диалектного контакта информантов, их деятельность в обществе и повседневный образ жизни, отношение к городским акцентам и вовлеченность в просмотр телевидения.

Исследователи установили положительную корреляцию между частотностью фонетических изменений *th-fronting* и *l-vocalization*, которые имеют развитие в речи молодежи Глазго с влиянием телевидения, и, в частности, с их психологической вовлеченностью в сериал «EastEnders». Этот фактор воздействия был установлен независимым от социальной жизни молодежи и повседневных занятий, то есть от фактора, который является первостепенным в формировании двух вышеуказанных фонетических явлений. Таким образом, ТВ является одним из факторов, порождающих и приводящих в запуск механизм лингвистических изменений, однако это вовсе не значит, что он является обязательным, неотъемлемым, первостепенным или решающим.

Изучение влияния телевидения на формирование произносительной нормы и влияния ТВ на речь телеаудитории как средства массовой информации, обеспечивающего устную коммуникацию в односторонней форме, является важным и необходимым в русле современных социолингвистических исследований, так как позволяет понять природу, характер и механизмы речевых изменений на современном этапе существования языков мира.

Список использованных источников

1. *Как устроено ТВ в Великобритании* [Электронный ресурс] // 9.02.2012 – Режим доступа: URL: <http://peremotka.co/places/141> (дата обращения 10.06.2017).
2. *Кожемякин Е. А.* Телевизионная картина мира: некоторые тенденции конструирования телереальности // Сборник научных работ II научно-практической конференции «Дискурс современных масс-медиа в перспективе теории, социальной практики и образования», II международный научный семинар «Актуальные проблемы современной медиалингвистики и медиакритики в России и за рубежом». Белгород, НИУ «БелГУ», 5-7 октября 2016 г. – С. 46-54.
3. *Media of the United Kingdom* [Electronic Resource] // – Mode of access: URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Media_of_the_United_Kingdom (дата обращения 10.06.2017).
4. *Piazza R., Bednarek M., Rossi F.* Telecinematic Discourse. Approaches to the language of films and television series // John Benjamins Publishing Company. – 2011, 315 p.

5. *Presenting: looking and sounding your best* [Electronic Resource] // 2.07.2013 – Mode of access: URL: <http://www.bbc.co.uk/academy/journalism/article/art20130702112133445> (дата обращения 10.06.2017).
6. Stuart-Smith J., Pryce Gw., Timmins C., Gunter B. Television can also be a factor in language change: evidence from an urban dialect // *Language* / University of Glasgow, United Kingdom, 2013. – Volume 89, №3 (2013). – p. 501-536.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ КОЛЛОКАЦИИ С НАЗВАНИЯМИ ЭМОЦИЙ КАК СРЕДСТВО ВЫЯЖЕНИЯ ЛОКАТИВНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

Осадчук Наталья Владимировна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Настоящая статья посвящена метафорическим сочетаниям (коллокациям), включающим в себя идею пространства и имеющим в своем составе аффектив (название чувства или эмоции). Выделены две метафорические структуры, связывающие аффект и субъект: первая-статическая- представляет субъекта в некой массе, в субстанции, например, "il page dans la joie"; вторая - динамическая, передающая манеру, при которой аффект воздействует на субъект, например, "la tristesse le submerge".

Ключевые слова: локативность, метафора, аффектив, коллокация.

Во всех языках мира существует система, которая представляет собой категорию пространства (локативность), при этом средства презентации этой системы пространственных отношений в разных языках отличаются друг от друга, ибо обусловлены национальными картинами мира.

А. В. Бондарко дает следующее определение локативности: "Локативность трактуется нами как семантическая категория, представляющая собой языковую интерпретацию мыслительной категории пространства, и вместе с тем как ФСП (функционально-семантическое поле), которое охватывает разноуровневые средства данного языка, взаимодействующие при выражении пространственных отношений" (1, с.5).

Как показывают многочисленные исследования на материале разных языков, локативность выражается в них самыми разными способами (лексическими, морфологическими, синтаксическими и др.) и характеризуется семной организацией. Вхождение лексических единиц в поле пространственности обосновывается архисемой "место, пространство". Во многих языках мира локативные значения представлены следующими случаями:

- 1) архисема локативности: имплицитно содержится в словах, называющих место, пространство, то есть в именах существительных событийной локации,

наречиях со значением признака по месту, глаголах, обозначающих расположение в пространстве;

2) сема локальности передается также предлогами;

3) сема директивности: имплицитруется в бесприставочных глаголах движения, обозначающих пространственную динамику;

4) сема параметричности: имплицитруется в словах, обозначающих форму, размер, величину, протяженность, расстояние.

В данной статье приводится фрагмент исследования метафорических пространственных коллокаций с компонентом названием эмоции – аффективом.

Будучи полуустойчивыми выражениями, коллокации относятся к промежуточному уровню между лексикой и дискурсом (речью). В толковых словарях они часто представлены в примерах, а не в дефиниционной статье, что позволяет говорить о тенденции к их *лексикализации (фразеологизации)* и исследовать их метафорическую структуру как явление, отраженное в языке.

Интерес к описанию эмоциональной лексики, возникший в 60-ых годах прошлого века, реализовывался в двух плоскостях – смысловой и метафорической. В нашем исследовании мы учитываем прежде всего метафорическую сочетаемость слова, опираясь на подходы Дж. Лакоффа и М. Джонсона и соглашаясь с тем утверждением, что "эмоция практически никогда не выражается прямо, но всегда уподобляется чему-либо" (4). Именно поэтому в лингвистике наиболее релевантным считается описание эмоций через метафоры, в которых эти эмоции концептуализируются в языке. Когда исследователи пытаются описать лексически какую-либо эмоцию (или аффект в общем смысле), они действительно часто прибегают к метафорическим матрицам различного характера. По-французски, к примеру, можно сказать, что "on sent l'angoisse monte en qqn", "la colère le submerge", "qqn déverse sa haine sur qqn" и т.д.

В данной статье представлены лишь некоторые из групп метафорических коллокаций, выявленных в различных французских романах (157 текстов), взятых из Frantext. Например, *метафора локализации эмоции*:

Colère: demeure en qqn, habite en qqn

Joie: est en qqn

Tristesse: demeure en qqn, habite en qn

Здесь приведены глагольные конструкции, которые уточняют аспектуальное значение глагола, но в метафорическом плане характеризуются тем, что представляют аффект как "обитателя", который поселился в ком-то.

Данный процесс можно описать как статический, хотя сам аффект мог бы показаться изначально динамичным, например, "se mettre en colère".

Метафора интрузии (движения снаружи внутрь). В данную группу включены следующие примеры:

Joie: pénètre qqn, s'installe en qqn, envahit qqn.

Tristesse: pénètre qqn, s'insinue en qqn.

Peur: s'installe en qqn.

Аффект (страх, грусть и др.) представлен здесь как проникающий в пространство тела субъекта: языковые выражения передают преодоление некой границы или препятствия, переход снаружи внутрь.

Метафора "вместилища".

Colère: remplit qqn, contenir sa colère, remplir qqn de colère, être plein de colère.

Joie: remplit qqn, contenir sa joie, comble, empli, rempli de joie, emplir qqn de joie.

Tristesse: remplit qqn, être plein de tristesse, emplir qqn de tristesse.

Peur: emplir qqn de peur.

В группе метафор "*вместилища*" индивид является как бы сосудом для какой-либо эмоции (être plein de colère).

"Жидкая" метафора

Colère: vague de, flot de colère, submerge de colère.

Joie: flot de joie, inonde qqn.

Peur: submerge qqn, baigner dans la peur, plonger dans la peur, inondé de peur, inonder de peur.

Tristesse: submerge qqn, submerge de tristesse, plonger qqn dans la tristesse.

В "жидких" метафорах аффект представлен как некая масса, субстанция, в которой находится индивид, и которая окутывает индивида частично или полностью: la joie submerge qqn, plonger dans la tristesse, nager dans la joie.

Метафорические структуры подобного рода служат, главным образом, для того, чтобы описать сам аффект (страх, радость и др.). Аффекты в них подвержены вариациям, изменениям степени интенсивности. К примеру, "жидкие" метафоры, равно как и метафоры, относящиеся к огню, очень продуктивны: bouillonner de colère, sa rage se refroidie/fond/s'éteint/s'enflammer de colère и др. Здесь предметом обсуждения может стать также трансформация материй или трансформация качеств. Также можно отметить переход от горячего к холодному или даже к ледяному, как это показано некоторыми адъективальными сочетаниями, которые играют на контрасте таких как joie froide.

Кроме того, такие метафорические коллокации могут показывать отношения между аффектами и индивидом. К примеру, в группе метафор интрузии аффект представлен как агент действия, который прямо воздействует на индивида. Он рассматривается как вторгающийся, проникающий в телесное или ментальное пространство последнего. Языковые выражения этого типа в таком случае могут передавать пересечение границы или преодоление препятствия, переход от внешнего к внутреннему, например: la peur l'envahit, la peur s'empare de lui. Пространственные глаголы здесь конкурируют с глаголами, которые таковыми по сути не являются ('s'emparer, saisir).

В заключение отметим, что некоторые из описанных выше структур выполняют лишь лексические функции, позволяющими выразить

интенсивность, или некоторые другие аспектуальные значения.: *qqn est rempli de tristesse* означает то же, что и *il est triste*. Однако это поле является весьма специфичным, и пространственная мотивация здесь играет большую роль.

Список использованных источников

1. *Бондарко А.В.* Локативность // Теория функциональной грамматики. Локативность. Бытийность. Посессивность. Обусловленность. - Л.: Наука, 1971. - 5-46.
2. *Борисова Е. Н.* Коллокации. Что это такое и как их изучать. _М.: 1996.
3. *Голованивская М. К.* Ментальность в зеркале языка. Некоторые базовые концепты в представлении французов и русских. - М.: Языки славянской культуры, 2009.
4. *Лакофф Дж., Джонсон М.* Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры, М, 1990. С. 393
5. *Федосеева Л. Н.* Категория локативности в современном русском языке: дис. ... доктора филол. наук. Москва, 2013. 450с.
6. *Шаховский В. И.* Языковая личность в эмоциональной коммуникативной ситуации // Филологические науки, 1998, № 2. - с.59-65)
7. *Gingras René.* Localisme et sémantique lexicale// *Linguisticae investigationes*, XIX: 1, 1995, 83-85.
8. *Vaguer Céline.* Pourquoi sombre-t-on dans le malheur. Lidil, 2005.

ПРИМЕНЕНИЕ КВАЛИТАТИВНЫХ И КВАНТИТАТИВНЫХ МЕТОДОВ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Рак Александра Николаевна

преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Рассматриваются качественные и количественные методы исследования, описываются их основные характеристики, цели применения, дается сравнительный анализ целесообразности их применения в лингвистических исследованиях, делается вывод о необходимости использования смешанных процедур.

Ключевые слова: лексическое значение, количественный метод, качественный метод, количественная лингвистика.

Язык как системно-структурное образование подразделяется на отдельные подсистемы, называемые уровнями, которые представлены соответствующими единицами – фонемами, морфемами, лексемами, синтагмами. Эти единицы характеризуется определенными качественными и количественными признаками, которые исследуются с помощью соответствующих методов: качественных и количественных. Актуальность предлагаемого исследования обусловлена непрекращающимися дискуссиями о возможности применения в лингвистике количественных и качественных методов и целесообразности их сочетания.

Согласно В. В. Левицкому, лексическое значение является «структурированной целостностью, где эмоциональное неотделимо от рационального, логического, а логическое – от собственно языкового – синтаксического» [5, с. 80]. Существуют различные типы значений, которые систематизируются на основе классификационных признаков. Каждый из типов значений изучается в современной лингвистике с помощью определенных методов, позволяющих наиболее полно и адекватно вскрыть и описать соответствующую единицу анализа. Целью статьи является сопоставительная

характеристика качественных и количественных методов, применяемых в лингвистических исследованиях.

Как утверждает В. В. Левицкий, «в зависимости от целей и задач, которые ставит перед собой лингвист при изучении явлений языка и речи в осуществляемом им исследовании могут применяться либо качественные, либо количественные методы анализа, либо и те, и другие в равной степени, либо преимущественно первые или вторые. Могут возникнуть также задачи (особенно при анализе текста), которые не могут быть выполнены иначе, как с помощью количественных методов» [5, с. 109]. Качественный анализ языка [5, с. 108-109], представляет собой не что иное, как категоризацию, т.е. выделение в языке классов явлений, объединенных определенными качественными признаками. Этими явлениями (категориями) могут быть, как показано выше, единицы языка (фонемы, морфемы, лексемы), грамматические категории, грамматические способы (аффиксация, словосложение, редупликация и т.п.), типы слов (знаменательные, служебные; вульгаризмы, диалектизмы; архаизмы, неологизмы и т.п.), типы предложений (сложные, простые; сочинительные, подчинительные и т.д.). Понятие «качественный анализ языка» включает в себя огромное число самых разнообразных операций и может истолковываться по-разному в зависимости от представлений и специализации того или иного исследователя. Например, «качественный анализ языка» понимается неодинаково специалистами в области экспериментальной фонетики, с одной стороны, и в области стилистики или прагматики, с другой [5, с. 112-115]. Качественный метод, как правило, требует интерпретации событий с точки зрения включенного наблюдения, когда исследователь является непосредственным участником изучаемого процесса.

Количественные исследования – исследования, которые в основном полагаются на ряд количественных данных. Корректные количественные данные придают исследованию логическую стройность и убедительность. Наиболее активно занимаются количественным анализом языка и речи математическая

лингвистика, квантитативная лингвистика, статистика речи, лингвостатистика. Существуют отдельные области лингвистических исследований, которые обладают в большей степени теми или иными признаками, так, например, речь и ее письменное воплощение – текст обладают значительным количеством признаков, поддающихся именно количественному анализу.

Необходимо отметить, что любая категоризация, т.е. качественный анализ языка, неразрывно связана с квантификацией языка, т.е. его количественным анализом. Более того, можно сказать, что точные исчисления, структурированное представление качественных признаков являются необходимыми составляющими любой научной работы.

Как показано в работах Р. Г. Пиотровского [9, с. 8-11], в самом математическом аппарате, точнее, в совокупности математических методов можно условно различать «количественные» и «неколичественные» методы [Там же, с. 8-11]. С помощью неколичественных методов (теория множеств, теория алгоритмов, математическая логика) целесообразно изучать, прежде всего, систему языка. Этот раздел науки получил название «комбинаторная лингвистика» [Там же, с. 8]. С помощью количественных методов целесообразно исследовать речь (текст). Это второе направление называют «квантитативная лингвистика».

В.В. Левицкий утверждает, что в лингвистических работах, какой бы уровень языка или текста ни был в них объектом изучения, количественные методы играют вспомогательную роль при осуществлении собственно лингвистического («качественного») анализа. В целом можно полагать, что количественный анализ помогает исследователю ответить, прежде всего, как устроен изучаемый объект. Главная же цель качественного анализа заключается в установлении причинных отношений между изучаемыми явлениями.

Сравнение использования количественных и качественных методов показывает ряд существенных различий. Следует начать с целей качественного и количественного методов. Если для первого целью является полное и

детальное описание, исследуемого явления, то для второго – классификация признаков, их подсчет и построение статистической модели для объяснения рассматриваемого предмета. При качественном анализе исследователь может только поверхностно знать, что он ищет, тогда как, при количественном анализе исследователь чётко знает это заранее. Кроме того, используя количественный анализ, заранее также тщательно рассчитаны все аспекты исследования, что несвойственно качественному методу, при котором расчет возникает, когда исследование уже разворачивается. Рекомендуемая практика использования этих двух видов анализа заключается в следующем: на начальных этапах исследования следует использовать качественный анализ (данные находятся в форме слов, картинок и предметов), а количественный анализ, где данные представлены в форме чисел и статистических выкладок использовать позже.

Таким образом, сведения, полученные качественным методом, более обширные, трудоёмкие и редко обобщены, сведения полученные благодаря использованию количественного метода более репрезентативны, способствуют верификации гипотез, но в них может нехватать вытекающих из контекста деталей.

Количественный метод, в отличие от качественного, не требует от исследователя быть лично участником эксперимента или определенной процедуры, но требует точных исчислений, анализа целевых понятий и использования опросов, анкет и т.д. Нередко качественный анализ, основанный на полученных количественных данных, позволяет выявить, описать и измерить новые содержательные категории, обнаружить которые невозможно без использования специальных статистических приемов. Это относится, в частности, к таким понятиям, как «символический потенциал звука» в противоположность «символической активности шкалы» и «символической активности разных полюсов шкалы» [7, с. 39-43], или к таким понятиям, как, например, «интенсивность (теснота) сочетаемости», «избирательность сочетаемости» [6, с. 63-67], «коннотативный потенциал» лексических единиц

[2], «селективность авторского стиля» и «стиледифференцирующий потенциал элемента текста» [3, с. 41].

Существуют как преимущества, так и недостатки обоих подходов: в одних случаях представляется, что количественные данные затмевают качественную сторону изучаемого объекта; в других случаях кажется, что качественный анализ грешит неточностями, приводит к плохо обоснованным или неверным выводам и пестрит часто противоречивыми рассуждениями о свойствах изучаемого объекта. Однако, и качественный, и количественный анализ необходимо провести в соответствие с целями, задачами, материалом и результатами конкретного исследования [5, 115]. Отношение к квантитативным методам в языкознании мотивировано вовсе не научными, а психологическими причинами [4, с. 201]. Так, например, в западной лингвистической школе способом реабилитации и повышения престижа качественных методов в глазах научной общественности была избрана критика количественных методов как таковых. [10, с. 15]. Проведенный сопоставительный анализ квалитативных и квантитативных методов исследования можно представить в следующей Таблице 1.

Таблица 1

*ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ КВАНТИТАТИВНЫХ, СМЕШАННЫХ И
КВАЛИТАТИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ*

	Квантитативные исследования	Смешанные исследования	Квалитативные исследования
Научный метод	Дедуктивный Исследователь проверяет гипотезы и теории данными	Дедуктивный и индуктивный	Индуктивный Исследователь создаёт новые гипотезы и обоснованные теории из данных, полученных в течение исследования.

Общие исследовательские цели	Описание, объяснение и прогноз	Разнообразные цели	Описание, исследование, раскрытие темы.
Фокус(ировка)	Узкий угол, тестирование конкретных гипотез	Различный	Широкий угол, исследование глубин явлений, с целью лучше их изучить.
Природа наблюдения	Попытка изучения под контролируруемыми условиями.	Изучение в более чем одном содержании и условиях	Изучение в естественной среде.
Форма собираемых данных	Сбор количественных данных, основанных на точных исчислениях, используя структурированные и проверенные данные (шкалы, подсчеты, пропорции, ассоциативные матрицы).	Различные формы.	Сбор качественных данных (интервью, наблюдения участника, открытые вопросы, заметки).
Анализ данных	Определить статистические связи.	Количественный и качественный.	Поиск примеров, тем и целостных характеристик.
Результаты	Обобщенные результаты.	Обобщаются подтвержденные результаты.	Узкие результаты; презентация инсайдерской точки зрения и различных перспектив.
Форма итогового отчета	Статистическая (соотношения, сравнение значений,	Электрическая и прагматическая.	Изложение фактов с контекстуальным описанием и прямыми

	статистическая важности исследования).		цитатами участников исследования.
--	--	--	--------------------------------------

Таким образом современные лингвистические исследования предполагают неизолрированное, гибридное использование квантитативных и квалитативных методов в зависимости от приоритетных целей исследования.

Список использованных источников

1. *Алефиренко Н. Ф.* Спорные проблемы семантики / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Гнозис, 2005. – 326 с.
2. *Кислицына Н. Н.* Асимметрия реализации коннотативного потенциала лексем-эквивалентов английского и русского языков. Известия Южного федерального Университета. Филологические науки. – Ростов-на-Дону. – № 2. – 2016. – С.233-240. ВАК РФ .
3. *Кобозева И. М.* Лингвистическая семантика / И. М. Кобозева. М.: Эдиториал, 2000. – 350 с.
4. *Кун Т.* Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1977. – 300 с.
5. *Левицкий В. В.* Семасиология / В. В. Левицкий. – Винница: Нова Книга, 2006. – 512 с.
6. *Левицкий В. В.* Статистическое изучение лексической семантики. Учебное пособие / В. В. Левицкий. – Киев: УМК ВО, 1989. – 156 с.
7. *Левицкий В. В.* 1998. Звуковой символизм. Основные итоги / В. В. Левицкий. – Черновцы, 1998. – 130 с.
8. *Налимов В. В.* Теория эксперимента / В. В. Налимов. – М.: Наука, 1971. – 207 с.
9. *Пиотровский Р. Г.* К вопросу о методах лингвистического исследования / Р. Г. Пиотровский. – М.: Наука, 1997. – 134 с.
10. *Schlobinski P.* Empirische Sprachwissenschaft / P. Schlobinski. – Opladen: Westdeutscher Verlag GmbH, 1996. – 230 с.
11. *Qualitative* Versus. – Режим доступа: <http://www.wilderdom.com/research/QualitativeVersusQuantitativeResearch.html>

THE USE OF QUANTITATIVE AND QUALITATIVE METHODS IN LINGUISTIC RESEARCH

Summary. Qualitative and quantitative methods of research are considered, their main characteristics and purposes of application are described, comparative analysis of the expediency of their application in linguistic studies is given, the conclusion is made about the necessity of using mixed procedures.

Key words: lexical meaning, quantitative method, qualitative method, quantitative linguistics.

СРЕДСТВА РЕАЛИЗАЦИИ СТРАТЕГИИ ПОХВАЛЫ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ВИРТУАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Рыжикова Марина Дмитриевна

кандидат филологических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»

Аннотация. Актуальность современных исследований речевой деятельности обусловлена разнообразием «особенностей ее использования в разных ситуациях общения, разных социальных группах и культурах» [7, с. 8]. Перефразируя определение Г. Г. Почепцова [6, с. 14], коммуникация в данном случае понимается как единство вербального и невербального и характеризуется, вслед за Л. С. Павлюк, «персуазивной природой» [4, с. 121], а изучение ее функциональных типичных черт предполагает анализ как средств, так и самого процесса убеждения [5, с. 122]. В представленной работе одним из таких способов аргументации представляется похвала, которая выделяется как отдельная коммуникативная стратегия О. С. Иссерс [3, с. 117]. Виртуальная коммуникация классифицируется как самостоятельный вид общения согласно критерию сферы употребления, предложенному А. Д. Беловой [2]. Несмотря на ряд филологических разработок в исследуемой проблемной области (работы О. В. Лутовиновой, Д. В. Иванова, Л. Ю. Щипицыной, А. А. Заморкина, Е. И. Горошко, Е. А. Жигалиной, Л. А. Капанадзе, Л. Ф. Компанцевой и др., освещающие, в основном, общую характеристику и типологию жанров виртуального дискурса), на данный момент отсутствует лингвистический анализ похвалы в качестве коммуникативной стратегии в данной сфере общения.

Ключевые слова: лаудация, виртуальный дискурс, англоязычная коммуникация.

Цель исследования заключается в определении языковых способов выражения лаудации в виртуальном дискурсе на примере английского языка. Материалом анализа послужила сплошная выборка персональных объявлений на американском сайте знакомств за период 2010-2015 гг., общим количеством 300 текстов. Поставленная цель достигается путем решения следующих *задач*:

- выявить похвальные высказывания в материале исследования;
- классифицировать выделенные приемы согласно языковым уровням.

Методика исследования основана на использовании метода контент-анализа, анализа дискурса, а также социолингвистических методик.

В результате исследования было установлено, что коммуникативная стратегия похвалы реализуется посредством лексических, морфологических, синтаксических, риторических и графических средств. Классификация таких

приемов осуществлялась на базе предложенных вариантов Л. И. Мацько (риторические тропы и фигуры) [4, с. 139-140] и И. В. Арнольд (все остальные) [1].

Среди лексических лаудативных способов отмечены следующие:

1) имена существительные (*man, gentleman, star, humor, country boy, addict, lover of life, creature, passion, attraction; thinker, planner, believer, good-listener*), например (прим.: орфография – автора объявления): «*What is it with 24? i'm such an addict - always off on monday night!*»;

2) имена прилагательные, усиленные интенсифицирующими наречиями типа *very, especially, really, pretty, most, too, charmingly* и т.п., например: «*wildly enthusiastic, fairly eclectic, very honest, incredibly fortunate, extremely royal, a little shy, easily pleased*» / «*I still get wildly enthusiastic about little things...I play with leaves. I skip down the street and run against the wind*»;

3) экспрессивные глаголы *to enjoy, to love, to like, to relax, to adore*, например (прим.: орфография – автора объявления): «*I adore shopping, but then what woman doesn't?*».

Морфологические средства включают использование:

1) превосходной степени сравнения имен прилагательных, например: «*I think the most important qualities that a man could give me is respect, honesty and loyalty*»;

2) настоящего и будущего неопределенного времени глаголов – The Present and Future Simple Tenses, например: «*There's nothing I won't do... I think I have a lot to offer and don't ask much in return*»;

3) эмфатических конструкций, например: «*I do work and I earn decent money...I do indeed enjoy exciting evenings...*».

Синтаксический уровень представлен как простыми распространенными предложениями (например, «*I'm really ardent about Nature and The Animal Kingdom and am a huge advocate of animal rights*»), так и сложными (как правило, с инфинитивными оборотами, например (прим.: орфография – автора

объявления): «*I treat people in a way I would like to be treated myself and most around me would say they know exactly where they stand with me*», «*I tend to be quite independant, but thats not to say, i would not accept help if needed*»). Кроме того, к синтаксическим особенностям следует также отнести наличие эллиптических предложений, например: «*Romantic. Fun, energetic and playful. Gentleman*».

Риторические тропы и фигуры насчитывают:

1) эпитеты, например: «*Violent, untrustworthy, difficult individual seeks pleasant lady combining style and own teeth*», «*I am a really easy going person but being honest I can also be difficult sometimes*»;

2) иронию, например: «*I ... keep myself fit (mostly, apart from beer)*», «*I'm quite an independent person and try to do most things for myself – unless there is a spider. Then I'm in a real trouble*»;

3) преувеличение, например: «*I can't live without music*»;

4) метафору, например: «*I believe laughter is the best medicine and I am always looking for an overdose... Music runs through my veins... I am a big lump of a lad*»;

5) литоту, например: «*I'm a bit of romantic*»;

6) противопоставление, например: «*I can be impractical and impulsive, but I am imaginative and dynamic*»;

7) анафору, например: «*I'm not into the whole chocolates & flower thing, or shopping. I'm not a girlie girl..., I am a bright, bubbly person... I am very social... I am an outgoing person...»;*

8) сравнение, например: «*I still feel as though I am 25 even though my passport says different*»;

9) метонимию, например: «*I am a wise passionate soul with a positive focus and drive*».

Помимо лингвистических средств, в ходе анализа было выявлено, что стратегия похвалы реализуется также и графическими, а именно: капитализацией (например: «*Loving, caring, Honest, sincere and open-minded Man. The Coolest Physics Teacher in an inner city school*») и восклицательными

предложениями (например: «*I'm a rock star!... Easy-going-fun-smiling-like to laugh!*»).

Данное исследование показало, что говорящий в виртуальной коммуникации может использовать цитату известной личности для того, чтобы выразить похвалу, например: «*"I'm selfish, impatient and a little insecure. I make mistakes, I am out of control and at times hard to handle. But if you can't handle me at my worst, then you sure as hell don't deserve me at my best"* (Marilyn Monroe)».

Виртуальная коммуникация (в частности, на материале персональных объявлений на сайте знакомств) характеризуется большим количеством лаудативных высказываний. Полученные результаты свидетельствуют о разнообразии языковых средств, которые служат выражению таких похвальных речевых актов. Лексические способы придают речи экспрессивности и эвалюативности. Морфологические приемы способствуют положительной оценке. Графические средства, синтаксические конструкции и риторические тропы и фигуры служат эмфатическими и образными аргументативными техниками.

Список использованных источников

1. Арнольд И. В. Лексикология современного английского языка. – М. : Высшая школа, 1986. – 464 с.
2. Белова А. Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці // Вісник. Іноземна філологія. – Вип. 32-33. – 2002. – С. 11 - 14.
3. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд. 5-е. – М. : Издательство ЛКИ, 2008. – 288 с.
4. Мацько Л. І. Риторика: Навч. посіб. / О. М. Мацько, Л. І. Мацько. – [2-ге вид., стер.]. – К. : Вища шк., 2006. – 311 с.
5. Павлюк Л. С. Риторика, ідеологія, персуазивна комунікація. – Львів : ПАІС, 2007. – 168 с.
6. Почепцов Г. Г. Теория коммуникации. – М. : “Рефл – бук”, К. : “Ваклер”. – 2006. – 656 с.
7. Яшенкова О. В. Основи теорії мовної комунікації: навчальний посібник. – К. : Академія, 2010. – 312 с.

ПРЕИМУЩЕСТВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ ЧЕРЕЗ СОДЕРЖАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ДИСЦИПЛИН В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Сахно Екатерина Михайловна

старший преподаватель;

Вазиновская Ирина Константиновна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Статья посвящается проблеме внедрения и использования инновационных педагогических технологий в высших учебных заведениях России. Проанализированы современные подходы к определению инновационных технологий предметно-языкового интегрированного обучения иностранным языкам, обоснована целесообразность использования инновационных методов в практике обучения иноязычному общению. Инновации в педагогике связаны зачастую с процессами в обществе, глобальными проблемами, интеграцией знаний и форм социального бытия. Основание и содержание инновационных образовательных программ (CLIL) составляет интеграция, сущность которой заключается в слиянии иностранного языка и определенного содержания профессиональных дисциплин. Использование современных инновационных технологий предметно-языкового интегрированного обучения иностранным языкам в процессе профильного обучения способствует повышению эффективности образовательных процессов, развитию личности, а также обеспечивает адаптацию обучающихся к реальным производственным условиям.

Ключевые слова: предметно-языковое интегрированное обучение, методика преподавания, иностранные языки, высшая школа.

Обучение иностранному языку через содержание профессиональных дисциплин (content-based instruction в терминологии американских исследователей и English across the curriculum, CLIL (Content and Language Integrated Learning) согласно терминологии, принятой в западноевропейских странах) является одним из ведущих направлений развития методики преподавания иностранных языков сегодня, особенно когда речь идет об обучении профессионально ориентированному иностранному языку. Однако наш опыт позволяет констатировать, что преподаватели иностранных языков российских высших учебных заведений недостаточно знакомы с данным подходом, который представляет значительный интерес как с теоретической, так и с практической точек зрения.

Поэтому целью данной публикации является рассмотрение теоретической сущности, преимуществ очерченного подхода преподавания профессионально ориентированных иностранных языков и способы отбора учебного материала для его реализации в процессе обучения иностранным языкам в высшей профессиональной школе преподавателями-практиками.

Многие ученые, которые изучают специфику преподавания профессионально ориентированного английского языка, в частности, Т. Hutchinson, А. Waters, Р. Ball, I. Mackenzie и другие пришли к выводу, что преподавание английского языка особого назначения не может не использовать методику и приемы преподавания в пределах той дисциплины, которую этот язык обслуживает. Мотивация студентов высшего учебного заведения к изучению иностранного языка непосредственно связана с их будущей профессией. Как считают Т. Hutchinson и А. Waters [5], профессионально ориентированный английский язык – это подход к преподаванию языка, в котором все решения относительно содержания и методики преподавания опираются на то, что именно побуждает обучающегося изучать данную дисциплину. Иными словами, как утверждает В. De Escorcía, содержание специальных дисциплин служит средством привлечения обучающегося к активному участию в освоении иностранного языка и повышения его мотивации. Тот факт, что обучающийся знаком с определенной профессиональной темой (иногда лучше, чем преподаватель-филолог), помогает ему почувствовать себя увереннее перед учителем, который традиционно давал ответы на все вопросы [4]; следовательно, у обучающегося есть больше оснований поверить в свой личный успех и сохранить мотивацию.

Обучение иностранным языкам через содержание специальных дисциплин как один из подходов к преподаванию предметно интегрированного иностранного языка становится более актуальным в российских учебных заведениях сегодня. Поэтому рассмотрим его теоретические основы и преимущества внедрения в учебный процесс.

Научная работа D. Brinton, M. Snow, M. Wesche «Обучение второму языку через содержание дисциплин» считается основополагающим исследованием по обозначенной проблеме обучения языку и общению через содержание других учебных дисциплин (content-based second language instruction) [1,2]. В своей работе ученые формулируют достаточно емкое определение такого подхода к обучению предметно интегрированному иностранному языку, на которое мы будем в дальнейшем опираться, а именно: обучение через содержание (content-based instruction) является интеграцией определенного содержания дисциплин с целями обучения иностранному языку / языков. Оно обеспечивает параллельное усвоение знаний по определенной (неязыковой) дисциплине, а также речевых навыков и умений, связанных с изучаемым языком и с общением на нем. Программа обучения иностранному языку тесно связана или даже непосредственно базируется на программе обучения определенной (неязыковой) дисциплины, так что последовательность усвоения языкового / речевого контента соответствует потребностям последовательного усвоения контента неязыковой дисциплины. В фокусе внимания обучающихся (а частично и преподавателя) находится усвоение экстралингвистической информации определенной (неязыковой) дисциплины посредством иностранного языка. Развитие чисто речевых навыков и умений осуществляется в этом процессе попутно, как побочный продукт процесса в целом. Таким образом, обучение через содержание устраняет существующий в большинстве специализированных учебных заведениях разрыв между обучением языку и обучением специальным (например, профессиональным) дисциплинам.

Принимая во внимание вышесказанное, можно утверждать, что базовыми принципами обучения иностранному языку через содержание специальных дисциплин в высшем учебном заведении являются следующие:

1. Иностранный язык используется как для обучения, так и для коммуникации, и она сама по себе является предметом изучения, что определяет языковые аспекты, которыми необходимо овладеть.

2. Язык интегрируется в общую программу высшего профессионального образования.

3. Результативность обучения студента повышается благодаря усилению мотивации и изучению аутентичной речи, которая употребляется в контексте и ситуациях реальной жизни или сферы его будущей профессиональной деятельности, что помогает студентам чувствовать себя более независимыми и уверенными в себе.

Существуют определенные типы задач и тренировочных упражнений, которые помогают обучающимся преодолеть сложности, возникающие в процессе обучения иностранному языку через содержание дисциплин даже несмотря на отсутствие лингвистических ресурсов. Одним из таких рекомендованных типов задач могут быть задачи, направленные на улучшение ассимиляции контента содержательных концепций с одновременным развитием коммуникативных стратегий. Такие виды упражнений помогают повторить уже пройденный материал. Значительное внимание должно уделяться видам учебных / тренировочных упражнений (это очень важно в процессе обучения иностранному языку через содержание дисциплин), которые развивают стратегии чтения / обработки информации, где тексты, обязательно аутентичные, концептуально и лингвистически насыщены.

Итак, обобщенными характеристиками учебного занятия, нацеленного на предметно-языковое интегрированное обучение являются: 1) интеграция языка с рецептивными и продуктивными навыками; 2) преимущественное использование аутентичных текстов для чтения и аудирования; 3) речь функциональная и определена контекстом предмета изучения; 4) лексическое наполнение превалирует над грамматическими конструкциями. Наиболее полноценно выше выделенные характеристики реализуются в таких типах упражнений, как: ролевые / деловые игры (симуляции), мозговые штурмы, анализ кейсов, дискуссии, проектная работа, поиск профессиональной информации на иностранных профессиональных интернет-сайтах с

последующей ее презентацией или написанием краткого академического отчета о результатах такого локального исследования и тому подобное. Такое овладение языком и общением рассматривается как дополнительный результат экстралингвистической деятельности, моделирующей будущую профессиональную деятельность обучающегося.

D. Coyle выделяет четыре базовых элемента такого учебного процесса – так называемые четыре «К» [3], а именно: 1. Контент – прогресс в знаниях, навыках и понимании связан со специфическими элементами определенной программы. 2. Коммуникация – использование языка для обучения одновременно с его изучением. 3. Когниция – развитие навыков мышления, которые сочетают в себе формирование концепции (абстрактной и конкретной), понимание и речь. 4. Культура – открытость к альтернативным перспективам и коллективному пониманию, которые углубляют понимание других и себя.

Резюмируя вышесказанное, можем сделать выводы, что внедрение концепции обучения иностранному языку через содержание специальных дисциплин в практику преподавания иностранного языка для специальных целей в высшем учебном заведении особого профиля имеет достаточно убедительный перечень преимуществ, в частности: знакомит обучающихся с культурным и профессиональным разнообразием; формирует положительное отношение к изучению иностранных языков, стимулируя повышенную мотивацию к обучению; подготавливает к дальнейшему автономному обучению и профессиональной деятельности, поскольку в процессе обучения создаются ситуации, в которых обучающиеся получают возможность самостоятельного «конструирования» собственных знаний, навыков и умений, которые изначально формируются как таковые, обслуживающие сугубо профессиональное общение на иностранном языке. Обучение иностранным языкам через содержание специальных дисциплин в высших учебных заведениях является положительной перспективной методикой, которая требует переосмысления традиционных подходов к преподаванию иностранных языков в целевых вузах.

Список использованных источников

1. *Ball P.* Activity types in CLIL [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: <http://www.onestopenglish.com/section.asp?theme=mag&catid> (дата обращения 13.10.2017).
2. *Brinton D. M.* Content-based second language instruction. New York : Newbury House Publishers, 1989. 241 p.
3. *Coyle D., Hood P., Marsh D.* CLIL : Content and Language Integrated Learning. GB : Cambridge University Press, 2010. 173 p.
4. *De Escorcia B. A.* Team Teaching for Students of Economics; a Columbian Experience // Common Ground : Shared Interests in ESP and Communication Studies. ELT documents. Pergamon Press & The British Council, 1984. – No. 117. – P. 135–143.
5. *Hutchinson T.* English for Specific Purposes : A Learner-centered Approach. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 315 p.
6. *Mackenzie I.* Content and Language Integrated Learning, Professional English, and the Future of ELT [Electronic Resource]. – Mode of access: URL: http://peo.cambridge.org/index.php?option=com_content&view=article&id=50:content-and-language-integrated-learning-professional-english-and-the-future-of-elt-&catid=2:general-articles&Itemid=8

THE BENEFITS OF LEARNING A FOREIGN LANGUAGE THROUGH THE CONTENT OF PROFESSIONAL DISCIPLINES IN HIGHER EDUCATION

Summary. The article deals with the problem of introduction and use of innovative pedagogical practices at higher schools of Russia. The modern approaches to the definition of innovative technologies for Content and Language Integrated Learning (CLIL) are analysed; the expediency of using innovative methods while teaching communication strategies in the foreign language is grounded. Innovations in teaching methods are often associated with certain processes in society, global problems, the integration of knowledge and forms of social life. The basis and the main issue of innovative educational programs (CLIL) is integration, the essence of which is the fusion of a foreign language and certain content of professional disciplines. The use of modern innovative technologies of Content and Language Integrated Learning in professional training leads to greater effectiveness of educational processes, personal development, as well as ensures the adaptation of trainees to real-life professional situations.

Key words: Content and Language Integrated Learning (CLIL), teaching methods, foreign languages, higher school.

SCIENCE-ART – НОВЫЙ ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ XXI ВЕКА

Сефер К. Э.

обучающийся

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. «Science-art» – новое пограничное явление между искусством и современными технологиям, обладающее многочисленными и разноплановыми средствами выражения художественных замыслов. Исследуемый феномен, в таком случае, следует рассматривать как наукоемкий и высокотехнологичный вид современного искусства. Сайнс-арт – это новый феномен культуры, стирающий границы научного и художественного воплощения различных сфер человеческой деятельности и явлений природы для зрителя.

Ключевые слова: Science-art, феномен современной культуры.

Цель и задачи исследования. Цель предпринятого исследования – анализ сущности «science-art» как нового феномена современной культуры.

Задачи исследования:

- выявить характерные черты и особенности, присущие данному уникальному феномену;
- сформулировать корректное определение сущности исследуемого явления.

Методика исследования. В ходе работы были использованы общенаучные и специальные методы, которые соответствуют задачам культурологического исследования: исторический, аналитический, дескриптивный метод и др.

Результаты исследования. Непосредственному изучению «Science Art» посвятили свои работы К. Зоммерер, А. Миллер, Л. Миньонно, Р. Эскотт, Д.Х. Булатов, С.В. Ерохин, О. Е. Левченко и др.

Российский исследователь феномена «сайнс-арт» (science-art) О. Е. Левченко интерпретирует его, как синкретический феномен культуры конца XX – начала XXI вв., который представляет собой разновидность актуального искусства, концептуализирующего научную проблематику художественно-игровыми средствами и реализующего свои проекты с помощью научно-технических и технологических разработок, выполняющих эстетическую, этическую, проективную и развлекательную функции» [4, с. 4]. Сайнс-арт возник в США в

1960 г., а название направления было сформулировано специалистом в области теории современного искусства Розалиндой Краусс в отношении творчества Дэвида Смита, представителя абстрактного экспрессионизма в скульптуре [4, с. 83 – 131].

Среди «предшественников» «science-art» исследователи выделяют такие направления в художественной культуре XIX – XXI вв., как прерафаэлитизм, импрессионизм, пуантилизм, ар-нуво, модерн, кубизм, футуризм, медиа-арт и поп-арт, движение «Флюксус», перформанс, концептуальное, механическое, оптическое и цифровое искусство, пространственные панорамы, алгоритмическая живопись, кинетическая и роботизированная скульптура, киберпанк, саунд-арт, видео-арт, цифровая проекция с использованием 3D технологий и морфинг, которые воплощают идею диалога науки и искусства.

Именно развитие науки предоставило деятелям художественной культуры новые возможности для выражения творческих идей, новые технологии позволили не только оптимизировать создание произведений, но и сделать их яркими, необычными, запоминающимися и поражающими воображение. В связи с этим меняется и специфика творца произведения искусства: выходя в поле научных проблем и включая в художественный язык новые технологические средства, он перестает быть только художником, но выступает одновременно и как ученый [1].

Сайнс-арт – это новаторское решение в передаче художественного замысла, источником которого является единство науки и природы. Зритель получает возможность переосмыслить и переоценить свое место в природе и в технизированном мире. Исследуемый феномен апеллирует к гуманизму, к ценности самого человека, которому необходимо единение с природой, несмотря на стремительное развитие технического прогресса. Растущий интерес к сайнс-арту обусловлен тем, что его творцы помещают привычные для зрителя объекты в совершенно новую непривычную среду, конструируя необычные, впечатляющие воображение инсталляции. Воплощение художественных замыслов в контексте сайнс-арт многогранно, так как объектами воплощения являются не только созданные человеком артефакты, но и природные явления:

облака, водовороты и т.д. («водовороты» сэра Аниша Капура, «облака» Берндаута Смайлда). Зритель получает возможность стать ближе к природе, но реализуется данная возможность в особой форме слияния с искусством и современными технологиями. Очевидно, что сам феномен «сайнс-арт» представляет собой синтез общечеловеческого потенциала, науки и искусства. Область реализации художественных идей в пространстве исследуемого феномена культуры постоянно расширяется, т.к. практически все виды искусства и многие научные достижения становятся объектами сайнс-арта [3].

Таким образом, возникает проблема определения данного феномена. За весь период существования данного вида актуального искусства сформировалась терминологическая путаница: некорректная интерпретация и употребление термина «сайнс-арт» усложняет понимание его сущности. О.Е.Левченко проанализировала все понятия, употребляющиеся относительно исследуемого вида актуального искусства и выявила корректность и меру допустимости их использования, что позволило определить их взаимосвязь с сущностью сайнс-арта. О.Е.Левченко утверждает, что правомерно и полно сущность явления раскрывает термин «сайнс-арт» (прямая транслитерация с английского «science-art»). Часто можно заметить такой перевод термина «science-art», как «наукоемкое искусство», «научное искусство» или «искусство науки», что является в корне неверным. Это обусловлено известной практикой наименования направлений искусства по формуле «прилагательное+существительное»: «digital art» – цифровое искусство, «fractal art» – фрактальное искусство и др. Но данный принцип не работает для сайнс-арта, т.к. наука и искусство, в данном случае, находятся в позиции терминологического равенства по отношению друг к другу. Подобное равенство уникально и характерно только для данного типа актуального искусства. Следовательно, раскрывается главная сущность сайнс-арта – это не просто направление современного искусства – это целостный культурный феномен,

представляющий собой синтез двух важнейших областей человеческой деятельности – науки и искусства [2].

Являясь одним из направлений современного искусства («Contemporary Art»), «science-art» вобрал в себя его характерные черты: воспроизводимость, интерактивность, перформативность и концептуальность. «Science-art» так же интегрирует в себе как традиционные техники, выразительные средства и сюжеты произведений, так и нетрадиционные/инновационные формы (объекты различных сфер жизнедеятельности, современные научные технологии), стимулирует зрителей искать смысл и эстетическую ценность в наблюдаемых арт-объектах, становится со-авторами произведения искусства [1].

Слияние научной и художественной культуры привело к появлению совершенно необычных и поразительных «творений». Выделим наиболее яркие и неоднозначные из них: 1) «дышащий» дом архитектора Данте Бенини в Милане; 2) ухо Стеларка; 3) перформанс французской художницы Марион Лаваль-Жонтет «Да живет во мне лошадь»; 4) «дерево-люди»; 5) инженерный театр Максима Исаева; 6) «хор-маятник» Андре и Мишель Декостера; 7) проект «Nimbus» художника Бернднаута Смильде; 8) «водовороты» сэра Аниша Капура, 9) «Зеленый кролик» Эдурда Каца. На сегодняшний день вопрос о принадлежности произведений сайнс-арта к произведениям искусства не решен до конца, тем не менее «в процессе становления и развития творчества представителей «science-art» вырабатываются такие ключевые для художественного творчества понятия, как «эстетический субъект» и «эстетическая среда» [5, с. 66]. Используя достижения естественных и технических наук, экспериментируя с телом человека, выходя за границы зримого, «играя» с пространством, сайнс-арт ищет новые способы выражения и отражения мировосприятия новой, информационной, эпохи» [1].

«Science-art» – новый феномен культуры XXI в., возникший в результате конвергенции научно-технического знания и художественного творчества – является перспективным направлением актуального искусства. Сайнс-арт следует рассматривать как наиболее рациональный способ понимания особенностей

мировосприятия общества XXI в. Сайнс-арт – целостный культурный феномен, представляющий собой синтез двух важнейших областей человеческой деятельности – науки и искусства. Исследуемое направление актуального искусства является синкретичным и задействует у зрителей такой способ восприятия как синестезия. Сайнс-арт отражает ценность достижений человека в условиях единства с природой.

Список использованных источников

1. Курамшина, Ю. В., Сефер, К. Э. «Science Art» как феномен культуры XXI века / Ю. В. Курамшина, К. Э. Сефер // Инновационные процессы в научной среде. – 2016. – Ч. 4. – С. 243 – 246
2. Левченко, О. Е. Science-art: проблемы терминологии / О. Е. Левченко // Вестник РГГУ. – 2014. – № 14: Серия «Культурология: Искусствоведение. Музеология». – С. 155 – 162.
3. Левченко, О. Е. Явления природы как предмет сайнс-арта / О. Е. Левченко // Ярославский педагогический вестник. – 2015. – № 1, Т1 (Культурология). – С. 28 – 33.
4. Левченко, О. Е. Освоение природы средствами сайнс-арта: «естественное» и «технологическое» : дисс. на соиск. учен. степени канд. культурологии / Левченко, О. Е. – Москва : ФГБОУ ВО «РГГУ», 2016. – 399 с.
5. Львов, А. А. Science Art: Информационные технологии в контексте современной эстетики /А. А. Львов // Вестник СПбГУ. – Сер. 17. – 2015. – Вып. 3. – С. 59 – 67.

ПЕРЕВОД РЕАЛИЙ В РОМАНЕ «ВЛАСТЕЛИН КОЛЕЦ»

Службина Анна Геннадьевна

преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В данном исследовании идет речь о проблемах перевода реалий на примере романа «Властелин колец». В статье показана необходимость правильно интерпретировать слова автора текста или же подобрать подходящую по смыслу реалию на другом языке.

Ключевые слова: реалия, перевод, интерпретация, перевод реалий, Властелин колец.

Реалиями называют элемент базовой информации, необходимой для осознания произведения, написанного на иностранном языке. В художественных творениях реалии образуют друг друга. Конкретно в романах, созданных в стиле фэнтези, существует два типа реалий (событий) - существующие и вымышленные. Работы зарубежных авторов читатель получает в виде перевода. Достоверность переданных событий в тексте имеет непосредственную связь с общей стратегией перевода, потому важно максимально точно передать русскими словами иностранный текст.

Рассмотрим перевод реалий на примере фэнтезийного романа «Властелин Колец», написанного Джоном Толкиеном. В исследуемом произведении присутствуют оба типа реалий. Изучение передачи реалий в переводе романа «Властелин колец» потребовало выполнения анализа трех оптимальных вариантов перевода. Детальному анализу подверглись вступительные части и выборочные фрагменты из двух книг. В исследуемых частях текста была выявлена 821 реалия. После выполнения анализа реалий, переданных тремя вариантами перевода романа, были подведены итоги.

А. Грузберг перевел роман в 1975 году. В этой работе наблюдается максимальная дословность. Методика отображения событий - транслитерация и перевод текста. На замену, аналоги и формирование новых событий приходится незначительный объем текста. Существующие события отображены в русском

тексте посредством перевода. В этой версии русского текста сохранен иностранный колорит. Соответственно, переводчик стремился сохранить культуру базового языка. Сохранено 70% реалий. 9% реалий оригинального романа нет. 21% реалий был отображен переводчиком без рекомендаций автора.

Русский текст от В. Муравьева и А. Кистяковского сильно адаптирован под русского читателя. Специалисты выполнили перевод текста в довольно свободном стиле. Основным механизмом передачи реалий стали: замена слов, перевод текста и транслитерация. В результате широкого спектра выражений, замененных аналогами, текст романа стал полностью адаптирован под русскую культуру. Свободное обращение с оригинальным текстом очевидно. Несущественный объем текста наполнен неверными именами персонажей. 51% реалий передан, как рекомендует автор. 17% оригинальных событий не отображено в русском тексте, 32% реалий были отображены без рекомендаций со стороны автора романа.

В работе Н. Григорьевой и В. Грушецкого можно выявить некую золотую середину между первым и вторым переводом. Преимущественно реалии передаются посредством перевода, транслитерации и замены слов. В некотором смысле переводчики повторяют схему 2-го рассматриваемого перевода. Стоит отметить, в этой версии текста переводчики желают сохранить культуру исходного текста. Явным примером приведенного факта является методика транскрипции и транслитерации. Передавая события романа, эти переводчики, как и автор первого рассматриваемого перевода, использовали методику перевода текстовой информации оригинала. Рекомендации автора выполнены на 54%. Четверть объема реалий полностью не соответствует советам Толкиена. 11% оригинальных событий в тексте не был передан. Исходя из данных исследования этого перевода, можно сказать, что Григорьева и Грушецкий пытались сделать влияние оригинальной и русской культур, отображенных в русскоязычном тексте романа, равноценным.

На основании произведенных исследований можно сделать вывод: абсолютно достоверного перевода романа нет. Каждый переводчик по-своему корректирует русский текст. Самым точным и полным переводом реалий является русский текст, написанный А. Грузбергом. Максимальная адаптация под русскую культуру четко выражена в тексте от В. Муравьева и А. Кистяковского. Перевод романа «Властелин Колец», выполненный Н. Григорьевой и В. Грушецким, можно назвать «золотой серединой» между двумя вышеизложенными переводами. Говоря о передаче реалий, стоит акцентировать внимание на работе Грузберга. Автор изъясил из текста минимальный объем важных фрагментов, тем самым сделав его максимально достоверным и приближенным к оригиналу. Работу Муравьева и Кистяковского можно назвать адаптацией реалий под русского читателя. Работа Григорьевой и Грушецкого напоминает работу Муравьева и Кистяковского, выполненную в стиле перевода Грузберга.

Список использованных источников

1. Толкиен Дж. Р. Р. Возвращение Государа: Повесть. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЯУЗА, 2000. 480 с.
2. Толкиен Дж. Р. Р. Две твердыни: Повесть. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЯУЗА, 2000. 512 с.
3. Толкиен Дж. Р. Р. Хранители: Повесть. М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Изд-во ЯУЗА, 2000. 544 с.
4. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец Пер. с англ. Н. Григорьевой, В. Грушецкого. Л.: Северо-Запад, 1991.
5. Толкин Дж. Р. Р. Властелин Колец: Роман Пер. с англ. А. Грузберга. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. Ч. 2. Две крепости: В 2 кн. 448 с.
6. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Роман Пер. с англ. А. Грузберга. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. Ч. 3. Возвращение Короля: В 2 кн.; приложения. 544 с.
7. Толкиен Дж. Р. Р. Властелин Колец: Роман Пер. с англ. А. Грузберга. Екатеринбург: У-Фактория, 2002. Ч. 1. Товарищество Кольца: В 2 кн. 544 с.
8. Tolkien J.R.R. Guide to the Names in The Lord of the Rings//A Tolkien Compass, Ballantine Books, 1980.
9. Tolkien J.R.R. The Fellowship of the Ring: being the first part of "The Lord of the Rings" with a new foreword by the author J.R.R. Tolkien. New York, Ballantine Books, 1965. 480 pages.
10. Властелин колец. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Властелин_колец

REALITIES TRANSLATION IN THE NOVEL “THE LORD OF THE RINGS”

Summary. This study deals with the translation problems of the realities. As the example the novel «The Lord of the Rings» was taken. The article shows the necessity of interpretation of the author’s words, or finding the right reality in another language.

Key-words: reality, translation, interpretation, The Lord of the rings, translation of realities.

ОБРЯДНОСТЬ КАК МАРКЕР РЕЛИГИОЗНОЙ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ РАННЕМУСУЛЬМАНСКОЙ ОБЩИНЫ

Спивак Игорь Александрович

кандидат исторических наук, доцент

ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского»

Аннотация. Цель исследования заключается в анализе истории формирования ежедневного ритуального цикла в исламе, через призму процесса религиозной самоидентификации представителей раннемусульманской общины. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд *задач*. Во-первых, рассмотреть вопрос о временной регламентации ежедневных обязательных молитв. Во-вторых, изучить историю возникновения устного призыва (азана) на молитву, как она представлена в мусульманском предании.

Ключевые слова: ислам, раннемусульманская община, обрядность.

Ислам, последняя по времени возникновения мировая религия, формировался в условиях неоднородной религиозной ситуации. К VII веку на территории Аравийского полуострова достаточно прочные позиции занимали иудаизм, христианство и исконно арабское язычество. Кроме того, исторические источники зафиксировали наличие здесь представителей, вероятно гностической по своему характеру, секты сабиев и общин зороастрийцев. Сложность ситуации усугублялась тем, что названные религиозные течения сами по себе были неоднородны. Возникший в такой обстановке ислам, вынужден был как вступать в контакты, так и конкурировать с другими религиозными системами. Первым шагом на этом пути для представителей раннемусульманской общины должно было стать определение своего положения в религиозной истории человечества, по отношению к иным конфессиональным группам. Прямым отражением процесса религиозной самоидентификации является история формирования мусульманской обрядности. Следует отметить, что в отечественной историографии уже затрагивались проблемы связанные с ритуальными установлениями раннего ислама, такими, например, как запрет на употребление вина и запрет на вкушение свинины [1, с. 36-43]. Отмечались

важные переломные моменты этого процесса, такие, например, как перемена ориентации совершающих молитву с Иерусалима на Мекку [2, с. 105-106]. Вместе с тем, вне поля зрения исследователей остались многие вопросы, связанные с возникновением дневного ритуального цикла в исламе, имеющего со времени совершения Мухаммадом хиджры в качестве внешнего признака словесный призыв к молитве и состоящего из пяти обязательных ежедневных молитв. Актуальность настоящей работы заключается в попытке восполнить этот пробел, что позволит, в свою очередь, более детально реконструировать процесс религиозной самоидентификации раннемусульманской общины.

Цель исследования заключается в анализе истории формирования ежедневного ритуального цикла в исламе, через призму процесса религиозной самоидентификации представителей раннемусульманской общины. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд *задач*. Во-первых, рассмотреть вопрос о временной регламентации ежедневных обязательных молитв. Во-вторых, изучить историю возникновения устного призыва (азана) на молитву, как она представлена в мусульманском предании.

Методика исследования основана на сравнительном анализе сообщений мусульманского предания (сунна) о временной регламентации ежедневных молитв и истории происхождения азана. Следует отметить, что в западном исламоведении сложилась в целом негативная оценка мусульманского предания как достоверного исторического источника. Тем не менее, когда речь идет о ритуальных установлениях, существование которых не подвергается сомнению для времени жизни пророка Мухаммада, мы считаем возможным использовать в этом качестве сообщения литературы хадисов. Для анализа нами были выбраны наиболее авторитетные в мусульманском мире сборники хадисов — «Сахих» ал-Бухари и «Сахих» Муслима [3; 4]. Кроме сборников хадисов, к анализу были привлечены: труд Ибн Хишама «Жизнеописание пророка Мухаммада»[5], «Книга об идолах» Хишама б. Мухаммада ал-Калби [6].

По сообщениям ал-Калби в культовой практике арабов язычников доисламской Аравии отсутствовал какой-либо регламентированный дневной цикл ритуальных действий [6, с. 14-38]. Мусульманская традиция в лице Ибн Хишама настаивает на том, что обязанность ежедневной молитвы была «возложена» на пророка впервые, когда он находился в Мекке, а непосредственным его наставником стал Джабраиль [5, с. 72-73]. Введение ежедневных обязательных молитв в ритуальную практику ислама как повеление Аллаха нашло свое отражение и в тексте Корана (XXX, 16 (17) - 17 (18)) [7]. Более того, рассказ Ибн Хишама о «первой крови, пролитой в исламе» подтверждает тот факт, что ежедневные молитвы, для совершения которых «сподвижники пророка уходили в горные ущелья и молились втайне от людей своего племени» не имели аналогов среди ритуалов язычников Мекки [5, с. 76]. Таким образом, согласно мусульманскому преданию, появление ежедневного цикла обязательных молитв стало ритуальной особенностью, отличавшей, по крайней мере, мусульман от языческого населения Аравии. С другой стороны, ежедневные ритуальные циклы к моменту возникновения ислама были устоявшейся практикой в религиозных традициях иудаизма, зороастризма и христианства. В иудаизме подобный цикл состоит из трех служб: Шахарит — совершаемая утром; полуденная — Михна; Маарив — вечерняя [8, с. 541], что не позволяет видеть в нем прямой прототип ежедневного молитвенного цикла ислама. Тот же вывод, вероятно, верен и для трехчастной структуры христианского суточного богослужения. Пятикратный ежедневный молитвенный цикл, по мнению М. Бойс — еще со времен Заратуштры — являлся атрибутом зороастрийской культовой практики [9, с. 59-60]. Следует отметить, что традиционным временем для трех из пяти зороастрийских молитв оставались восход, полдень и закат.

В этой связи, обращают на себя внимание хадисы, сообщающие о том времени суток, в которое совершение молитвы для мусульманина запрещено — ал-Бухари (338 (581) — 341 (587)) [3, с. 150]. Наиболее показательным в этом

отношении является следующий хадис: «Передают, что Улейа ибн Рабах сказал: «я слышал, как Укба ибн амир аль-Джухани сказал: «Посланник Аллаха запрещал нам молиться и хоронить наших покойников в трех случаях: во время восхода солнца, пока оно не поднималось на высоту копья, в полдень, пока солнце не начинало клониться к закату, и незадолго до захода солнца, пока оно не заходило» (Муслим, 222) [4, с. 148]. Такая регламентация дневного ритуального цикла является неслучайной. Вероятно, ее цель состоит в ритуальном дистанцировании раннемусульманской общины от культовой практики зороастрийцев. В свете изложенного возникает закономерный вопрос: можно ли предполагать, что прототипом ежедневного молитвенного цикла в исламе был аналогичный цикл зороастрийцев? Такому предположению, на наш взгляд, препятствует несколько обстоятельств. Во-первых, мусульманская традиция сохранила сведения о том, что число обязательных ежедневных молитв в количестве пяти было принято не сразу [10, с. 136-137]. Очевидно, что наличие какого-либо четко регламентированного прототипа исключило бы его количественную эволюцию. Во-вторых, в изложенной Ибн Хишамом истории Ночного путешествия и вознесения пророка, результатом которого и стала пятикратная регламентация ежедневного молитвенного цикла, содержится упоминание об Ибрахиме, Мусе, Исе и других пророках, но нет ни малейшего намека на Заратуштру или представителей его общины [5, с. 122-128]. Более того, именно общение Мухаммада с Мусой, как это представляет мусульманская традиция, и привело, в конечном счете, к установлению обязательной пятикратной ежедневной молитвы, когда, вняв его совету, Мухаммад несколько раз обращался с просьбой к Аллаху о сокращении числа, предписанных первоначально в количестве пятидесяти, молитв. Учитывая сказанное, а так же принимая во внимание факт принадлежности ислама к кругу авраамических религий, можно предположить, что первоначально введение ежедневного обязательного молитвенного цикла положило грань между мусульманами и язычниками, принятая затем его пятикратная регламентация, стала

отличительной особенностью мусульманской общины от общин иудеев и христиан. Наконец, введение запрета на совершение молитв в моменты восхода и захода солнца, а также нахождения его в зените, определила культовую дистанцию между мусульманами и зороастрийцами.

В тесной связи с возникновением ежедневного молитвенного цикла в исламе находится, сохраненная мусульманским преданием, история введения азана — устного призыва к молитве.

В тексте «Жизнеописания посланника Аллаха» Ибн Исхака — Ибн Хишама, она выглядит следующим образом. «К Пророку, когда он приехал в Медину, приходили люди, чтобы молиться в назначенное время без специального призыва. Пророк тогда задумал сделать рог, подобно рогу иудеев, при помощи которого призывали к молитве. Потом отказался от этого. Затем велел сделать гонг. Был сделан гонг, при помощи которого он собирался призывать мусульман к молитве» [5, с. 170]. Следом помещен рассказ о чудесном видении, явившемся во сне Абдаллаху б. Зайду б. Саалаба б. Абд Раббихи, результатом которого, стало появление устного призыва на молитву. «Приходил человек, одетый в два плаща зеленого цвета, а в руке он нес гонг. Я спросил его: «О раб Аллаха! не продашь ли ты этот гонг?» Он спросил: «А что ты с ним будешь делать?» Я ответил: «Будем при его помощи призывать к молитве». Он тогда сказал: «Хочешь, укажу тебе на нечто лучшее, чем это?». Я спросил: «А что же?». Он сказал: «Ты говори: «Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Аллах велик! Свидетельствую, что нет божества кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммад — Посланник Аллаха! Спешите к молитве! Спешите к молитве! Спешите к блаженству! Спешите к блаженству! Аллах велик! Аллах велик! Нет божества, кроме Аллаха» [5, с. 170]. Эту же историю, правда лишенную многих сверхъестественных подробностей, передают в своих сборниках ал-Бухари (350) [3, с. 155] и Муслим (193) [4, с. 135]. Учитывая тот факт, что трубление в шофар в иудаизме не выполняет функции призыва на молитву, становится понятным, что «рог иудеев» в контексте истории о введении азана упомянут

исключительно как атрибут и символ иудейской общины. Заклучая сказанное, можно сделать вывод, что колебания между «гонгом христиан» и «рогом иудеев», зафиксированные преданием, явились результатом нарастающего со времени совершения хиджры процесса религиозной самоидентификации мусульманской общины.

В результате анализа сообщений мусульманского предания о введении обязательной ежедневной пятикратной молитвы и происхождении устного призыва на молитву, можно сделать следующий вывод. Обязательность в исполнении ежедневного молитвенного цикла, его временная и количественная регламентация, форма призыва к молитве — стали отличительными чертами мусульманской общины по отношению к язычникам и другим религиозным общинам, присутствовавшим на Аравийском полуострове в момент возникновения ислама. Их конкретные особенности были обусловлены процессом религиозной самоидентификации раннемусульманской общины, стремлением к ритуальному обособлению от христиан, иудеев, зороастрийцев и аравийских язычников.

Список использованных источников

1. Шифман И. Ш. О некоторых установлениях раннего ислама / И. Ш. Шифман // Ислам. Религия, общество, государство. — М.: Наука, 1984. — С. 36–43.
2. Большаков О. Г. История Халифата. — Т. 1: Ислам в Аравии (570-633) / О. Г. Большаков. — М.: Наука, 1989. — 312 с.
3. аль-Бухари М. Сахих. Свод хадисов имама аль-Бухари. Мухтасар полный вариант / М. аль-Бухари / Пер. с арабск. В. А. Нирша. — М.: Умма, 2003. — 960
4. Муслим. Сахих: Краткое изложение, составленное имамом аль-Мунзири / Пер. с арабск. В. А. Нирша. — М.: Умма, 2011. — 1216 с.
5. Ибн Хишам. Жизнеописание Пророка Мухаммада / Хишам Ибн / пер. Н. А. Гайнуллина. — М.: Издательский дом «УММА», 2002. — 485 с.
6. ал-Калби Хишам б. Мухаммад Книга об идолах / Хишам б. Мухаммад ал-Калби // Пер. с арабск., В. В. Полосина. — М.: Наука, 1984. — 64 с.
7. Коран / пер. И. Ю. Крачковского. — Баку: Язычы, 1990. — 744 с.
8. Телушкин И. Еврейский мир. — М.: Мосты культуры, 2000. — 576 с.
9. Бойс М. Зороастрийцы: Верования и обычаи. — СПб.: Азбука-классика; Петербургское Востоковедение, 2003. — 352 с.
10. Ефремова Н. В., Ибрагим Т. К. Жизнь пророка Мухаммада / Н. В. Ефремова, Т. К. Ибрагим. — М.: Научно-издательский центр «Ладомир», 2009. — 1062 с.

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ ХАРАКТЕРЕ И «ЯЗЫКОВЕДЧЕСКОЙ» ПРИРОДЕ СОЦИОЛИНГВИСТИКИ

Холодняк Оксана Сергеевна

ассистент

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация: В статье рассмотрен один из актуальных вопросов социолингвистики как междисциплинарной науки, а именно ее «языковедческая» природа. Определены предмет социолингвистики и социальные факторы, влияющие на языковое варьирование. Представлены мнения лингвистов о социальном аспекте языка.

Ключевые слова: социолингвистика, языковое варьирование, социальные факторы, социальная сторона языка.

Одним из современных лингвистических направлений, получивших широкое распространение, является социолингвистика. Социолингвистика возникает как отрасль языкознания на пересечении многих дисциплин: социологии, психологии и др. Данная наука имеет междисциплинарный характер, что признано многими учеными, не только лингвистами. Но в тоже время иногда трудно дать прямой ответ: социология или лингвистика, что составляет большую часть данной науки?

Одним из основоположников этого направления, который по сути создал большую часть методологии данной дисциплины, является Уильям Лабов, американский лингвист, преподаватель Университета Пенсильвании. У. Лабов определяет социолингвистику как науку, которая изучает «язык в его социальном контексте», т.е. не собственно язык, не его устройство, а то, как пользуются языком люди, составляющие то или иное общество, как язык существует в данном обществе, как он функционирует, как его реально используют. Внутренняя структура языка специально не исследуется, а принимается как некая действительность. И как утверждает У. Лабов, «при этом учитываются все факторы, которые могут влиять на использование языка, – от различных характеристик самих говорящих (их возраста, пола, уровня

образования и культуры, вида профессии и т.п.) до особенностей конкретного речевого акта».

«Так как язык возможен только в человеческом обществе, – говорил И.А.Бодуэн де Куртенэ, – то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную. Основанием языковедения должна служить не только индивидуальная психология, но и социология».

«Тщательное и точное научное описание определенного языка, – отмечал Р.Якобсон, – не может обойтись без грамматических и лексических правил, касающихся наличия или отсутствия различий между собеседниками с точки зрения их социального положения, пола или возраста; определение места таких правил в общем описании языка представляет собой сложную лингвистическую проблему».

Предметом изучения социальной лингвистики считается взаимодействие социальных и языковых структур. Одним из основных понятий является языковой коллектив, которому присущи свои социальные и языковые характеристики.

Следует отметить, что социальная лингвистика исследует речевую деятельность не «идеального носителя языка», а реальных людей, которые в своей речи могут допускать ошибки, нарушать нормы литературного языка (стандарта), смешивать разные языковые стили и т.п. И задача лингвиста, занимающегося данной проблематикой, объяснить особенности этого языкового варьирования, выявить социолингвистические предпосылки, т.е. факторы, влияющие либо являющиеся причиной такового варьирования.

Социальный фактор в социальной лингвистике понимается как «системно организованное социальное действие различной структуры в некой сфере человеческой деятельности, порождающий в речевой деятельности и обуславливающий конкретное проявление социальности языка».

В. В. Красных в своем исследовании связывает виды социальных факторов с конкретными социально-экономическими предпосылками, развитием средств

массовой информации и системой образования, явлениями природы и общественной жизни, религиозной идеологией, взаимодействием и социально-профессиональной дифференциацией языков. Кроме того, выделяются такие факторы научно-познавательного, идеологического, эстетического, нравственно-этического характера в жизни общества [№ 4, с. 124].

Не только языковые законы, но и их взаимодействие с социальными факторами, влияют на развитие разных уровней языка – фонетического, морфологического, синтаксического, стилистического.

Влияние социальных факторов на разные языковые единицы, структуры и явления не одинаково. Например, Б. А. Серебренников считает, что словарный запас больше всего претерпевает такое воздействие, что выражается в появлении разных отклонений от лексической нормы. Так, это постоянно проявляется в молодежном сленге. «Важная социально-психологическая особенность ранней юности – расширение и перестройка сферы общения и деятельности, – отмечает А.Д. Петренко. – Социологи всегда отмечали существование молодёжной культуры или субкультуры, отличной от той, которая распространена в обществе в целом. В среде молодёжи распространяются свои моды, вкусы, традиции, язык, развлечения. Происходят изменения и в морали, меняется иерархия ценностей».

Данный факт обуславливает особенности возникновения неологизмов в непосредственной связи с социальными факторами, а развитие лексики отражает изменения в социальной жизни общества.

Взаимосвязь таких факторов со стилистической системой выражается в проявлениях функциональных стилей. Здесь необходимо отметить такие явления, как национальный язык и литературный язык. Эти два понятия в течение продолжительного времени считались идентичными. «Национальный язык является историческим моментом в эволюции всех форм существования языка, а не представляет собой лишь одну из форм его существования». М. В. Панов придерживается следующего: «Иногда думают, что литературный язык –

это язык художественной литературы. Неверно! Литературный язык – это язык культуры во всем огромном смысле этого слова, т.е. язык науки, публицистики, художественной литературы, язык театра и радио, школы и прессы. И быта: в быту культурные люди общаются на литературном языке». Литературный язык – это стандартная, «кодифицированная» форма языка.

Следует подчеркнуть, отмечает А. Д. Петренко, «что материалы современных научных исследований представляют значительный вклад в изучение тенденций развития национальных языков, вопросов их социальной стратификации и территориальной дифференциации, намечают пути поиска источников языковых изменений, наблюдения их в динамике» [№ 7, с. 157].

Как отмечает А. Д. Петренко, «актуальным проблемам социально обусловленной вариативности современных литературных языков на национальном уровне посвящено большое число фундаментальных трудов современных лингвистов, представляющих крупнейшие научные центры России и ряда зарубежных стран.

В современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих» [№ 6, с.4].

Социальные факторы можно разделить на лингвистические и экстралингвистические. Среди последних можно назвать возраст, социальный статус, принадлежность к определённой субкультуре, например профессиональной, пол, тематика общения, коммуникативная ситуация и т.д.

У. Брайт основными считает социальный статус коммуникантов и обстановку, при которой происходит общение.

Л. А. Вербицкая, исследуя внешние факторы, выделяет социолингвистические и психолингвистические, которые свойственны конкретному социуму в определенный момент времени.

Н. А. Добролюбова также указывает на уровень образования, способный увеличить «речевую компетенцию говорящего».

При анализе влияние гендерной принадлежности на формирование речевой деятельности обычно говорят о женском и мужском факторе.

Таким образом, можно прийти к следующим выводам. Социолингвистика — раздел языкознания, исследующий социально обусловленное варьирование развития и функционирования языка во взаимосвязи с социумом.

Современная социолингвистика – это отрасль языкознания, изучающая язык в связи с социальными условиями его существования. Под социальными условиями имеется в виду комплекс внешних обстоятельств, в которых реально функционирует и развивается язык: общество людей, использующих данный язык, социальная структура этого общества, различия между носителями языка в возрасте, социальном статусе, уровне культуры и образования, месте проживания, а также различия в их речевом поведении в зависимости от ситуации общения.

Список использованных источников

1. *Беликов, В.И.* Социолингвистика: Учебник для вузов / В.И. Беликов, Л.П. Крысин. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. – 2001. – 439 с.
2. *Белл, Роджер Т.* Социолингвистика: Пер. с англ. / Под ред. доктора филологических наук проф. А.Д. Швейцера. – М.: Междунар. отношения. – 1980. – 320 с.
3. *Бондалетов В.Д.* Социальная лингвистика // В.Д. Бондалетов / М.: Просвещение, 1987. — 160 с.
4. *Красных, В. В.* Визуальная реальность или реальная виртуальность? (Человек. Сознание. Коммуникация). Монография / В. В. Красных. – М.: Диалог-МГУ, 2013. – 352 с.
5. *Новое в лингвистике.* Социолингвистика / Под общ. ред. Н.С. Чемоданова. – М.: Прогресс, 1975. – Вып. VII. – 488 с.
6. *Петренко А. Д.* Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. – / Под ред. А. Д. Петренко /. – Коллективная монография. – Москва, Изд-во «Перо», 2015. – 491 стр.

7. *Петренко А. Д.*, Петренко Д. А. Социофонетические аспекты языковой вариативности. – / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко /. – Научный журнал «Известия Южного федерального университета» – № 4. – Ростов на Дону: ЮФУ, 2014 г. – Стр.150-157.
8. *Словарь* социолингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
9. *Швейцер А. Д.*, Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику // А.Д. Швейцер – М., 1978
10. *Labov, W.* The social stratification of English in New York City. Center for applied linguistics / W. Labov. – Washington, 1966. – 375p.

OF INTERDISCIPLINARY CHARACTER AND “LINGUISTIC” NATURE OF SOCIOLINGUISTICS

Annotation: The article examines one of the actual problems of sociolinguistics as an interdisciplinary science, that is its “linguistic” nature. It defines the subject of sociolinguistics and the social factors influencing language variation. It shows the linguists’ opinion of the social aspect of language.

Key words: *sociolinguistics, language variation, social factors, social aspect of language.*

ПАРАЛЛЕЛЬНЫЕ КОРПУСЫ НА ОСНОВЕ ДВУЯЗЫЧНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ WEB-САЙТОВ

Чернявская Олеся Григорьевна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. Корпусные технологии находят свое применение в методике преподавания иностранного языка. Параллельные лингвистические корпуса текстов на основе web-ресурсов являются важным современным инструментом преподавателя при обучении юридическому переводу. В фокусе внимания данного исследования - использование параллельных корпусов текстов на основе юридических web-ресурсов в целях обучения русско-английскому юридическому переводу.

Ключевые слова: Интернет-коммуникация, корпусная лингвистика, юридический перевод, юридический Интернет-дискурс, параллельный корпус текстов.

В современном обществе одним из основных каналов популяризации правового знания является сеть Интернет. Виртуальное пространство становится важным и популярным средством формирования общества знаний. Коммуникативное Интернет-пространство позволяет хранить и оперативно передавать большие объемы правовой информации и взаимодействовать с большим количеством виртуальных участников. Интернет представляет собой полилингвокультурную среду создания, распространения и получения знаний в целом, и правовых знаний в частности [5]. Юридические тексты в Интернет-пространстве рассматриваются как новый, не существовавший ранее тип дискурса, называемый юридическим Интернет-дискурсом.

Юридическая Интернет-коммуникация становится одним из видов Интернет-коммуникации. Правовое знание [1], переходя в новую знаковую систему, в электронную среду, приобретает новые черты, которые характерны Интернет коммуникации в целом:

1. *интерактивность*, то есть наличие возможностей для создания обратной связи с адресатом правовой информации (юридические форумы, опросы, Интернет-конференции);

2. *оперативность публикации правовой информации* (оперативная публикация новостей юриспруденции, нормативно-правовых актов и т.д.);
3. *доступность для пользователя* (доступ к базам данных правовых документов, получение справок и консультаций юристов по интересующим вопросам и т.д.);
4. *мультимедийные возможности* (фото- и видеоархивы, он-лайн радио и телеканалы).

Юридическое Интернет-пространство включает в себя Интернет-СМИ, порталы правовых справочных служб, каталоги библиотек, сайты официальных органов власти, фирм, учреждений. Также web-сайты юридической направленности содержат платформы для межличностной коммуникации (дискуссионные группы, форумы, чаты и блоги).

В рамках данного исследования был проведен лингвистический мониторинг web-сайтов юридической направленности российского сектора Интернет, информация на котором представлена на русском и на английском языках. В статье С. С. Дикаревой, О. Г. Чернявской «Язык права в Интернет-коммуникации: когнитивные и прагматические измерения» обосновывается необходимость лингвистического мониторинга юридических Интернет-ресурсов, а также важность изучения когнитивных установок создателей web-ресурсов и прагматических составляющих информации [2]. В данной работе рассматривается перспектива применения корпусных технологий в целях обучения русско-английскому юридическому переводу.

Приведем некоторые примеры web-сайтов с версией на английском языке:

1. Официальный сайт Президента России <http://kremlin.ru/>;
2. Официальный сайт Совета федерации Федерального Собрания Российской Федерации <http://www.council.gov.ru>;
3. Официальный сайт Конституционного Суда Российской Федерации <http://www.ksrf.ru>;

4. Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации <http://ombudsmanrf.org/>;
5. Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации <http://genproc.gov.ru/>;
6. Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека <http://www.rospotrebnadzor.ru>;
7. Издательская группа «Юрист» <http://lawinfo.ru>;
8. Информационно-правовой портал Гарант.ру <http://www.garant.ru>.

Web-ресурсы юридической направленности на русском и английском языках могут быть рассмотрены как основа для создания уникальных параллельных корпусов (Parallel Corpora) юридических текстов. Под параллельным корпусом текстов мы понимаем совокупность текстов на одном языке и их перевод на другой язык. Параллельный корпус текстов представляет собой бесценный и ранее недоступный лингвистический материал, который характеризуется большим объемом, с возможностью быстрого нахождения примеров на анализируемые слова и конструкции [4].

Основной целью юридического перевода является наиболее точная передача содержания письменных и устных юридических текстов на исходном языке средствами переводящего языка. Перевод юридических текстов с одного языка на другой не ограничен переходом от одного языка к другому. Одновременно осуществляется переход от одной правовой системы к другой. При переводе юридических терминов и терминологических словосочетаний переводчики часто сталкиваются с теми вопросами, на которые не всегда можно дать однозначный ответ. При поиске наиболее удачного эквивалента или аналога инструментарий параллельного корпуса юридических текстов на основе web-сайтов позволяет быстро и оперативно находить наиболее частотные варианты перевода, использованные переводчиками юридических текстов в своей практике.

Параллельный корпус находит свое применение в задачах обучения юридическому переводу, так как дает возможность на материале параллельных текстов находить и определять эффективность различных приемов перевода не только того или иного термина, но и словосочетания или целого предложения и исследовать основные стратегии, которыми пользовались специалисты при переводе грамматических или стилистических несоответствий в языке оригинала и в языке перевода: «в таких случаях выбор переводческого эквивалента во многом зависит от языковой личности переводчика, от его стилистических предпочтений, от культурно-исторических параметров, задаваемых средой» [3, с. 250]; показывать особенности употребления того или иного юридического термина в различных языковых ситуациях.

Корпус параллельных текстов обладает огромным методическим потенциалом в обучении профессиональной лексике. При обучении юридическому переводу на основе параллельного корпуса студентам может быть, например, предложено выделить из текста термины, относящиеся к определенному юридическому терминологическому полю и составить тезаурус, цель которого – дать наиболее точный перевод юридических терминов использованных при официальном переводе данного текста и выделить специфические черты юридической терминологии данной области. Например, RU: *Конституционный Суд Российской Федерации – судебный орган конституционного контроля, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.*

EN: *The Constitutional Court of the Russian Federation is a judicial body of constitutional review, which independently exercises judicial power by means of constitutional judicial proceedings.* [<http://www.ksrf.ru> дата обращения 3.02.18]

Студентам предлагается выделить из данного микротекста юридические термины и их переводные соответствия:

1. *Конституционный Суд Российской Федерации – The Constitutional Court of the Russian Federation;*

2. Судебный орган конституционного контроля – *judicial body of constitutional review*;

3. Осуществлять судебную власть – *to exercises judicial power*;

4. Конституционное судопроизводство – *constitutional judicial proceedings*.

Следующим этапом работы студентов может стать анализ контекстов употребления данных терминов или анализ вариативности данных юридических терминов на массиве параллельного корпуса текстов.

Таким образом, параллельные тексты сайтов юридического сектора Интернет представляют собой уникальный массив текстов, который дает возможность создавать параллельный корпус юридических текстов, на основе которого возможно составление тезаурусов по различным областям права и подбор наиболее точные варианты для перевода юридических терминов и устойчивых словосочетаний, используемых в юридических текстах. Использование параллельных корпусов в обучении повышает его качество, так как параллельный корпус демонстрирует естественное использование языка на материале аутентичных текстов.

Список использованных источников

1. Алексеев, С. С. Теория права / С.С.Алексеев, – М.: Издательство БЕК, 1995. – 320 с.
2. Дикарева С. С., Чернявская О.Г. Язык права в Интернет-коммуникации: когнитивные и прагматические измерения /С.С. Дикарева, О.Г. Чернявская //Лінгвістичні студії: Сб. наук. проць/ Донецький нац. ун-т; наук. ред.. А.П. Загнітко. – Донецьк: ДонНУ. – 2010. – Вип..21. – С. 260-267. Библиогр.: с. 267.
3. Кислицына Н. Н. Коннотативное значение в аспекте перевода // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы 3-й международной научной конференции. – М.: Изд. высшая школа перевода МГУ. – 2012. – С. 247-251.
4. Разработка и использование параллельного корпуса русского и китайского языков [Текст] / Ю. Тао, В. П. Захаров // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – 2015. – № 4. – С. 18-29 : Ил.: 6 рис., 3 табл. – Библиогр.: с. 27 (25 назв.). – Примеч.: 2 прил. – ISSN 0548-0027.
5. Романенко В. Б. Правовая культура общества и проблемы формирования политической системы // Фундаментальные исследования. – 2003. – № 7 – С. 117-119.

PARALLEL CORPORA BASED ON BILINGUAL LEGAL WEB-SITES

Summary. The article deals with corpora-based methods in teaching English. Parallel linguistic corpora based on web-resources are an important modern tool for teaching legal translation. This research is focused on the usage of parallel corpus based on legal web-resources for teaching Russian-English legal translation.

Key words: Internet-communication, corpus-based linguistics, legal translation, legal Internet-discourse, parallel Russian-English corpora.

ПОИСК «ИДЕАЛА» В ЕВРОПЕЙСКОЙ КАРТИНЕ МИРА

Шапошник Нина Аркадьевна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. к концу XIX века сформировалось многогранное представление об «идеале», однако важным, объединяющим все точки зрения мотивом оказывается внутренняя мыслительная деятельность человека, порождающая идеи о совершенстве, об Абсолюте, к которым необходимо стремиться, чтобы достичь более глубокого духовного развития. Однако мыслители всех исторических периодов утверждают эстетический идеал искусства и в частности литературы. Катаклизмы XX века значительно повлияли на мироощущение человека, теперь интерес представляет внутренний мир отдельной личности, его духовные искания и переживания. И в этих глубинных поисках философы, писатели XX века видят идеал существования.

Ключевые слова: понятие «идеал», европейская картина мира, гуманистическая модель.

Слово «идеал», восходит к греческому *idéa* – образ, идея, и в разных языках (в частности в русском и французском) означает приблизительно одно и то же. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова дается три значения: «1) то, что составляет высшую цель деятельности, стремлений. Высокие гуманистические идеалы; 2) совершенное воплощение чего-нибудь; 3) наилучший вид, элитный образец чего-нибудь» [6, с. 236]. Подобные дефиниции мы находим во Французском энциклопедическом словаре (Dictionnaire Hachette): «1) *modèle absolu de la perfection dans un domaine* (абсолютная модель совершенства в какой-либо области (перевод мой –Н.Ш.)); 2) *but élevé que l'on se propose d'atteindre* (высокая цель, которую предлагается достичь (перевод мой –Н.Ш.)); 3) *ensemble abstrait de toutes les perfections; conception de la perfection* (совокупность всего совершенного; концепция совершенства (перевод мой –Н.Ш.)); 4) *ce qu'il y a de mieux, de plus satisfaisant* (то, что является наилучшим, наиболее удовлетворяющим (перевод мой – Н.Ш.))» [10, с. 797]. Как видно из словарных статей в обоих языках

«идеал» определяется как нечто совершенное, Абсолют, к которому следует стремиться.

«Чтобы отразить сложнейшую сущность языка, Ю. С. Степанов представил его в виде нескольких образов, ибо ни один из этих образов не способен полностью отразить все стороны языка: 1) язык как язык индивида; 2) язык как член семьи языков; 3) язык как структура; 4) язык как система; 5) язык как тип и характер; 6) язык как компьютер; 7) язык как пространство мысли и как «дом духа» (М.Хайдеггер), т.е. язык как результат сложной когнитивной деятельности человека» [4]. Профессор Маслова В. А. дополняет схему, разработанную Ю. С. Степановым, и представляет «язык как продукт культуры, как ее важную составную часть и условие существования, как фактор формирования культурных кодов» [4]. Следовательно, восприятие «идеала» в лингвистике и культурологии тождественно.

Для наиболее полного представления о системе «идеального» в европейской картине мира, представляется интересным рассмотреть историю этого вопроса.

Впервые к изучению данной проблематики обратился древнегреческий философ Платон. В своих многочисленных трудах он утверждает, что бытие есть Абсолют, существующий независимо от пространственно-временных составляющих. Платон называет подобные абсолютные смыслы идеями или эйдосами (от греч. *eidos* — образ, вид).

Философ видел цель человеческого существования в том, чтобы очиститься от несовершенства чувственного мира, сосредоточиться на своем внутреннем содержании, на стремлении уподобиться Богу, то есть Абсолюту, почитать только истинные, вечные ценности, например, знание, бессмертие души, мышление, память и считать их подлинными радостями. Все произведения Платона пронизаны стремлением к идеалу и высшей красоте.

Рассматривая понятие «идеал» следует обратиться к размышлениям французского писателя и философа XVI века Мишеля Монтеня. В трех томах

«Опытов» М. Монтень разрабатывает учение о человеке, его внутреннем мире. Наилучшим (идеальным) способом человеческого существования он считает свободу, отсутствие каких бы то ни было принуждений, что позволит человеку проявить свою индивидуальность и способности, данные ему от рождения. По М. Монтеню, наивысшую этическую ценность представляет отдельная личность, с ее духовными переживаниями и представлениями о добре и справедливости. Однако индивидуум у философа лишен эгоцентризма, он не изолирован от общества и не вступает с ним в противостояние.

Суждения М. Монтеня о человеке и государстве сформировались, в том числе и после пережитого им религиозного противостояния между католиками и протестантами (гугенотские войны 1562-1598), где он придерживался умеренной позиции и стремился к примирению сторон. Высказывая идеи о взаимоотношениях человека и общества, он говорил о необходимости найти меру между индивидуальным и социальным существованием, поскольку нельзя созидать себя, если вокруг царит распущенность и беззаконие. Мыслитель заключает, что индивиду, представляющему собой отдельную личность, и государству в целом необходимо некое внешнее мерило (идеал), с которым можно будет соизмерять свое бытие [5].

Идеи М. Монтеня о свободе и всеобщем равенстве вдохновляли многих философов и писателей последующих эпох, например, Вольтера, Ж.-Ж. Руссо, Л. Н. Толстого.

Ж.-Ж. Руссо, восприняв у М. Монтеня мысль о наивысшей ценности человеческой личности, также возводит в идеал природу и чувство, (его чистое, искреннее проявление, в противовес салонным ухаживаниям). На этих «трех китах» базируются все рассуждения Ж.-Ж. Руссо о философии, религии, морали, педагогике и литературе. В своих главных произведениях «Юлия или Новая Элоиза», «Эмиль» и «Общественный договор» писатель излагает основные принципы идеального существования.

В «Новой Элоизе» это нежное, чувственное сердце, способное на добродетельную любовь, не признающее общественных условностей, а также принцип нравственного долга, которому сердце должно подчиниться [7].

В «Эмиле» Руссо высказывает суждения об идеальном воспитании детей. По его мнению, новорожденный есть сама природа и задача воспитателей в процессе обучения не убить этой естественности. Однако необходимо вырастить не дикаря, а человека одновременно природного и социально адаптированного, способного жить в обществе и подчиняться законам государства.

Идеальное государство мыслитель видел в равноправном полном подчинении каждого общей воле, которая достигается общественным договором. Эти идеи он отразил в трактате «Об Общественном договоре, или Принципы политического Права».

Таким образом, в понимании Ж.-Ж. Руссо идеальное напрямую связано с природным, чувственным мироощущением свободной личности, которая, тем не менее, должна подчиняться нравственному и общественному долгу.

Впоследствии «проблема идеала была обстоятельно разработана в немецкой классической философии. Наиболее остро она была поставлена И. Кантом в связи с проблемой «внутренней цели»» [1, с. 34].

Иммануил Кант считал, что идеал имеют только те явления, у которых есть цель, представленная образно. По его мнению, только человек как представитель рода осуществляет свою жизнь «по внутренней цели». Идеал может быть только воображаемым и соответственно недостижимым: «Он указывает скорее направление на цель, чем задаёт образ самой цели... Только в искусстве идеал может и должен быть представлен в виде образа – в форме прекрасного...» [1, с. 34].

Взгляды И. Канта разделяли немецкие романтики, а также такие философы как И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг, Ф. Шиллер.

«Кант, а за ним и Фихте полагали, что идеал этот есть высшая, конечная цель на пути постепенного “нравственного самоусовершенствования”, на пути

постепенного осознания “достоинства человека” как высшего и единственного принципа “идеального” законодательства... Единственно, где идеал как непосредственно созерцаемый образ “совершенства” и “завершенности” может быть дан, это – в искусстве, в художественном творении гения... Идеал выступает как прекрасное» [2, с. 205-206].

Иоганн Кристоф Фридрих фон Шиллер, поэт, философ, драматург и теоретик искусства в «Письмах об эстетическом воспитании человека» (1794-1795 гг.) сформулировал свои представления об идеале. По Ф. Шиллеру, человек, прежде всего, создает идеал, а не идею и в этом процессе он видит разумную необходимость.

Так, «общая идея красоты выводится из понятия человеческой природы, черпаемого непосредственно из разума, так что *“вместе с идеалом человеческого существа нам был дан и идеал красоты”*» [9]. Но даже если понятие «идеал» применяется не однозначно и границы его с идеей четко не определены, все же можно сказать, что «идеал» Шиллера больше относится к человеческой деятельности и сам по себе придает последней динамический характер, дает ей направление, в то время как идея представляет собой скорее основополагающее подлинное, бесспорно творческое, но выставленное разумом...» [9]. Следовательно, у Ф. Шиллера идеал – это человеческое творение, которое обязательно должно претвориться в материи.

Георг Вильгельм Фридрих Гегель, один из представителей немецкой классической философии, отождествлял «идеал» «с моментом действительности, образом человеческого духа, вечно развивающегося через свои... противоречия, преодолевающего свои собственные порождения, свои “отчуждённые» состояния...”» [1, с. 34]. Идеал у философа всегда выражен в конкретных целях человеческой деятельности «на данной ступени его интеллектуального и нравственного развития» [1, с. 34] и поэтапно реализуется в историческом процессе. Значит «любая достигнутая ступень развития предстаёт с этой точки зрения как частично реализованный идеал, как фаза

подчинения... власти мышления, силе идеи, творческой мощи понятия...» [1, с. 35]

Так как мыслитель определяет «идеал» с точки зрения немецкой классической философии как наглядно созерцаемый образ цели, то развитие этой проблематики продолжается у него в эстетическом плане, как вопрос определения «прекрасного»: «Осуществление идеала как «прекрасного» относится Гегелем, однако, к прошлому – к эпохе античного “царства прекрасной индивидуальности”». Это связано с тем, что Гегель считает буржуазное (идеализированное им) развитие культуры завершением социальной истории людей» [1, с. 35].

Таким образом, к концу XIX века сформировалось многогранное представление об «идеале», однако важным, объединяющим все точки зрения мотивом оказывается внутренняя мыслительная деятельность человека, порождающая идеи о совершенстве, об Абсолюте, к которым необходимо стремиться, чтобы достичь более глубокого духовного развития.

XX век оказался веком сильных потрясений: мировые катастрофы, научные открытия, перевернувшие привычный мир, грандиозные технические революции. Такой невиданный ранее прогресс во многом повлиял на культурную жизнь человечества.

Постиндустриальное общество, особенно после двух Мировых войн, когда гуманистические ценности пошатнулись, значительно пересмотрело содержание «идеала». Новые направления в философии, такие как фрейдизм (теория З. Фрейда о врожденных бессознательных структурах в культуре и творческом процессе), феноменология (учение о трансцендентальности сознания) и получивший огромное распространение экзистенциализм (изучение бытия личности в ее кризисных состояниях), порождают противоречия в западноевропейской культуре, и, как возможный вариант их разрешения, – стандартизация и унификация ценностей и идеалов. Происходит разделение культуры на массовую и элитарную.

В своем диссертационном исследовании «Проблема идеала в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века» В. А. Славина, соглашаясь с литературным критиком Александром Генисом отмечает, что «...раньше у слова культура было только единственное число, и противостояла она некультуре, ... теперь одной культуре противостоит другая» [8]. Подобное многообразие стирает ценностные границы, ведет к крушению идеалов, морали. В этой ситуации единственным хранителем общечеловеческих ценностей и идеалов является искусство и как справедливо заметила исследователь «все основные события этого столетия нашли свое отражение в художественной литературе» [8].

Ценность литературы заключается в том, что она отражает современность, дыхание своего времени, раскрывает самые важные вопросы, актуальные в тот или иной исторический период.

Великая французская революция (1789-1799 гг.) сыграла решающую роль в формировании идеалов XIX века, однако, когда на смену романтизму в литературе пришел реализм идеи «свободы, равенства, братства» уступили место поискам смысла жизни, добра и зла, протестам против насилия государственной власти и культа денег. Так Оноре де Бальзак («Евгения Гранде», «Отец Горио»), Гюстав Флобер («Простая душа», «Воспитание чувств»), Ги де Мопассан («Пышка», «Дядюшка Милон») в своих произведениях утверждали высоконравственные идеалы преданности, чести, любви, простоты и искренности.

В начале прошлого века во французской литературе происходят значительные изменения художественной структуры. Теперь реальность воспринимается субъективно, на первый план выходят детали, внимание переключается с предметов, на ощущения и впечатления, которые они вызывают. По мнению Т. В. Ковалевой важнейшим принципом эстетики в литературе становится обращение к внутреннему миру индивида, его душевным состояниям, на первый план выходит передача эмоций, впечатлений и

ощущений, таким образом, повествование сближается с лирической поэзией [3, с. 23-114].

Во второй половине XX века после Второй мировой войны во французской литературе появляется новый тип романа. Такие писатели как Ален Робб-Грие, Натали Саррот, Маргерит Дюрас, Жан-Мари Гюстав Леклезлио и другие создают особое повествовательное пространство, не ограниченное делением на главы и линейным сюжетом. Они фиксируют моменты жизни в мельчайших деталях, созерцание и ощущения становятся основным принципом существования персонажей. Героями произведений теперь могут быть не только люди, но и вещи.

Вопрос об идеале волновал человечество с древнейших времен. Великие мыслители каждый в свою эпоху неизменно задумывались о том, что необходимо считать идеалом. Для Платона идеалом являлся некий абсолютный смысл, который именовался идеей, существующей вне времени и пространства. У М. Монтеня идеалом является свободное существование, где человек может раскрыть свои способности. Ж.-Ж. Руссо видел идеал в правильном воспитании детей на лоне природы, которые впоследствии смогут создать идеальную семью на основе искреннего светлого чувства. Немецкие романтики считали, что идеал воображаем и соответственно недостижим. В классической немецкой философии идеал представлялся в виде конкретных целей, которые постоянно ставит перед собой человек. Таким образом, к концу XIX века сформировалось многогранное представление об «идеале», однако важным, объединяющим все точки зрения мотивом оказывается внутренняя мыслительная деятельность человека, порождающая идеи о совершенстве, об Абсолюте, к которым необходимо стремиться, чтобы достичь более глубокого духовного развития. Однако мыслители всех исторических периодов утверждают эстетический идеал искусства и в частности литературы. Катаклизмы XX века значительно повлияли на мироощущение человека, теперь интерес представляет внутренний мир

отдельной личности, его духовные искания и переживания. И в этих глубинных поисках философы, писатели XX века видят идеал существования.

Список использованных источников

1. *Большая Советская Энциклопедия* / А. М. Прохоров. – 3-е изд. – М., Издательство «Советская Энциклопедия», 1972.
2. *Ильенков Э. В.* «Философия и культура» / Э. В. Ильенков. – М.: Политическая литература, 1991. – 464 с.
3. *Ковалева Т. В.* История зарубежной литературы (Вторая половина XIX - начало XX века) / Т. В. Ковалева. – Минск: Завигар, 1997. – 336 с.
4. *Маслова В. А.* Лингвокультурология [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/maslova/01.php (дата обращения: 15.05.2017).
5. *Монтень Мишель.* Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Т. I. Пер. с фр. / Мишель Монтень. – М.: Голос, 1992. – 384 с.
6. *Ожегов С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2008. – 944 с.
7. *Руссо Жан-Жак.* «Юлия, или Новая Элоиза». Избранные сочинения. Т. II. / Жан-Жак Руссо. – М., 1961. – 731 с.
8. *Славина В. А.* Проблема идеала в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века [Электронный ресурс]: Диссертация... доктор филол. наук: 10.01.01, 10.01.10. – М., 2005.
9. *Фобо Х.* Идея, идеал и видимость в «Письмах об эстетическом воспитании человека»
10. *Dictionnaire Hachette.* – Paris: Hachette Livre, 2007. – С. 1812.

ПОНЯТИЕ «РЕАЛИЯ» В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ И ПРОБЛЕМА ЛАКУНЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ

Шевченко Наталья Владимировна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. При передаче реалий необходимо анализировать словарные источники, учитывать фоновые знания переводчика и, если реалия не имеет готового варианта, переходить к собственно процессу ее передачи.

Ключевые слова: реалия, лакуна, переводоведение.

Центральное место в языкознании принадлежит вопросу, который касается способности языка отражать культуру. Всё определяется тем, каким образом находится решение вопроса способности языка репродуцировать действительность, в центре которой стоит культура. Получается, что ценностные ориентиры одной национальной общности, которые отсутствуют у другой, совсем или сильно отличаются от них. Они образуют национальный социокультурный фонд. Он находит свое отражение в системе языка теми или иными способами. Анализ социокультурного фона и лексических элементов, которые отражают его, необходим для того, чтобы более полно и глубоко понять оригинал и воспроизвести информацию об этих ценностных ориентирах в процессе переводе посредством языка, который функционирует в иной национальной культуре [2, с. 17].

Социокультурные данные являются характерными только для конкретной нации или народности. Они отражены в языке этой национальной общности [1, с. 126]. Известный ученый В.С. Виноградов называет такие сведения фоновой информацией. Она содержит в себе особые факты истории, специфику государственного строя, особенности географического положения национальной общности. Включаются типичные предметы материальной культуры и

фольклорные элементы. Это все то, что в рамках теории перевода именуют реалиями [4, с. 62].

Итак, в переводоведении реалии – это как факты, явления и предметы, а также и их наименования. Понятия, которые выражают реалии, имеют национальный колорит. Их относят к безэквивалентной лексике [2, с. 82]. Ее Е.М. Верещагин и В.Г. Костомаров дефинируют как «слова, служащие для выражения понятий, отсутствующих в иной культуре и в другом языке, слова, относящиеся к частным культурным элементам, а также слова, не имеющие эквивалентов за пределами языка, к которому они принадлежит» [2, с. 97].

В каждом языке лексика формирует систему. Это связано с тем, что каждое слово и понятие занимают в ней значимую нишу, которая образуется отношениями к другим словам и понятиям. Сам способ выделения определенных явлений реального мира, их группирование и передача на другой язык коррелирует с наличием в языке нужных наименований. В этом случае в ходе перевода с одного языка на другой естественно и закономерно происходит возникновение так называемой проблемы лакуны [2, с. 61].

Лакуна (от лат. *lacuna* – углубление, впадина) – это отсутствие в одном из языков имени для определенного понятия. Условия жизни и быта народа на социально-политическом, общественном, экономическом, культурном уровнях, а также его мировоззрение, психология, традиции и т.д. влияют на появление понятий, которые совсем отсутствуют у носителей других языков. Поэтому, в других языках будут отсутствовать однословные словарные эквиваленты для их выражения [1, с. 38]. Проблематикой лакунарности занимался целый ряд исследователей, среди которых них Л.С. Бархударов [1], И. И. Ревезин [2], В.Ю. Розенцвейг [2].

Лакуны имеют мотивированный и немотивированный характер. Первые обусловлены отсутствием самой реалии у конкретного народа. Мотивированные лакуны находят в сфере так называемой безэквивалентной лексики. Их обычно дают при переводе с определенными пояснениями» [1, с. 82].

Вторые сложны для объяснения из-за того, что отсутствуют реалии. Определенная реалья имеется. Но народ из-за по причине культурно-исторических соображений их как бы не заметил. В результате не сформулировал понятия об этих реалиях и оставил их неназванными [1, с. 82]. К примеру, в русском языке мать мужа – это свекровь, мать жены – это тёща. В английском же дифференциация отсутствует: mother-in-law; тесть, свекор – father-in-law.

В переводе их семантика проясняется на основе контекста. В результате переводчику нет необходимости предоставлять те или иные пояснения или давать сноски.

Реалии функционируют и в романах таких американских писателей, как «Король игры» Сидни Шелдона (Sidney Sheldon, Master of the Game) [4] и «Ранняя осень» Роберта Паркера (Robert B. Parker, Early Autumn) [3].

Основная задача при переводе – это сохранить реалию, так как это позволяет сохранить соответствующие культурные коннотации, ей присущие. Этого можно добиться с помощью транскрипции и создания неологизма в виде кальки, полукальки, освоения и семантического неологизма. Приблизительный перевод (родо-видовое соответствие, функциональный аналог и описание, объяснение, толкование) и контекстуальный перевод передают значение, но реалья теряется при передаче.

При переводе реалий необходимо, во-первых, определить, какие из них зафиксированы в англо-русских словарях и уже имеют соответствие. Это облегчит работу с переводимым материалом. Некоторые американские и английские реалии имеют эквиваленты в справочных изданиях. До того, как стать эквивалентами, они были переведены на русский язык разными способами. Например, транскрипцией переданы Budweiser «Бадвайзер» (пиво производства американской компании «Анхойзер-Буш»); Chevrolet Chevy «Шевроле Шеви»; Buick «Бьюик». Транслитерацией переведены martini мартини и Ford «Форд».

Следующий способ идентификации реалий – это фоновых знания переводчика. Реалия не всегда указана в словарях, но они могут быть использованы в разных сферах жизни той культуры, в которой переводчик сам живет. Например, ведь каждый день по телевизору и в городе рекламируют немецкие автомашины. Они имеют, соответственно, немецкие названия, которые уже переданы. Поэтому, зная, что Mercedes передается как «Мерседес», а Audi – как «Ауди», можно вполне эти варианты использовать для передачи этих названий в тексте.

Работа с периодическими изданиями на английском языке позволяет идентифицировать, например, реалию-антропоним, а просмотр и чтение русских газет и журналов – найти уже готовый перевод имен собственных, как с именем актера, бизнесмена и политика Арнольда Шварценеггера. Его имя давно фигурирует в материалах периодических изданий, поэтому переводчику необходимо только взять и использовать готовый вариант в переводе.

Фоновые знания переводчика касаются и его осведомленности об особенностях родного для него общества. Например, реалия Coke в словаре переводится как «Коук». Это разговорное название прохладительного напитка кока-кола, утвердившееся в начале XX века. В 1930 Верховный суд США признал исключительное право компании «Кока-Кола» на это наименование, а в 1945 название было зарегистрировано как товарный знак фирмы. С 1955 используется в рекламе. Кока-кола – это тонизирующий напиток, рецепт сиропа которого является тайной фирмы «Кока-Кола». Формулу изобрел фармацевт из города Атланты, штат Джорджия, Джон Пембертон в 1886. Если переводчик использует готовый вариант «Коук», то у читателя ПЯ могут возникнуть проблемы с пониманием. В нашей культуре заказывают либо «кока-колу», либо «колу», но не «коук».

Определенная группа реалий не имеют готовых вариантов, поэтому, в данном случае, переводчику необходимо найти соответствующий способ передачи. Например, одной из них – это африканская реалия soetekoekjes. Для

сохранения национальных коннотаций можно использовать транскрипцию, но добавить описательный перевод, чтобы читателю ПЯ было ясно, о чем идет речь. Тогда получится вариант местное печенье «соетекоекийес» или «соетекоекийес», посыпанное миндалем пряное печенье.

У американских реалий также может отсутствовать готовый перевод, как с реалией Beck's beer. Здесь можно применить вариант «пиво «Бекс»», то есть передать полукалькой, как и название следующего блюда из китайского ресторана – Peking ravioli – равиоли по-пекински.

В произведении «Король игры» используются названия племен и народностей. Некоторый из них имеют эквиваленты в русском языке: «зулу» и «банту». Но остальные, Basutos, Bechuanas, Matabele, Barolong, необходимо передавать транскрипцией. В предложении употребляется слово «племя», так что из контекста ясно, что выражают эти реалии:

«This was his land, and the whites were the outlanders. There were many tribes in southern Africa: the Basutos, Zulus, Bechuanas, the Matabele — all of them Bantu. The very word bantu came from abantu—the people. But the Barolongs — Banda's tribe—were the aristocracy» [4, с. 42].

Это была его земля, а белые люди были не ней чужаками. В южной Африке было множество племен: базуто, зулу, бечуана, матабель, - и все они назывались народами банту. Это самое слово на языке банту происходит от «абанту», что значит «люди». Но только Баралонги – племя туземца Банды – были среди них аристократами.

Таким образом, при передаче реалий необходимо анализировать словарные источники, учитывать фоновые знания переводчика и, если реальия не имеет готового варианта, переходить к собственно процессу ее передачи.

Список использованных источников

1. *Бархударов Л.С.* Язык и перевод / Л.С. Бархударов. – М.: Международные отношения, 1975. – 240 с.
2. *Ревзин И.И., Розенцвейг В.Ю.* Основы общего и машинного перевода / И.И. Ревзин, В.Ю. Розенцвейг. – М.: Высшая школа, 1964. — 244 с.
3. *Parker R. B.* Early Autumn / R.B. Parker– N.Y.: McGrawHill, 1991. – 321 p.
4. *Sheldon S.* Master of the Game / S. Sheldon – N.Y.: McGrawHill, 2001. – 423 p.

О НЕКОТОРЫХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ ФОНОСТИЛИСТИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА В ПРОЦЕССЕ КОММУНИКАЦИИ

Шереметьева Екатерина Валериевна

старший преподаватель

ФГАОУ ВО «КФУ имени В. И. Вернадского»

Аннотация. В статье ставится задача рассмотреть специфику варьирования произносительной нормы немецкого языка в разных экстралингвистических условиях. По результатам аудитивного анализа экспериментального материала в виде спонтанных речевых реализаций носителей немецкого языка с рождения и носителей немецкого языка как иностранного делается вывод о фоностилистической индикативности социального статуса говорящего. При этом фоностилистический портрет носителя языка характеризуется набором дистинктивных фонетических переменных. Реализация функции социолингвистической параметризации свидетельствует о том, что фонетический стиль играет важную роль в процессе коммуникации.

Ключевые слова: система языка, речевая ситуация, фоностилистическая вариативность, фоностилистика, социофонетика.

Одним из актуальных направлений современной лингвистики является изучение языковых изменений в контексте коммуникативно-прагматической исследовательской парадигмы, акцентирующей внимание на тесной взаимосвязи языка и среды его функционирования, а также когнитивных и деятельностных структур языкового коллектива в определенный период времени.

«Современная гуманитарная мысль концентрирует внимание на вопросах роли вербальной коммуникации в становлении индивида, личности, социума, этноса, цивилизации. Язык в данном контексте понимается как средство формирования и реализации мировосприятия: мировоззренческих ценностей, табу и лакун» [8, с. 102].

Как справедливо отмечает А. Д. Петренко «в современном языкознании активно разрабатывается проблема соотношения нормативности и варьирования с учетом всего спектра факторов, которые регулируют употребление языка. Языковеды давно столкнулись с необходимостью углубленного и всестороннего

изучения проблем языковой вариативности, связанной с конкретными социальными признаками говорящих» [4, с.4].

В русле концепции научной школы социофонетики и фоностилистики профессора А. Д. Петренко успешно развивается новое перспективное направление лингвистических исследований, направленное на изучение социально обусловленной языковой вариативности на разных уровнях языковой структуры.

В рамках данной научной темы с января 2007 по июнь 2015 года проводилось экспериментальное исследование целью которого было изучение вариативности произношения носителей немецкого языка с рождения и носителей немецкого языка как иностранного. Вариативность была обусловлена взаимодействием языковых и социально-культурных факторов.

«Вариативность – это одно из основных свойств языка, которое демонстрирует эволюцию и изменение языковой системы. Если в 19 веке Г. Пауль [3, с. 52] отмечал, что «толчком для изменений являются индивидуальные колебания», то в настоящее время подчеркивается социальная природа языковых изменений» [1, с. 28].

В одной из своих работ Э.Ш. Исаев отмечает: «Выявление общественно значимых вариантов и исследование употребления этих вариантов в социологически релевантных группах, в определенных ситуациях и при определенной целевой направленности речевой коммуникации является одним из перспективных направлений современных социолингвистических исследований» [2, с. 205].

При проведении фонетической экспериментальной работы было проанализировано 30077 спонтанных секвенций, актуализованных в официальной, неофициальной и нейтральной обстановке 15 информантами, которые были представлены 5 носителями немецкого языка с рождения, 5 немецкоговорящими носителями русского языка и 5 немецкоговорящими носителями английского языка.

Рассматривая вопросы языковых контактов и проблему языковых изменений А.Д. Петренко и А.Я. Поповская отмечают: «нельзя отрицать того очевидного факта, что возникшие под воздействием социально-экономических факторов контакты между народами и их естественное следствие – взаимодействие контактирующих языков, приводят к серьезным изменениям в структуре языка и, в частности, к довольно существенной перестройке фонологических систем. Е. Хауген абсолютно прав, утверждая, что нет языков, которые изменяются сами по себе, но есть люди, которые изменяют языки» [6, с. 145].

Из социолингвистических соображений и для получения более достоверных данных в качестве экспертов и испытуемых были привлечены люди с разным уровнем образования, представляющие разные социальные слои общества.

Коллектив авторов Д.А. Петренко и М.В. Чернышова, рассматривая проблемы социально-функциональной стратификации языка в современных условиях, выделяют следующие отдельные компоненты социальной структуры Германии: «

- управленческие структуры, чиновничество и служащие высшего ранга;
- научно-техническая и гуманитарная интеллигенция (профессора, судьи, адвокаты и пр.);
- инженерно-технические работники и рядовые служащие;
- квалифицированные рабочие государственных и частных предприятий;
- работники аграрного сектора экономики;
- учащиеся и студенты;
- граждане, занимающиеся индивидуально-трудовой деятельностью, частным предпринимательством, неквалифицированные рабочие;

- военнослужащие;
- деклассированные слои – лица без определенного места жительства и группы люмпенизированного населения, маргиналы; безработные.

С точки зрения социально обусловленной вариативности языка основным измерением вертикальной стратификации общества становится «социальный диалект» [7, с. 195].

Таким образом, в каждую из групп информантов входили представители “white-collar” – профессий (лица с высшим образованием) и представители “blue-collar” – профессий (лица без высшего образования). Общая продолжительность звучания аудиоматериала составила около 1800 минут. Обработка записей речи информантов проводилась с помощью программ компьютерной обработки звукового сигнала для Windows 2007 – Olympus Digital Wave Player и VLC media player.

В проведении аудиторского анализа приняли участие 15 экспертов, представленных как носителями немецкого языка с рождения, так и немецкоговорящими носителями русского и английского языков.

Эксперты прослушали записи речи информантов и на основании определённых критериев дали характеристику голоса и оценили манеру речи.

Исследуя ряд признаков немецкого консонантизма в социофонетическом и фоностилистическом аспектах А.Д. Петренко и Д.А. Петренко ссылаясь на выводы, сделанные ранее У. Лабовым отмечают: «... для всех членов данного коллектива характерны одни и те же закономерности, проявляющиеся в выборе тех или иных произносительных форм в зависимости от социальной ситуации общения [10]. Общая модель ситуативной вариативности может при этом по-разному реализоваться в различных социальных группах. Так, например, речь представителей высших социальных слоев характеризуется преимущественным использованием т.н. „престижных“ форм, а у представителей „низшего среднего класса“ (по терминологии У. Лабова) наблюдается гиперкорректное употребление этих форм в ситуациях официального общения» [5, с. 55].

Эксперты распределили испытуемых в соответствии с предложенными им критериями «классификатора профессий», или согласно своим собственным представлениям. Критерии «классификатора профессий» представляли собой список признаков или характерных черт, субъективно приписываемых речи разных профессиональных групп. Зафиксированный объективный языковой материал и субъективное восприятие, основанное на личном опыте с учётом мнений, оценок, ожиданий от применения определённых языковых явлений в речевой практике носителя немецкого языка как родного и как иностранного, позволили экспертам в итоге определить общую профессиональную принадлежность испытуемых, а именно: представитель «white-collar» – профессии или представитель «blue-collar» – профессии.

По результатам лингвистической интерпретации экспертных идентификаций можно сделать вывод о том, что существует связь между фоностилистической реализацией высказываний спонтанной речи и социальным статусом, общим образовательно-культурным уровнем носителей немецкого языка как иностранного. На дифференциацию произносительных стилей оказывают влияние не отдельные факторы, а только комбинация основных переменных, формирующих фонетический стиль. Слушающий воспринимает фоностилистические особенности и фонетический стиль как комплексное явление. Говорящие в процессе коммуникации проявляют предпочтение в использовании отдельных фоностилистических средств. В результате возникают значительные различия на произносительном уровне, которые можно объяснить экстралингвистическими факторами.

Материалы исследования свидетельствуют о том, что социальный статус говорящего является одним из самых главных факторов, влияющих на особенности произношения носителя языка. Фоностилистические и коммуникативно-теоретические характеристики неподготовленной речи производят на слушающего комплексное фоностилистическое впечатление, на основании которого он может с большой степенью точности определить

социальный статус говорящего. Результаты исследования позволяют считать фонетический стиль надежным индикатором социального статуса и общего культурного уровня носителя языка, его способности к творческому применению языковых средств.

Список использованных источников

1. *Исаев Э. Ш.* Понятие социальной вариативности и проблема социальной стратификации стилей // *Культура народов Причерноморья* / Э. Ш. Исаев. – № 29. – Симферополь, 2002. – С. 28-31.
2. *Исаев Э. Ш.* О базовых подходах к изучению вариативности языковой структуры на произносительном уровне // II Научная конференция профессорско-преподавательского состава, аспирантов, студентов и молодых ученых «Дни науки КФУ имени В. И. Вернадского» / Э. Ш. Исаев. – Симферополь, 2016. – С. 205-206.
3. *Пауль Г.* Принципы истории языка / Г. Пауль. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 500 с.
4. *Петренко А. Д.* Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры. – / Под ред. А. Д. Петренко /. – Коллективная монография. – Москва, Изд-во «Перо», 2015. – 491 стр.
5. *Петренко А. Д., Петренко Д.А.* О некоторых признаках немецкого консонантизма в социофонетическом и фоностилистическом аспектах / А. Д. Петренко, Д. А. Петренко. – Ученые записки КФУ имени В.И. Вернадского – Научный журнал. – Филологические науки. – Том 1(67), №2. – Симферополь, 2015. – Стр. 53-61.
6. *Петренко А. Д., Поповская А. Я.* Языковой контакт и проблема языковых изменений / А. Д. Петренко, А. Я. Поповская. – Ученые записки КФУ имени В.И.Вернадского – Научный журнал. – Филологические науки. – Том 1(67), №1. – Симферополь, 2015. – Стр. 143-151.
7. *Петренко Д. А., Чернышова М. В.* О некоторых проблемах социально-функциональной стратификации языка / А. Д. Петренко, М. В. Чернышова. – Ученые записки КФУ имени В.И.Вернадского – Научный журнал. – Филологические науки. – Том 1(67), №1. – Симферополь, 2015. – Стр. 189-196.]
8. *Храбскова Д. М.* О социолингвистическом статусе коптского языка в контексте древней ближневосточной этнокультуры // Социолингвистические проблемы вариативности языка как целостной структуры / Петренко А.Д., Храбскова Д.М. – М.: Издательство «Перо», 2015. – С. 102-143.
9. *Haugen E.* Social factors of sound change. // *Proceedings of the IX - th International Congress of Phonetic Sciences.* / E. Haugen // – Copenhagen, 1980. – Vol. III. – pp. 222-237.
10. *Labov W.* The social stratification of English in New York City / W. Labov // – Washington: D.C., 1966. – 600 p.; Labov W. Some principles of linguistic methodology / W. Labov // – *Language in society.* – No.1, 1972; Labov W. Der Ausdruck sozialer Prozesse in linguistischen Strukturen / W. Labov // – *Sprache und Gesellschaft.* – Hamburg : Hoffman und Campe, 1972. – 338 S.; Labov W. A quantitative study of sound change in progress / W. Labov // – *Report on National Science Foundation Grant GS – 3287,* – pp. 3-45. – Philadelphia, 1972; Labov W. Sociolinguistic Approach to the Problem of Normalisation / W. Labov // – *Proceedings on the Ninth International Congress of Phonetic Sciences.* – Copenhagen. – V.1, 1979. – p. 441; Labov W. Einige Prinzipien linguistischer Methodologie / W. Labov // – In : H. Steger (Hrsg.) *Soziolinguistik. Wege der Forschung.* – Darmstadt, 1982. – S. 7-23.